

P 55

МИРИТМАН-ФЕТИСОВ

ДЖАМБУЛ
ДЖАБАЕВ



КАЗОГИЗ 1946

М. И. РИТМАН-ФЕТИСОВ

ДЖАМБУЛ ДЖАБАЕВ

ЖИЗНЬ и ТВОРЧЕСТВО

КАЗОГИЗ

Алма-Ата — 1946

ОТ АВТОРА

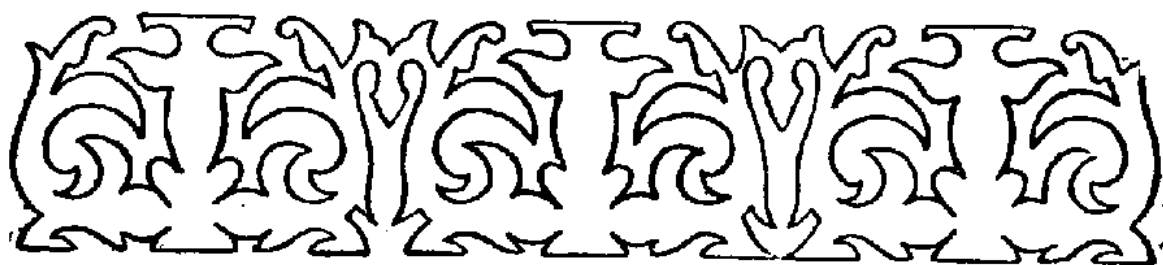
Книга «Джамбул Джабаев» приурочена изданием к 100-летию со дня рождения казахского народного певца.

Джамбул не дожил до своего юбилея: он скончался в 1945 году. Дни траурные от дней юбилейных отделены коротким сроком. Еще не приспело время для вполне стройного и углубленного исследования, подводящего итоги в области изучения поэта. На исчерпывающую монографию эта работа не претендует.

Возможно, однако, что широкий советский читатель примет эту книгу благосклонно. Он давно знает и любит чудесные песни казахского акына. Он не располагает пока ни одним печатным источником, из которого можно было бы почерпнуть сколько-нибудь основательные сведения о личности великого акына, о его жизненном пути, о его мастерстве.

Книга принесет, возможно, и другую пользу. Появившись в связи с юбилеем Джамбула, она откроет собой ряд новых исследований о поэте. Они будут вестись планомерно и систематически, отвечая интересам советского литературоведения и отдавая должное светлой памяти народного певца сталинской эпохи.





ГЛАВА ПЕРВАЯ

НАРОДНЫЙ ПЕВЕЦ СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ



I

Казахстан. — обширная страна с территорией около трех миллионов квадратных километров. На площади Казахстана могли бы разместиться все государства Западной Европы. Его степные просторы окаймлены на востоке отрогами живописного Алтайского хребта, а на юге и юго-востоке — высокой снеговой цепью Тянь-Шаня.

Здесь издревле кочевал, занимаясь скотоводством, казахский народ. Казахи этнически связаны с тюркскими и монгольскими племенами, представляя, однако, самостоятельную ветвь этих племен. Как активная историческая сила казахи выступили уже в средние века. Их рано захватил круговорот событий, среди которых серьезное значение приобрели монгольские завоевательные походы, задержавшие социально-экономическое развитие казахского народа, и длительная национально-освободительная борьба.

Мощным географическим фактором являлись оживленные караванные пути, проходившие через казахские степи. Эти пути вели из Европы в Азию и Китай. Черты социальной жизни старого Казахстана характеризовались феодально-родовым строем и резкой противоположностью в имущественном положении разных классов: ханы и баи владели огромными богатствами,

тогда как трудовые аульные массы были обездолены и нищенствовали.

Развитие страны шло замедленными темпами. Господствовали законы обычного права, неограниченная власть родовых старшин, одурманивающая проповедь ислама и общественный застой. Где-то за далекими рубежами страны человечество торжествовало величайшие победы культуры, техники и науки. Казахи же продолжали оставаться в тисках отсталого, кочевого быта и примитивной гражданственности. Пустынно и глухо было кругом. Такова была жестокая логика дореволюционной истории почти всех народов нашего Востока.

«Царизм, — писал товарищ Сталин, — намеренно культивировал на окраинах патриархально-феодальный гнет для того, чтобы держать массы в рабстве и невежестве. Царизм намеренно заселил лучшие уголки окраин колонизаторскими элементами для того, чтобы оттеснить туземцев в худшие районы и усилить национальную рознь. Царизм стеснял, а иногда просто упразднял местную школу, театр, просветительные учреждения для того, чтобы держать массы в темноте. Царизм пресекал всякую инициативу лучших людей местного населения. Наконец, царизм убивал всякую активность народных масс окраин».¹

На мрачном фоне дооктябрьской политической действительности выделялось одно светлое и глубоко прогрессивное явление: это — сближение русского и казахского народов, скрепленное чувством братства в труде и общностью идейно-революционных устремлений. Сближение это давало о себе знать делами и чаяниями выдающихся представителей самого же казахского народа: Чокана Валиханова, Абая Кунанбаева, Ибрая Алтынсарина, Амангельды Иманова. Историческая связь русских и казахов становилась тем содержательнее, что русские — народ многочисленный, передовой, могучий, казахи — сравнительно малочисленный, но энергичный и высоко одаренный. Никакие политические махинации царизма не могли посорить трудовые массы казахов и русских: они вместе шли к Великому

¹ И. Сталин. Политика советской власти по национальному вопросу в России. Сб. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Гос. изд-во политич. литературы. М., 1939, стр. 81-82.

Октябрю, а затем спаяли свои судьбы в рамках единого советского государства.

Когда победила советская власть, для Казахстана открылась новая история, история социалистического возрождения. Под руководством великой партии Ленина—Сталина при дружеской поддержке русского народа трудящиеся Казахстана освободились от векового гнета, после чего разгромили и буржуазных националистов из алаш-орды, которые пытались в союзе с белогвардейщиной вернуть старый режим.

Уже в самом начале новой эры связал свое имя с практическим осуществлением большевистской национальной политики в Казахстане товарищ Сталин. От него и к нему тянутся нити всех важнейших событий пореволюционной истории Казахской ССР. Победы на фронтах гражданской войны, установление в октябре 1920 года автономии Казахстана, ликвидация эксплуататорских элементов, переход на оседлое положение, проведение земельной реформы, превращение страны спящих богатств в развитую индустриально-аграрную республику, становление социалистической по содержанию, национальной по форме культуры, — словом вся история социалистического преобразования Казахстана связана с именем великого Сталина¹.

Под руководством товарища Сталина превратилось в реальность гениальное ленинское предвидение, что «с помощью пролетариата наиболее передовых стран, отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития»². Казахский народ в условиях кипучей социалистической стройки действительно совершил гигантский скачок от феодально-родового строя, от патриархальщины, от рабского прозябания под властью баев и царских колонизаторов к широко распространенной грамотности, к свободному творческому труду, к победам сталинской индустриализации и коллективизации, к высотам передовой социалистической культуры.

¹ См. Н. Тимофеев. Великий друг казахского народа, **Каз.** Гос. изд. полит. литературы, Алма-Ата, 1939.

* В. И. Ленин. Соч., том XXV, стр. 354.

П

Трижды орденоносный народный певец сталинской эпохи Джамбул Джабаев — одно из замечательных явлений героической эпохи рождения, развития и окончательной кристаллизации новых общественных форм в Казахстане.

Джамбул—ровесник целого столетия, живая история угнетения и страданий казахского народа, затем живая история его возрождения. В биографии Джамбула, в биографии одного человека, запечатлелось и мрачное прошлое Казахстана и светлое его настоящее. Словно сказочный богатырь эпических поэм, выдвинут он революцией из самой толщи своего народа. На заре новой эры он, как и Горький, почувствовал чудесно возвращенную молодость. Тогда он сменил песни скорби и гнева на песни счастья.

Джамбул, как и М. Горький, на своей личной судьбе испытал «столько жестокостей и гнусностей со стороны господ-эксплоататоров», видел, как и М. Горький «столько замученных подневольным трудом и забитых гнетом капитала»², что все это выработало у него неугасимую ненависть к угнетателям и укрепило любовь к трудящемуся люду. Певец сумел острее других почувствовать величие революционных социалистических преобразований. Удивительная ясность зрения, мудрость долголетнего опыта жизни, орлиная высота восприятия окружающего позволяли народному поэту не только увидеть героическое новое, но и запечатлеть его в своей пламенной поэзии. Через искусство Джамбул слился с пореволюционной действительностью настолько, что стал выдающимся народным певцом сталинской эпохи.

Джамбул запел в наше время о счастье, радости, о победе социализма, о гениальных созидателях новой жизни — Ленине и Сталине. И песни казахского акына оказались понятными, родными и близкими всем народам Советской страны.

¹ См. М. Горький. О кошке и о точке. Сб. «О литературе» Гослитиздат, М., 1935, стр. 169.

² В. М. Молотов. Речь на Красной площади в день похорон А. М. Горького. Газ. «Правда» от 21 июня 1936 года.

Одаренный могучим поэтическим талантом, Джамбул унаследовал от своих соотечественников почти тысячелетнюю национальную культуру устной песенной импровизации. В Джамбуле с изумительной полнотою выявилась мощь подлинно народного творчества.

К истокам народного творчества обращались все титаны мировой литературы. В нем, по словам А. М. Горького, — «...начало искусства слова»¹. Мы неслучайно восхищаемся Гомером, «Словом о полку Игореве», скандинавскими и ирландскими сагами, «Неистовым Роландом», «Калевалой». Многие от очарования этих бессмертных памятников мирового эпоса слышатся нам и в песнях Джамбула. Это песни одного, а в то же время простые и мудрые песни миллионов.

Художественная простота — самое выдающееся качество творений прославленного акына.

Ясностью социалистического сознания предопределялась ясность и простота художественной формы лирических произведений Джамбула. А. М. Горький неоднократно указывал, что ложь требует для маскировки различных формалистических вывертов и ухищрений, а правда всегда требует простоты. Вильгельм Либкнехт, в воспоминаниях о Карле Марксе, подчеркивал, что «ясность языка — результат ясного мышления, а ясная мысль неизбежно обуславливает ясную форму». Используя формы традиционного казахского фольклора и наполняя их новым содержанием, Джамбул предельно прост, понятен и широко доступен. В художественной разработке его мысль всегда чиста и прозрачна. Простота — результат творческого напряжения, мастерства. Она уже во многом предопределена жанровыми свойствами песни: только та песня звучит во весь голос, в которой каждое слово просто, содержательно и выразительно.

III

На протяжении всех советских лет голос Джамбула символизировал неиссякаемость творческих сил народов СССР. С другой стороны этот голос не уставал выполнять чисто рабочую функцию: он звал к борьбе, звал к победе, звал к познанию великой правды

¹ М. Горький. Заключительная речь на Съезде советских писателей. Сб. «О литературе». Гослитиздат, М., 1935, стр. 401.

Ленина-Сталина, звал к живому ощущению образов Ленина и Сталина. Песня Джамбула в буквальном смысле работала.

Нельзя не согласиться с академиком Ю. М. Соколовым: «Октябрь выявил и показал всему миру, какие огромные и многообразные таланты имеются среди трудящихся всех национальностей, составляющих единую братскую семью советских народов. Имена дагестанского ашуга Сулеймана Стальского и казахского акына Джамбула стали знакомы, близки и дороги каждому советскому человеку, где бы он ни жил, к какой бы национальности он ни принадлежал»¹.

Джамбул получал тысячи писем со всех концов Советского Союза. Разбирая архив покойного акына, убеждаешься, что письма говорят не только о всеобщем признании яркого народного таланта. В них на каждом шагу свидетельство того, что Джамбул научил своего читателя серьезно думать и глубоко чувствовать. Акын заражал пафосом своей поэзии в одинаковой мере рядовых тружеников и представителей интеллигенции.

Герой Советского Союза А. Ляпидевский для своей статьи о товарище Сталине берет эпиграфом джамбуловские строки: «Я Сталина славлю во всех моих радостных песнях»... Академик Б. А. Келлер цитирует песни Джамбула, говоря о расцвете социалистической родины, связанном с именем Сталина. Скульптор С. Д. Меркуров обращается к песням Джамбула и находит в них то, что нужно ему для наилучшего творческого выполнения работы над художественным образом Сталина. К песням Джамбула постоянно обращается наша публицистика. В передовых статьях центральной, республиканской и областной печати сплошь да рядом используются джамбуловские поэтические тексты.

О творчестве Джамбула можно сказать словами Ленина: «Это — доподлинное народное творчество, такое нужное и важное для изучения народной психологии»².

¹ Ю. Соколов. Песни Джамбула, «Литературный критик» № 6, 1938, стр. 123.

² Вл. Бонч-Бруевич. Ленин о поэзии. Цитир. по книге проф. Н. П. Андреева «Русский фольклор» Учпедгиз, М.-Л., 1938, стр. 29.

Нужным и важным оно оказывалось даже на трибуне партийного съезда. В речи на XVIII съезде ВКП(б) Емельян Ярославский отзывался о песнях Джамбула: это — «...бодрые песни радости, песни борьбы и труда»¹. Произведения казахского акына поистине стали у нас общенародным достоянием.

Однако значение Джамбула еще шире: оно выросло в фактор воспитательного воздействия и для трудящихся зарубежных стран. Джамбул, представляющий целый народ, ранее малоизвестный миру, а в нашу эпоху поднятый до активного участия в строительстве социалистического общества, оказывается для трудящегося человечества довольно убедительным символом тех перспектив, какие открыты для миллионов освобожденных людей в условиях торжества ленинско-сталинской национальной политики. Это отлично выразил Ромэн Роллан в приветственной телеграмме Джамбулу в день празднования 75-летнего юбилея его творческой деятельности. Роллан от имени прогрессивной интеллигенции Западной Европы писал:

«От сердца западных Альп к сердцу степей Казахстана братский привет Джамбулу — певцу своего казахского народа и нового человечества»².

О Джамбуле появились в наше время многочисленные статьи в зарубежных периодических изданиях. Его песни все чаще и чаще переводятся на широко распространенные языки мира — французский, английский, немецкий.

В сознании трудящихся зарубежных стран Джамбул встает и как величественный тип советского поэта, и как живое воплощение счастья, свободы и радостного творчества освобожденных народов СССР.

Близок, дорог и понятен Джамбул трудящимся капиталистических стран оттого, что они видят в воспеваемой им родине свою родину, а в нем самом — своего поэта.

От имени трудящихся Дании Джамбулу в день 75-летнего юбилея его творческой деятельности со словами сердечного приветствия обратился старейший пролетарский писатель Мартин Андерсен Нексе:

¹ Е. М. Ярославский. Речь на XVIII съезде ВКП(б). Стенографический отчет съезда, стр. 136.

² Газ. «Казахстанская правда», от 22 мая 1938 г.

«Много интересного и великого видели и пережили Вы за свою долгую жизнь. Ваш жизненный путь представляется мне необычайно богатым и всеобъемлющим. Достигнув преклонного возраста, — в чем я надеюсь подражать вам, — Вы перекинули мост тысячелетней культуры от жизни кочевников к жизни современного, передового человека, свободного советского гражданина. И из этого громадного периода Вы почерпнули богатый жизненный опыт и применили его к поэзии борьбы. Как барды в старых сказаниях, Вы своими боевыми песнями вдохновляли борцов. Вы счастливец, Вы были очевидцем развития культуры от жизни кочевников до советской жизни, и Ваше сердце никогда не старилось, а всегда оставалось юным, сердцем смелого юноши. Вы и теперь пионер! И как пионера я приветствую Вас»¹.

В таких выражениях определял значение творчества Джамбула иностранец, сын Дании — страны далекой от Казахстана.

IV

Историко-литературное значение Джамбула заключается в развитии и обогащении народности социалистического искусства. Органическим включением народного творчества в русло поэзии социалистического реализма, созданием наиболее сильных лиро-эпических образов Ленина и Сталина, страстной большевистской целеустремленностью каждой своей песни и поэмы, правильным отбором тем для художественных произведений, — всем этим Джамбул дает поучительные примеры решения основной проблемы нашего искусства — народности.

Жизнь и творчество акына на протяжении почти целого столетия оставались связанными с жизнью казахского народа. В сердце родного народа черпал певец мудрость, накопленную в веках, могучую страсть к борьбе за лучшую долю и мужество говорить неподдельную правду. Сам поэт отлично определил истоки народности своих произведений.

С родною домброй по степям пройду,
Сокровище слов в народе найду.

¹ Мартин Андерсен Нексе. Великому народному поэту Джамбулу. «Казахстанская правда», от 23 мая 1938 года.

Я песни посею в пылких сердцах,
И вырастут песни степного певца.¹

Просто и правдиво определяет Джембул основные цели своего творчества и в другом месте:

Тот не поэт, кто к борьбе не зовет,
Кто сердцем с народом своим не живет,
Кто песни о родине не поет.²

Затем в песне, пропетой в Кремле после получения ордена Ленина, Джембул снова говорит о том, что составляет смысл его поэтических импровизаций:

Я песню пою в лучезарном Кремле,
Пусть клятвою песня летит по земле!..
Пока над вселенною' солнце горит,
Пока моя сила, как море кипит,
Пока мое сердце, как беркут парит, —
Я песни свои не устану слагать
Тебе, моя светлая Родина-мать... и т. д.³

Лучший, талантливейший поэт советской эпохи В. В. Маяковский, подобно Джембулу («лук — домбра, а песни — стрелы»), рассматривал свои стихи как боевое оружие атакующего класса. В. В. Маяковский и Джембул — поэты неодинакового творческого облика, но оба они большевики в искусстве. Перед нами пример того, как люди разных поколений и различного склада сходятся в понимании назначения поэзии. Маяковский и Джембул при всем несхождении индивидуальностей являются литературными деятелями того типа, основные черты которого гениально предугадал В. И. Ленин в знаменитой статье «Партийная организация и партийная литература». Оба они утверждают беззаветное служение художественного слова «...миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, будущность»⁴.

Значение такой целенаправленности для советской

¹ Д ж а м б у л. Моя Родина «Песни и поэмы». Гослитиздат М., 1938, стр. 146.

² Д ж а м б у л. Песня о жизни, Путешествие на Кавказ. Гослитиздат, М., 1938, стр. 84.

³ Д ж а м б у л. Я песню пою в лучезарном Кремле. Газ. «Казахстанская правда», от 4 декабря 1938 года.

⁴ В. И. Ленин. Соч., т. VIII, стр. 390.

литературы трудно переоценить. Песни Джамбула учат наших поэтов упорно и по-большевистски работать над темами современности.

Далее, творчество нашего акына отличается неповторимым своеобразием национальной художественной формы. С рельефной выразительностью во всех произведениях Джамбула (не только в оригиналах, но даже в переводах на русский и другие языки) раскрывается глубочайший смысл сталинского положения о культуре «социалистической по содержанию и национальной по форме». Любимые всей страной песни Джамбула представляют по содержанию образец выражения социалистической идеологии, а по форме — образец национального казахского песенного искусства.

Не только язык акына, но и способ поэтического мышления, особенности построения и развития образа, особенности композиции, характер метафоризации, круг поэтических ассоциаций предопределены историей, природой и бытом Казахстана. Нечего доказывать, что и ритмика песни, всегда импровизируемой певцом с домброю в руках, имеет ярко национальный колорит, составляет основу «национальной формы». Оттого Джамбула можно узнать по одной строфе, по одной строчке, даже в русском переводе, если он точен и хорош.

V

Весьма значительна роль Джамбула во всей советской поэзии. Тем более она велика в современной поэзии казахов. Идеино-организующее значение джамбуловского песнетворчества для казахских акынов и профессиональных поэтов неоспоримо.

Своеобразие стиля у Джамбула, богатство идейного содержания его песен, блистательная разработка сложнейших образов, поучительная творческая активность престарелого народного **певца**, — все это обусловило возникновение целой «школы Джамбула» в казахской советской литературе. Сюда вошли и его прямые ученики-акыны и его старые спутники по **поэтическому** поприщу.

При изучении произведений нынешних акынов **можно** без труда установить, как основные мотивы и образы Джамбула варьируются в их песнях. Нельзя говорить

о грубом подражании, но допустимо утверждать, что в данном случае естественно проявляется серьезное влияние Джамбула — ведущей силы казахского народного творчества — на прочих его мастеров.

Джамбула справедливо называют «командармом» акынов. Так же, как сам Джамбул неоднократно в песнях с благодарностью вспоминал своих поэтических учителей Суюмбая, Бухара, современные акыны единодушно признают идейно-художественное воздействие на них сильнейшего певца сталинской эпохи.

Заслуженный деятель искусства Казахской ССР, народный акын Нурпеис Байганин в «Майской песне» открыто воспевал любимого «Жаке» (ласкательное имя Джамбула), как главу многочисленной плеяды деятелей современной казахской поэзии:

Долго я к счастью дорогу искал,
Столетний акын во мне брата признал,
Велел поравняться с его скакуном,
Чтоб песню о Сталине грянуть влвоем.
Домбра моя, копь легендарный ты мой,
Я в песне поеду, Жаке, за тобой,
Я крепко усеся в чудесном седле,
Поскачем же, брат мой, по вольной земле!¹

Гораздо сложнее, но не менее реально, творческое взаимодействие Джамбула с письменной казахской советской поэзией. Процесс такого постоянного взаимодействия составлял при жизни акына один из важнейших факторов литературной жизни Казахстана.

Характерной особенностью советской казахской литературы является одновременное развитие и устного народно-поэтического творчества и письменного творчества. «В хоре национальных советских литератур, — говорил Л. С. Соболев на втором съезде писателей Казахстана в 1939 году, — казахская литература занимает особое место, обусловленное всем ходом ее исторического развития. В казахской литературе есть свойство, которое отличает ее от многих, если не от всех литератур Советского Союза... Это свойство, по глубокому моему убеждению, заключается в том, что в казахской

¹ Нурпеис Байганин. Майская песня. Газ. «Казахстанская правда». от 1 мая 1940 год.

советской литературе существуют две равноправные и равноталантливые струи: литература, так сказать, профессиональная, письменная и литература народная, устная»¹.

Содержание первой антологии казахской литературы «Песни степей» ярко отразило эту особенность: в ней на равноправных началах представлены акыны и профессиональные литераторы. Обе «равноталантливые» струи не существуют изолированно, они постоянно связаны между собой.

Для казахских стихотворцев творчество Джамбула, обобщающее все богатства устной народной поэзии, представляет своего рода сокровищницу художественной культуры. Образный, простой и содержательный язык, мастерское изображение характеров, умелое сочетание социалистического содержания с национальной формой, удачное соединение лиризма с эпическим показом действительности, красочность пейзажа и прочих описаний, — все это оказывает определенное влияние на продукцию казахских работников пера. Сохраняя индивидуальную манеру в творчестве, лучшие казахские поэты—Таир Жароков, Аскар Токмагамбетов, Абдильда Тажибаев и другие—весьма дорожат образами творчества Джамбула и постоянно обращаются к нему, как к животворному источнику. Те же поэты учатся у Пушкина, Лермонтова, Маяковского, Гейне, у разных западно-европейских и русских классиков, но это не исключает творческого усвоения того, чем велик и знаменит Джамбул.

Отдельные казахские поэты прямо признают себя учениками отца народных акынов:

Немало акынов наш вырастил край,
Но ты среди них—великан Гималай
И чудные звуки волшебной струны,
Как радость слетают к народам страны.
Чтоб лучше мне петь—у тебя я учусь,
И этим немало и в жизни горжусь²

На первый взгляд несколько парадоксально, но по существу верно звучит утверждение Л. С. Соболева:

¹ Л. С. Соболев. Работать сталинским стилем Журн «Литература и искусство. Казахстана» № 7, 1939, стр. 19—20

² Д и х а н А б и л е в. Джамбулу. Журн. «Литературный Казахстан» № 5. 1938 г., стр. 67.

«Его (Джамбула — М.Р.) могучий талант народного певца, хранителя поэтических народных традиций, и его ясное советское мироощущение сумели слить воедино две струи казахской литературы: древнюю устную поэзию и современную профессиональную поэзию»¹.

Парадоксальность в том, что сам Джамбул никогда не обращался к перу. Произведения Джамбула, созданные устно, тем не менее систематически публиковались и немедленно входили в творческий обиход современной не только казахской, но и всей советской литературы.

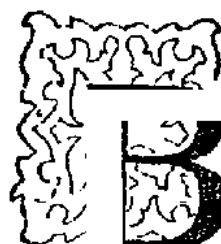
Таким образом, наметился совершенно особый процесс слияния устной поэтической традиции с письменной поэзией.

В условиях стремительного подъема социалистической культуры, когда все население казахской республики становится поголовно грамотным, в творчестве акынов происходят неизбежные сдвиги. Устная импровизация по всему фронту сливается с письменной литературой, которая, естественно, играет в современном литературном процессе ведущую роль. Народные поэты Сеядиль Керимбеков — талантливейший ученик Джамбула — и Сапаргали Алимбетов уже работают с пером в руках.

Творческое взаимодействие народных певцов со всей письменной казахской поэзией — залог дальнейшего расцвета литературы советского Казахстана. Если на основе устного народного творчества могло возникнуть такое яркое явление, как Джамбул, то в результате органической взаимосвязи народного творчества и творчества писателей должны выявиться в литературе поистине невиданные силы мастеров социалистического реализма.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ АКЫНА



I

В метельном феврале 1846 года в бедной семье казаха-кочевника Джабая (правильно — Жапа) родился мальчик, названный Джамбулом. Место рождения акына — пустынный, до сих пор необжитый район в Чу-Илийских горах, являющихся продолжением Заилийского Ала-Тау. Гора Джамбул, недалеко от которой жена Жапа, Улдан, родила мальчика, представляет одну из самых северо-западных форпостных точек этих гор, известных еще и под названием Лунных гор (Ай-Тау). Гора Джамбул по имени которой был назван новорожденный, расположена, примерно, в трехстах километрах от гор. Алма-Ата.

В ту суровую зиму род, в состав которого входило семейство Джамбула, уходил от преследования кокандского хана. Насильно изгнанные из родных степей, беглецы направились в предгорья, чтобы там найти спасение от кровопролитных, грабительских кокандских набегов. В пути жена Джабая и родила ребенка. Родные составили из верблюдов круг, покрыли его кошмами, и в этой своеобразной походной юрте родился Джамбул.

В поэме «Моя жизнь» Джамбул так характеризует, основываясь на рассказах близких, условия первых лет своей жизни: «в черное время, в нерадостный год шел, кочевал мой любимый народ». В черное время нашествия жестокого кокандского хана Худояра, в тревож-

ной обстановке гонений и лишений началась жизнь **бурного** дущего акына.

В ночь у подножья Джамбула горы
Сжавшись комочком у снежной норы,
Мать моя, рабскую жизнь кляня,
В столах и муках родила меня.

В

Любопытны и чисто бытовые детали первых **безрадостных** дней жизни «рожденного в буре»:

Мать понесла на усталом плече
Вьюк драгоценный, и сорок ночей
Мазала мазью меня, укрывала
Нежной мерлушкой, от вьюги спасала,
Мыла в соленой, как в море, воде...
Встер упрямо в кибитках гудел,
Вьюга крепчала, пурга завывала,
Войлоком снежным следы застилала
И обжигала открытую грудь...
Горький, безрадостный путь! ¹

Детские годы Джамбула прошли в тяжелой **обстановке**. И холод, и голод, и социальное бесправие **бедняка** рано довелось испытать мальчику. Наблюдая **впоследствии** счастливое, золотое детство советской детворы, Джамбул с горечью и сердечной болью вспоминал:

Мы росли, малыш, в неволе,
Пас, как перекасти-поле,
По степям пужда пала.
Наше детство было мукой,
Нашей школой и наукой
Палка байская была.
Ласки мы, малыш, не **знали**,
Мы голодными скитались
По горам и по долам
Нам пески постелью **были**,
Мы с волчатами делили
Наше детство пополам...²

¹ **Джамбул**. Моя жизнь. Цитир. по книге стихов и переводов П. Кузнецова «На Иртышском берегу». **Каз.** из-во худож. лит., Алма-Ата, 1940, стр. 49—50.

² **Джамбул**. Учись, малыш. Журн. «Литературный Казахстан», № 9, 1938, стр. 13.

«Действительное духовное богатство индивида, — писали К. Маркс и Фр. Энгельс в «Немецкой идеологии», — всецело зависит от богатства его действительных отношений» (Партиздат, 1934 г., стр. 27). Развитие поэтического дара Джамбула и происходило под воздействием многообразных явлений окружающей жизни. Народный акын преодолевал узкие пределы обычных родовых представлений, вглядывался во все противоречия отживающих и нарождающихся социальных отношений, обновлял традиционные формы устной поэзии новым идейным содержанием. Только после этого он выступил выразителем общенародных переживаний и чаяний. Его миропонимание складывалось и оформлялось в необычных условиях Джетысу (Семиречья) второй половины минувшего столетия.

В отличие от других районов, Джетысу (территория нынешних Алма-Атинской и Талды-Курганской областей), где прожил свою жизнь Джамбул, представляло в то время арену напряженных исторических событий, непосредственно определявших судьбы казахского народа. Долгое время казахи Джетысу (Семиречья) изнывали от варварского господства джунгарских захватчиков и затем кокандских ханов. Тогда повсеместно царил неограниченный произвол, казахи облагались разорительными поборами, обращались в рабство. Пользуясь беззащитностью казахских аулов и попустительством кокандских наместников (куш-беги), киргизские манапы также совершали грабительские набеги.

Продвижение русских войск в пятидесятые годы избавляет, наконец, Джетысу от кокандского владычества. Казахский народ и его батыры, в том числе и воспетый Джамбулом Суранши-батыр, деятельно участвовали в боевых операциях русских войск против кокандских ханов.

С приходом русских обстановка в Семиречьи радикально изменяется на глазах молодого и наблюдательного Джамбула. Возникает первый в Семиречьи город Верный (ныне Алма-Ата), появляются тысячи русских переселенцев, под влиянием которых казахи начинают заниматься земледелием, развивают ремесла и постепенно переходят от кочевья к оседлости. Семиречье становится оживленным районом, где подготовляются,

откуда совершают дальние маршруты различные научные экспедиции по изучению Западного Китая, Тибета. Край покрывается многочисленными поселками, строятся дороги, открывается пароходство на реке Или. Для казахов открылись широкие пути развития мирных связей с различными народами и отдаленными районами. Немаловажным обстоятельством являлось и то, что в Семиречье складывались тесные взаимоотношения между казахами и русскими, киргизами, уйгурами, дунганами, китайцами, узбеками, татарами. Все эти явления и события непосредственно обогащали духовный мир поэта и вызывали с его стороны живейший интерес, как свидетельствует собственное его признание в **айтысе** с Кулмамбетом (1881 г.):

К югу раскинулись Намаган
И Андижан и Маргелан.
Связаны торгом с Ташкентом они,
С нами ведут обмен там они.
Русский с казахом дружен теперь,
Локоть к локтю идет он с **ним**.
Этот союз нужен теперь,
Это мы всем теперь объясним,
Всем, кто захочет слушать нас.

Джамбул отчетливо видел и все отрицательные последствия царской колонизации: обезземеливание **казахов**, разжигание межнациональной розни, хищническое обогащение купцов, союз баев с чиновничьей бюрократией. Он был и непосредственным свидетелем тех значительных изменений в казахской действительности, которые были вызваны введением «Временного положения» 1868 года и знаменовали ломку феодально-родовых устоев в казахских аулах. Богатство разнородных жизненных впечатлений позволяло Джамбулу избежать односторонних обобщений, пессимистических **выводов**, помогало понять общность тяжелой судьбы трудящихся различных национальностей и непоколебимо верить в светлое будущее.

Таким образом, если в жизни Джамбула не было **таких** друзей, передовых представителей демократической русской интеллигенции, как Е. П. Михаэлис, Н. И. Долгополов, Леонтьев, сыгравших свою роль в развитии мировоззрения Абая, то прогрессивные русские **влияния**

проявились в других формах. Русский народ, выполнивший цивилизующую миссию по отношению к народам Средней Азии, помог и великому казахскому акыну подняться на более высокую ступень самосознания, по сравнению с представителями устной поэзии прошлого века.

История казахского народа полна фактов напряженной борьбы за национальную независимость, борьбы против джунгарских, китайских, бухарских и иных чужеземных завоевателей, совместной борьбы с русским народом против царского самодержавия.

Джамбул, выступавший в годы бурных социальных конфликтов XIX века, идейно формировался под воздействием национально-освободительного движения. Дела батыров — Исатая Тайманова, Махамбета Утемисова, Амангельды Иманова и других защитников народных прав нашли горячий отклик в поэзии Джамбула. Он часто поминал их в своих песнях, а главное они всегда оставались для него образцом общественного поведения, укрепили уверенность в правильности избранного пути служения народу.

Героика национально-освободительного движения получила всестороннее отражение в народном творчестве и таким путем еще более непосредственно оказала влияние на формирование демократической позиции акына. Идеи протеста против двойного социального гнета отразились в той или иной мере в творчестве акынов XIX столетия — Доскожа, Махамбета Утемисова, Шернияза и других. Лучшие произведения их, бывавшие устно, были хорошо знакомы Джамбулу.

С наибольшей полнотой эти идеи развиты в творчестве Махамбета Утемисова (1804—1845 гг.). Страстная ненависть к хану Джангеру, покорному слуге царских колонизаторов, свободолюбие, преданность народу, мужественная любовь к страждущему краю, благородство и самоотверженность, волевая решимость и отвага, — все это передается в боевых песнях Махамбета.

«Песни Махамбета имели большое влияние на творчество позднейших акынов, особенно много учился у Махамбета Мурат, сын Манке. Мы видим влияние песен Махамбета и в произведениях трижды орденос-

ного столетнего народного акына Джамбула Джабаева».¹

Факт идейного влияния Махамбета на Джамбула подтверждается и тем, что он знал наизусть многие из махамбетовских песен. Х. Джумалиев, один из исследователей поэтического наследства Махамбета, рассказывал, что как-то он прочитал Джамбулу несколько песен Махамбета, в частности песню о походе Исатая.

Джамбул внимательно выслушал прочитанные песни и с волнением сказал: «Я эту песню знал, но теперь забыл». Джамбул при этом рассказал, что раньше он с увлечением разучивал песни Махамбета, широко бытовавшие в казахских степях. И не только разучивал, многие из них он пел.

Демократические взгляды Махамбета, таким образом, явились одним из источников формирования Джамбула, как поэта-демократа.

Джамбул в восьмидесятые годы встретился и близко сошелся с Сыздыком — сыном известного султана Среднего жуза Кенесары Касымова, руководившего событиями 1837—1846 годов. Сыздык — незаурядная историческая личность. Личный героизм, гуманность, проявленная в отказе от родовой мести киргизам за убийство отца и дяди, любовь к народу, широкий культурный кругозор, — все это делало рассказы Сыздыка о недавнем прошлом особенно увлекательными. Сам Сыздык вел длительную национально-освободительную борьбу в семидесятые годы, побывал во многих местах Средней Азии (Бухара, Хива, Кашгар и др.). Непосредственные переговоры с кокандскими, бухарскими и хивинскими ханами, у которых он рассчитывал найти поддержку для борьбы за независимость казахского народа, показали ему их варварство, корыстолюбие, деспотизм, коварство.

В беседах с Джамбулом Сыздык резко бичевал вос-

¹ Цитир. по рукописи С. Муканова «Краткий очерк казахской литературы XIX века», стр. 59.

точных деспотов, называя их преступниками, трусливыми себялюбцами и лицемерными тиранами. Вспоминая казахскую пословицу: «Умный чужой ближе глупого родного», он убежденно доказывал, что русские во всех отношениях стоят неизмеримо выше бывших властелинов Средней Азии, русские несут с собою иные культурно-исторические начала. Из бесед с Сыздыком Джамбул понял истинные замыслы реакционных средне-азиатских ханов, стремившихся использовать для своего неограниченного господства и произвола религиозные чувства мусульман.

Близким сердцу акына-демократа было и движение Бекета, впоследствии сосланного на царскую каторгу. О Бекете в народе распевалось немало свободолюбивых песен и легенд.

Таким образом, очевидно, что одним из источников идейного формирования Джамбула являлась стихия национально-освободительного движения казахского народа, которая породила богатую устную литературу в дореволюционном Казахстане.

Народные волнения XVIII и XIX столетий в Казахстане носили не только национальный, но и классовый характер. Восстание батыра Сырыма, например, характеризуется до 1785 года, как «главным образом, борьба против пограничных русских властей», а на втором этапе (1785—1789 гг.) оно расширилось до борьбы «казахских общин против хана и султанов». «По мере обострения классовой борьбы она обратилась и против общинных старшин, которые, спасая свои привилегии, стали отходить от восстания и переходить на сторону султанов».¹ Такое положение наблюдалось позднее в еще большем масштабе в движении Исатая и Махамбета. Обостренные классовые противоречия толкали и акына на то, чтоб противопоставлять себя эксплуататорским верхам в степи и укреплять неразрывную свою связь с трудящимися массами.

После Октября Джамбул до конца осознал, в какой

¹ «История СССР», под редакцией проф. В. И. Лебедева, акад. Б. Д. Грекова, чл. корр. Акад. Наук С. В. Бахрупина, Гос. Соц. эконом. изд. М., 1939 г., том, I стр. 718.

степени лучшие традиции национально-освободительного движения обогатились, получили ясную целеустремленность и силу в революционной борьбе под руководством партии Ленина—Сталина:

Я в день Первомайский сияющий, яркий
Раздам сыновьям золотые подарки:
Орлиную меткость — стрелу Исатая
Сберег я любимому сыну Алтая,
А меч Утегена, что ярче алмаза,
Сберег я любимому сыну Кавказа,
Седло Кобланды, оно славой овито,
Сберег я отважным туркменским джигитам,
Коня Махамбета под красной попоной
Сберег я сынам горделивого Дона,
Чтоб были отважны и смелы сыны
На страже великой Советской страны ¹

Под воздействием массового национально-освободительного движения формировались ранние активно-демократические настроения будущего народного певца. Еще юношею чутко воспринимал он страдания и стоны родного народа, наполнявшие степь от края и до края. Джамбул мог бы сказать о себе словами А. М. Горького:

«С тех дней у меня явилось беспокойное внимание к людям, и, точно мне содрали кожу с сердца, оно стало невыносимо чутким ко всякой обиде и боли, своей и чужой»².

Но глубокие душевные переживания, особенно если речь идет о талантливой натуре, требуют выхода. И вот в руки молодого казаха, затерянного на кочевых тропках, попадает домбра, немудрый двухструнный инструмент, — неразлучная подруга и спутница степного певца. Быстро осваивает он искусство песни под аккомпанемент домбры. Задорно и молодо звучат в его устах народные сказания о батырах героического прошлого. «Шора-батыр», «Кобланды», «Кабанбай», «Орак-Мамай», — поэмы, которые одаренный юноша быстро выучивает наизусть. Затем прочно усваиваются произведения известных певцов — Шортамбая, Дулата, стихи любимого акына — учителя Суюмбая, народные песни и

¹ Джамбул. — Первомайская песня, «Литературный Казахстан», № 5, 1938 г., стр. 6.

* М. Горький. Соч., т. XVI, стр. 26.

изречения биев — народных судей, владевших своеобразным ораторским искусством.

В воспитании и развитии поэтического дарования юноши значительную роль сыграло семейное окружение. Дядя матери, Канадан, прекрасно играл не только на домбре, но и на кобызе. Канадан славился как знаменитый исполнитель народных кюйев и выступал с собственными импровизациями. Незаурядным человеком был и сам старый Жапа. Он много странствовал, отличался смелостью в межродовых столкновениях, много видел и, конечно, живыми рассказами своими развивал любознательность сына. Положительное влияние оказывала и мать. Такая среда очень рано пробудила в юной поэтической¹ душе влечение к творчеству.

Лет четырнадцати Джамбул оставляет родное гнездо и выступает по кочевьям реки Чу с народными песнями. Первое путешествие с домброй предпринято было в магометанский пост. Молодой певец дебютировал старинной обрядовой песней «Жарапазан».

Я стою и пою
У распахнутых настежь дверей,
Пусть родится у вас
Пара сильных больших сыновей.
Каждый сын пусть растет,
Как в степи средь овечьих отар
Вырастает порой
Круторогий **красавец-кошкар!**¹

Но подобные традиционные песни не удовлетворяли самого певца. Не то рвалось из юношеской души. **Песня—сила**, ей внимает народ. И в песне, крылатой и вольной, хотелось поведать народу суровую правду жизни. Шестнадцатилетний певец создает свою собственную первую песню «Жалоба», обличающую невежественного муллу, который обучал казахских ребят посредством палки. **Год 1862** — начало поэтической деятельности Джамбула.

— Тогда я был джигитом, — вспоминает Джамбул. — Мне кланялись травы и улыбались красавицы Кастека и Каскелена. Я был строен и силен. Руки мои

¹ Журн. «Литературный Казахстан», 4, 1938, стр. 6.

могли обхватить столетний ствол дуба, а пальцы — распрямить стальную подкову.

Но сила моя была не в руках. Сила моя была в домбре. Сила домбры была в песне. А сила песни была в правдивом слове, которое любит народ»¹.

Громкий мужественный грлос юного акына стал достигать глухих аулов. Его жадно слушали и одобряли. О начинающем Джамбуле узнал знаменитый акын шестидесятых годов прошлого столетия Суюмбай и сделал его своим учеником. Под руководством Суюмбая, незаурядного мастера импровизации, Джамбул быстро проник в тайну песенного искусства. Но и после того никогда не пел он для баев, никогда не засорял светлый родник правды ложью или лестью. Неподкупно честный и искренний, он отвергал легкую **возможность** обменять песню на жирный кусок баранины с байского стола, на незавидную роль байского прихлебателя и шута.

По степи разносится молва о песнях молодого **акына**, который избрал трудный путь мужественного **обличения** ненавистных властителей казахской степи. На этом пути Джамбул был тогда одним из тех немногих акынов, которые честно относились к искусству слова и стремились подчинить его народным интересам.

Немало было акынов иного типа: те разъезжали от одной байской юрты к другой, улаживая пресыщенных степных богатеев лживыми песнями. О явлении такого рода вспоминал как-то В. Г. Короленко. В 1901 году он побывал в казахском кочевье Ирджана Чулакова. По распоряжению хозяина немедленно вызвали акына или, как выражается В. Г. Короленко, — «домрачя». Своеобразное пение привлекло внимание писателя. Сперва казалось ему, что «домрачей» поет о старине этих **степей**. Заблуждение, к сожалению, вскоре рассеялось.

«Оказалось, — сообщает писатель, — что я был далек от истины. В кибитке «нового человека» орды домрачей пел только о хозяине, о том, что у него есть жалованные кафтан и сабля, что у него много кобыл и ку-

¹ Джамбул. Рождение жизни. Газ. «Правда», от 1 мая 1940,

мысу, что к нему приезжают далекие гости из самой столицы...»¹.

Не так выступал Джамбул, и трудовой народ по достоинству оценил его как своего родного акына.

Дореволюционный творческий путь Джамбула напоминает путь знаменитого дагестанского ашуга Сулеймана Стальского (1869—1937), которого А. М. Горький называл «Гомером XX века». Уже в ранних песнях своих ашуг обличал мулл, ханов и беков, вызывая бесильную ярость вековых угнетателей народа. В автобиографическом рассказе Сулейман сообщает, как он сложил первую песню. Эта песня была не о соловьях, а о страданиях и муках нищеты. Слова суровой жизненной правды привлекли внимание бедноты. Ободренный общим сочувствием, Сулейман Стальский стал профессиональным певцом, выразителем сокровенных народных чаяний². В горных аулах Дагестана и в казахских степях так же, как и в других краях нашей родины, лучшие певцы шли общим путем, служили интересам поработенных масс. С. Стальский и Джамбул до революции жили «под покровом тумана, в царстве сумрачной ночи, в хищной власти зверей»³. И все же они находили в себе волю к протесту против царства ночи.

И Джамбулу и С. Стальскому не суждено было получить даже элементарного школьного образования. Они остались неграмотными. Тем не менее они вправе были относить к себе слова В. В. Маяковского:

По и без чтения
мы разбирались в том,
В каком итти,
в каком сражаться стане*,

Сделавшись профессиональным акыном, Джамбул изучает в устной передаче произведения восточной классической литературы: «Тысяча и одна ночь», «Витязь Сейт-байттал», «Шах-Намэ», «Кер-Оглы», «Тоты-

¹ В. Г. Короленко. У казаков. Собр. соч., изд. т-ва Маркс, 1914, том VI, стр. 253.

² Сулейман Стальский. Сборник материалов и документов, составил В. Капиев, ДагГИЗ, Махач-Кала, 1939, стр. 13.

³ Джамбул. Сб. «Песни и поэмы». КИХЛ, Алма-Ата, 1937, стр. 98.

⁴ Вл. Маяковский. Во весь голос. Соч. в одном томе, Гослитиздат, М., 1940, стр. 402.

нама », «Жусуп-Злиха», «Манас» и многие другие. Это помогает ему стать сильнее прочих певцов.

По старинной казахской традиции окончательное признание акын получал лишь после победы в открытом состязании — айтысе — с другими, уже известными мастерами песни. Это бывала борьба, где победа покупалась только талантом, где не делалось никаких скидок на молодость, где предъявлялись высокие художественные требования. В биографии Джамбула удачные айтысы являлись весьма важными вехами на путях роста его популярности.

В речи писателя Л. С. Соболева на вечере Джамбула в Московском Колонном зале давалась такая характеристика:

«Слава Джамбула в степи росла. На состязаниях — айтысах, где судьей являлся народ, Джамбул одного за другим побеждал: знаменитого акына Шашубая, неукротимого Сыр-Арыс, даровитого Сарбаса; наконец встретился Джамбул с «непобедимым» Кулмамбетом и победил его».

Вспоминая об этом событии 1881 года, Джамбул рассказывал, что Кулмамбет, самоуверенный и избалованный постоянным успехом, встретил его с нескрываемым презрением. «Что же ты можешь сделать? — добродушно посмеивался Кулмамбет. — Разве отважится щенок итти против тигра? Я просто сожру тебя, несчастный!» Но Джамбул искусными репликами вызвал замешательство противника, и народ вынес приговор: «Довольно, Кулмамбет, не всех тебе пожирать». Позднее между Джамбулом и Кулмамбетом установились теплые дружеские отношения, и они вместе совершали поездки по степи.

После того Джамбул встречается и с другими акынами (Досмагамбет и др.) и неизменно их побеждает. Слава талантливого певца растет среди народа. И когда в восьмидесятых годах Джамбул встретился на состязаниях с известным киргизским акыном Батыком, последний в самом начале айтыса неожиданно заявил:

— Этот Джамбул ретив не хуже Суюмбая. А Суюм-

¹ Л. С. С о б о л е в. Джамбул Джабаев. «Литературная газета», от 10 декабря 1938 года.

бай — мой лучший друг. Из уважения к нему я, хотя и стар годами, выражу Джамбулу почтение и не буду с ним состязаться.

Так завоеванный в айтысах авторитет оказался уже общепризнанным. Пользуясь народной любовью в казахских и киргизских степях, Джамбул остается попрежнему поэтом скромным и строгим к себе, помня народную мудрость: «самохвальство подобно предсмертному бреду». Попытки ханов и баев привлечь его на свою сторону не достигают цели.

Джамбул отличался в дореволюционный период высокой творческой активностью. Полный неиссякаемого поэтического вдохновения, он слагал песню за песней, соколом носился по родным степям, собирая жадных до правдивого слова слушателей. Эта яркая страница жизни акына опозитизирована в поэме «Суранши-батыр»:

Песни сердца я слагал,
Ветром песни я летал,
Был, как лед, рекой гонимый,
Как руда, не иссякал;
Десять дней словесный бой
Вел, присхав я на той.
Как зерно на поле птица,
Собирал народ родной...¹ //

В то время развитой письменной литературы у казахов еще не было. Деятельность Абая Кунанбаева только развертывалась. Народ выражал свои мысли и чувства в устном песенном творчестве; песня удовлетворяла почти все художественные запросы и выполняла ответственную роль организатора масс.

Высокого уровня достигло искусство импровизации. Джамбул неумимо импровизировал, и каждое его выступление знаменовалось созданием новых и новых песен. Однажды пропетая и незаписанная песня не повторялась. Это был гигантский труд. Слушатели запоминали и повторяли, конечно, только единичные произведения, а большинство утрачивалось.

Популярность Джамбула в дореволюционное время была настолько большой, что с ним считались даже царские чиновники. В 1913 году, в связи с трехсотлети-

¹ Джамбул. Суранши-батыр. * КИХЛ, Алма-Ата, 1940, стр. 3-4.

ем дома Романовых, чиновники решили привлечь акынов к делу прославления царя. Пригласили и Джамбула. Но он начал петь свое — о славных казахских батырах Саурыке, Суранши, Исатае, Наурызбае, Сыздыке, о тех, кто боролся за поправленные права народа. Взбешенный уездный начальник города Верного жестоко избил и прогнал певца. Джамбул только случайно избежал ареста. Но через три года Джамбул все же подвергся аресту. Широкий размах повстанческого движения в 1916 году, непосредственно вызванного решением царского правительства провести мобилизацию казахов на тыловые работы, настолько перепугал местную администрацию, что она переарестовала почти всех известных в Семиречьи акынов. Джамбула, пока он был в заключении, пытались убедить, чтобы он пел о царе, о пользе войн, о боге, о пророке. Но ни убеждения, ни угрозы не помогли: народный певец наперекор тюремщикам создал песню «Грозный приказ» и другие песни, прославив в них повстанцев и заклеив деспотизм царя.

Разгром восстания 1916 года временно подорвал моральные силы Джамбула. «Вместо домбры, взял я в руки палку, — рассказывает он, — вместо поездок по степи, слег в постель. У меня не было сил исполнять хорошие песни, я начал угасать».

О былом творческом «угасании» Джамбул пел потом и в «Гимне Октябрю»:

Помню я горькие дни в пустырях...
Не было теплой зари Октября.
Ханы разбили домбру на куски,
Высохла песня, как русло реки.

II

Джамбул, однако, как и воспетый им батыр Утеген, не терял надежды на сказочную страну счастья «**Жиде-лы-Байсын**». Хоть и в затаенном виде, она все же поддерживала искры благородного **огня** в сердце певца. И она не обманула его.

Издавна существовало два типа поэтов. Первые, как устанавливал В. Г. Белинский, за всю жизнь способны создать лишь одно выдающееся произведение, чтобы в дальнейшем пасть от тяжести «совершенного ими подвига». Зато у других «дар поэзии есть нечто положи-

тельное, нечто составляющее неразрывную часть их бытия»¹. Поэтом последнего типа являлся Джамбул. Смысл жизни заключался для него в поэзии, а смысл поэзии — в художественном воссоздании народной жизни. Иначе нельзя понять тот поистине чудесный и беспримерный в истории литературы творческий подъем, каким отмечена пореволюционная биография Джамбула.

Грянул Великий Социалистический Октябрь. Рухнули прогнившие, пропитанные слезами и кровью стены тюрьмы народов. Ленин и Сталин подняли всю нашу родину на борьбу за дело Советов, за дело социализма. Счастливое слово «Совет» донеслось до чуткого слуха семидесятилетнего Джамбула. Осуществилась мечта батыра Утегена. Старый акын увидел свободных казахов, увидел свой родной Казахстан среди братской семьи народов, вышестованной Лениным и Сталиным.

«Обессилевшему, измученному, — рассказывал Джамбул в автобиографической статье «Мое счастье», — мне протянули теплые отеческие руки два могучих великана-батыра — Ленин и Сталин. Я поднялся из пропасти и увидел чудесные цветы, душистые травы, бесчисленные табуны, волшебные юрты. Я увидел настоящее солнце, я дышал чистым, как горный хрусталь, воздухом. И душа моя зацвела, как яблоня, глаза заблестали, как звезды, сердце забилося, как дождь о землю, песня полилась, как река Или весной, я помолодел и стал, как джигит восемнадцати лет»².

Дело Октября стали укреплять в аулах Семиречья замечательные русские люди. Первым, от кого Джамбул получил верные представления о только что установившейся в его родном крае Советской власти, был либо Дмитрий Фурманов, либо вернее кто-то из близких к нему людей. В это время Д. А. Фурманов работал Уполномоченным Туркестанского фронта по Семиреченской области и являлся одним из тех представителей большевистской партии, которые в сложной классовой и национальной обстановке закладывали здесь прочные

¹ В. Г. Белинский. О русской повести и повестях Гоголя. Изд. М. О. Вольфа, стр. 147.

² Джамбул. Мое счастье. Газ. «Казахстанская правда», 07 20 мая 1938 года.

основы советской государственности. Из тогдашнего гбэ рода Верного (ныне Алма-Ата), отрезанного бездорожьем от центральных районов страны, Фурманов нередко выезжал в ближайшие аулы, где однажды, возможно, и встречался с народным акыном. О Фурманове Джамбул, несомненно, был хорошо осведомлен. В «Сказании о большевистской правде», созданном в дни Великой Отечественной войны, Джамбул вспоминает:

Счет потерявший прожитым дням
(Я и тогда уже был' старик)
Взор обратив к нагорным снегам,
Вдруг услышал я радостный крик:
«Фурманов Дмитрий приехал к нам!»
Дмитрий... Слышал я раньше о нем,
Знал, что не рядом мы с ним живем...
Кто приезжал из Алма-Ата,
Тот говорил, что пышут огнем
Дмитрия Фурманова уста;
Речь его, мол, ясна и чиста;
Если, мол, все мы за ним пойдем,
Явью любая станет мечта.¹

Судя по сказанию, в задушевной беседе Джамбул попросил Фурманова ответить на коренной вопрос, ответа на который он тщетно искал семьдесят лет. Он спросил: «Где она, правда, знаешь ли ты?» Просто, на языке, понятном трудящимся любой национальности, большевик Фурманов, якобы, отвечал:

Правда, отец, — в" людском бытии,
В жизни она и, значит, везде,
Но достигается только в труде.
Если ж свободным не станет он,
Правды не будет, это закон.
Даром свободы в жизни не жди,
Путь пролагай труду своему!
Светлую правду вносят во тьму
Ленин и Сталин, наши вожди.
В правде — победа большевиков.
Путь предстоящий будет суров,
Да, но другого нет впереди!²

¹ Джамбул. Сказание о большевистской правде. «После войны». Гослитиздат, М., 1944, стр. 52—53.

² Там же, стр. 54.

С этого времени Джамбул вновь вернулся к домбре. Он снова запел. 1920 годом и датируется его первая песня, прославлявшая установление советской власти в Казахстане. Одна за другой рождались песни о счастье возрожденного казахского народа, о победном шествии красных полков, сметавших на своем пути следы насилия и бесправия, о партии, о Ленине и Сталине, о полководцах и героях советской страны. И с каждой новой песней к акыну возвращалась молодость духа, невиданно ярко расцветал его талант.

Всегда чуткий ко всем событиям народной жизни, Джамбул радостно переживал известия о наступлении Красной Армии во главе с М. В. Фрунзе, о советизации степи. Как в сказке, осуществлялись самые дерзновенные мечты легендарного Асана-Кайгы, батыра Утегена, самого Джамбула. «Душа восхищается, — восклицал акын, — оттого, что пришли большевики издалека».

Когда отгремели битвы гражданской войны, в 1924 году состоялся всеказахстанский той. Невиданный в казахских степях той — без баев, мулл, биев — превратился в торжественный всенародный праздник. После традиционной байги (конские скачки) и национальных массовых игр выступил Джамбул. Его импровизация хорошо отразила всеобщее ликование:

Достиг воплощенья мечты мой народ,
Как сталь без зазубрин, казахский народ.
Я славлю рожденье страны Казахстан
В чудесный, сияющий радостью год!
Как мост, наша власть, и мосту не упасть,
Крепим мы его, как железная снасть.
На радость народу, на горе врагам,
Живи, укрепляйся, советская власть!¹

Несмотря на преклонные годы, Джамбул в дальнейшем деятельно участвовал в строительстве новой жизни. Из дня в день он помогал крепить советскую власть, проводил и в песнях пропагандировал важнейшие мероприятия по обновлению экономики и культуры Казахской республики. Так, в 1927 году Джамбул принимал участие в переделе сенокосных и пахотных угодий в казахских аулах. В результате этой кампании, успешно

¹ Джамбул. Песня на всеказахстанском тое. «Песни и поэмы», стр. 61.

проведенной при поддержке трудовых масс,—бедняки, батраки и середняки получили около 1360 тысяч гектаров сенокосных и около 1250 тысяч гектаров пахотных земель, изъятых у баев. В Узун-Агаче на массовом собрании Джамбул говорил:

«Я перешагнул за восьмой десяток. Я многое испытал, одряхлел. О народ, хочешь ли послушать о том, что изведаль я?.. Не стало таких великих певцов, как Бухар, Суюмбай, Шортамбай, Насынбай. Разве я лучше их? Но я видел больше, чем они. Они видели лишь мученья и страдания. А я видел две жизни — зар-заман, эпоху печали, и сегодняшнюю счастливую жизнь. Все добро, всю благодать, которую и стар и млад ждали с неб, сегодня мы получили здесь на земле. Что еще остается желать Джамбулу? Теперь я могу и умереть спокойно»¹.

Закончив речь, он симпровизировал большое произведение «Бег времени». Народный акын стал пламенным большевистским агитатором.

В 1929 — 1930 годах Казахстан вступил в период сплошной коллективизации и ликвидации кулачества и байства как класса. «Я стал, — говорил Джамбул, — пламенным агитатором за колхозы. О колхозах я пропел сотни песен, и они полетели по степям, потому что шли они от самого сердца»².

Колхозные песни акына правдиво отразили настроение бедняцких масс, ставших полноправными хозяевами земли, освобожденной от эксплуататоров:

Лейся, песня, во все края!
На востоке — моя земля
И на юге — моя земля,
И на севере — все поля —
Моего колхоза земля!
Я любовь и песню принес
В Ер-Назар, мой родной колхоз.
И в Чисп, и в степной Ляк,
Где о счастье поет казах³

¹ Цитир. по рукописи краткого биографического очерка жизни Джамбула, написанного Е. Исмаиловым. Перевод Гайши Шариповой.

² Автобиография народного поэта Казахстана орденоносца Джамбула. Журн. «30 дней», № 5, 1938, стр. 16.

³ Джамбул. Песня от всей души. Журн. «Красная новь», № 5, 1938, стр. 6.

Песни о колхозах, как основе народного счастья, находили горячий отклик среди бедняков — казахов, и они вслед за своим певцом вступали в колхозы. Джембул, выросший в условиях отсталого кочевого быта, сразу понял преимущества колхозного труда и механизации сельского хозяйства. В обстановке напряженной классовой борьбы за колхозы он не ошибся в перспективах сталинской коллективизации и содействовал песнями ее победе.

Когда враги народа вредительски пытались сорвать колхозное строительство, и даже у самого Джембула отняли последнюю корову, он не растерялся. В качестве народного ходатая он в Алма-Ата добился того, что в Каскеленском районе сняли вредительское руководство.

На примере вредительства в родном колхозе акын убедился, что враги народа не сложили оружия. Тогда он яростно возненавидел: троцкистско-бухаринских и буржуазно-националистических последышей. Те, в свою очередь, отвечали ненавистью к мужественному народному певцу, прятали в архивах его пламенные песни, отрывали акына от народа¹.

Как-то один из буржуазных националистов стал попрекать Джембула, что он постоянно поет все об одном, — о советской власти и ее деятелях. Разгневанный старик, не вступая в спор, ударил его палкой и выгнал из своей юрты.

Презренным отщепенцам не удалось сломить могучий столетний дуб, возвращенный народом.

В июне 1934 года состоялся всеказахстанский слет мастеров искусства; Джембул, по праву, занял среди многочисленных талантливых представителей народного творчества первое место. Республиканская печать достойно оценила его мастерство, а правительство Казахстана назначило ему персональную пенсию.

Первое место заслуженно занял Джембул и на втором слете акынов в апреле 1936 года, когда проводился отбор мастеров песни для участия в первой декаде казахского искусства в Москве. Джембул в те дни переживал необычайный творческий подъем. Именно тогда сложил он поэму «Моя Родина».

¹ П. Кузнецов, Певец счастливого народа. Газ. «Казахстанская правда», от 22 апреля 1938 года.

7 мая 1936 года — знаменательная дата в жизни Джамбула. Патриотическая поэма «Моя Родина» появляется на страницах «Правды». Участие в декаде казахского искусства и выступление на страницах центрального органа большевистской партии доставляют Джамбулу всесоюзную известность.

Почему Джамбул, певец известный своему народу на протяжении многих десятилетий, выступил в печати и получил известность только в 1936 году? Это объясняется недостаточным вниманием к народному творчеству со стороны местных литературных организаций, где долгое время подвизались вражеские элементы. Это объясняется вредительской деятельностью буржуазно-националистических и троцкистско-бухаринских агентов. «Занимаясь фольклором, националистическая интеллигенция ставила себе целью законсервировать старый быт аула, традиции аксакала, бия, феодала и тем самым пригупить классовое сознание трудящихся казахов, пробужденных революцией 1905 года, казахским восстанием 1916 года и [великим Октябрем. Националисты... ограничивались переизданием материалов, собранных востоковедами и миссионерами, напечатанных в русских изданиях... Они положительно изображали прошлую жизнь баев, подбирали тенденциозный фольклор, воспевавший «добродетели» байства, вытравляя демократические элементы, использовали фольклор в своих буржуазных интересах... Националисты неслучайно замалчивали советский фольклор, отражающий Октябрь в Казахстане, партийно-советское и хозяйственное строительство, а также всю культуру, внесенную Советами в аул»¹.

При этом, естественно, игнорировалось творчество подлинных выразителей воли трудового народа — таких акынов, как Джамбул, Доскей Алимбаев, Нурпеис Байганин.

Победила, однако, правда. Во-время дала знать о себе мудрая зоркость большевиков.

Поворотным событием в жизни Джамбула явился вызов его в Москву для участия в декаде казахского искусства. Декада состоялась 17—23 мая 1936 года.

¹ Аманжолов С. О казахском фольклоре. Журн. «Литературный Казахстан», № 3—4, 1935, стр. 23—24.

Осуществилась заветная мечта старика: он увидел столицу столиц, побывал в Кремле, встретился с великим Сталиным, посетил ленинский мавзолей. В Москве Джамбул еще живее почувствовал могущество его советской Родины, еще глубже осознал силу дружбы народов.

С момента выезда в Москву акын пережил много радостных волнений, отразившихся в ряде пропетых им песен. Перед глазами акына раскрылся новый мир. Это было почти, как в сказке:

До смерти Джамбул не забудет тех дней,
Когда он на поезде мчал по стране,
И мимо куда-то летела земля,
Мелькали сады, проплывали поля...¹

В другом месте той же песни—

Какая страпа! Сколько светлых чудес
Под юртой высоких советских небес!
Я ехал волнуясь. Я знал, что близка
Мечта моей жизни — столица **Москва!**
И вот она встала, мечты золотей,
Во всей лучезарной своей красоте!²

«Посланец далеких казахских степей», затаив дыхание, вступал в мавзолей, где Ленин «лежит, как живой, спокойный и мудрый, простой и родной», вступал чтобы прошептать «по-казахски сыновий привет», чтобы дать священную клятву «ленинцем быть, по-ленински думать, бороться и жить».

В Кремле имела место встреча с тем, в ком «ленинский гений горит». Джамбул обменялся дружеским рукопожатием с великим Сталиным. Такого счастья еще не знало сердце старика:

Я самый счастливый певец на земле
Я Сталина видел в московском Кремле,
Я рядом с вождем всех народов стоял
И крепко могучую руку пожал,
Ту руку, которая твердо ведет
Два десятилетия вперед и вперед —
Сто семьдесят пять миллионов **людей!**³

¹ Джамбул. Ленин и Сталин. «Песни и поэмы», стр. 19.

² Там же, стр. 20.

³ Там же, стр. 21.

В эти дни Джамбул не расставался с домброй. Переживая исключительный подъем, он за короткий срок создал ряд лучших своих произведений: «Ленин и Сталин», «В мавзолее Ленина», «Песня о Сталине», «Привет народа», «Песня о Москве», «Песня народу» и др. Вернувшееся поэтическое вдохновение достигло высшей точки.

Пребывание в Москве имело для Джамбула такое же значение, как и для Сулеймана Стальского, и для известной русской сказительницы М. С. Крюковой¹.

Почувствовав сталинскую заботу о развитии народного творчества и увидев, с каким вниманием встретила Москва выступление участников декады казахского искусства, акын восторженно пел о ленинско-сталинской дружбе народов, о большой Родине матери:

И все в Москве понимали сго,
Как близкого родича своего,
Слушали песню с весельем в глазах
Русский, грузин и казах².

Газета «Правда» в передовой статье «Искусство победившего народа» писала об итогах первой казахской декады:

«В течение многих столетий угнетатели казахского народа, местные феодалы, а затем и царские колонизаторы, душили каждый росток народного искусства. Невозможно было создать ни одного театра, ни одного печатного литературного произведения, ни одной записанной на ноты песни. И народ вынужден был из уст в уста, от поколения к поколению передавать свои поэмы, песни и драматизированную музыку, отражавшие его борьбу, его печали, горе и радости. Искусство казахского народа было загнано в подполье. Имея богатейший источник, оно не могло расти и развиваться. Зато, после того как казахский народ был освобожден Октябрьской социалистической революцией, его иску-

¹ А. Астахова. Русский героический эпос и современные былины. Сб. «Советский фольклор», Гослитиздат, Л., 1939, стр. 131 — 132.

² Джамбул. Песня народу. «Песни и поэмы», стр. 49.

ство блеснуло яркой радугой, ослепительным фейерверком»¹.

Вместе с другими участниками декады казахского искусства (Куляш Байсеитова, Умурзаков, Кожамкулов, Шара и др.) Джамбул, постановлением ЦИК а СССР от 26 мая 1936 года, был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Получая награду правительства, он пел:

Мне Сталин молодость вернул,
Помолодел Джамбул.
Беру я орден и **пою**
И клятву верную **даю** —
Все песни обновленных дней
Отдать родной **стране**².

Данную клятву девяностолетний поэт выполнил: последующая творческая деятельность его оказалась изумительно продуктивной. Джамбул пожинал плоды второй юности, обретенной в сталинскую эпоху.

IV

В следующем 1937 году, 16 декабря, Джамбул вместе с делегацией казахских поэтов выехал в Москву, а затем в Тбилиси на торжественный пленум правления Союза Советских писателей, посвященный Руставели. Приглашение на руставелевский юбилей снова вызвало в старике радостное возбуждение. Посещение Грузии означало посещение города Гори, родины Сталина. «Я не могу скрыть волнения, — говорил он. — Я увижу страну, где родился Сталин».

Как всегда, большую часть пути Джамбул проводил у окна вагона. Старик жадно всматривался в просторы мимо проплывавших степей. Его поражали чудом выросшие города, индустриальные центры, колхозы, совхозы. Он размышлял вслух: «Необъятные степи Казахстана, Арал, могучая Волга, великие русские равнины, — все живет, поет и впервые за многие столетия ощущает полное счастье. О сталинском золотом веке полтысячи лет тому назад мечтал в своих песнях казахский скиталец Асан Кайгы...»

¹ Газ. «Правда», от 27 мая 1936 года.

² Джамбул. Песня при получении ордена. «Песни и поэмы» стр. 5.

Впечатления и мысли теснились в сознании акын^{*}»
На помощь ему приходила домбра. На другой **день**
пути родилась песня «**Привет** Кавказу». Еще издалека
приветствуя прославленный край, откуда происходит
вождь народов, Джамбул пел:

Вырастил ты в золотой колыбели
Думы бессмертные Руставели.
Лебедем гордым они прилетели
В мой Казахстан, и аулы запели:
«Под сталинским солнцем пусть вечно живет
Великий грузинский народ!»
Взлетаю мечтой я к городу **Горя** —
Он — родина счастья, гордости море,
Вскормил он орла в поднебесном просторе,
Славы и дружбы народов творца,
Сталина — друга, вождя и **отца**¹.

Под воздействием ярких незабываемых **впечатле-**
ний поездки акына на родину И. В. Сталина и возник
цикл несен, составивших **содержание** книги «Путешест-
вие на Кавказ». В этот поэтический дневник **вошли**
«Песня про батыра Чапая», «Песня о Ленине», «**Сынам**
Тихого Дона», «Прощальная песня», «Песня о Баку»,
«Песня о жизни», «На родине Сталина» и ряд песен о
выборах в Верховный Совет СССР.

Тогда же казахский акын, как никогда раньше,
проникся чувством единства поэтической семьи, пред-
ставляющей народы СССР. Акын в беседе с корреспон-
дентом «Известий» сказал: «Нам бесконечно дороги и
русские Пушкин и Горький, и украинец Шевченко, и
грузин Руставели, и казах Абай Кунанбаев, и фарсид-
ский поэт Фирдоуси, и все великие умы и сердца, го-
ревшие любовью к народу».

Впоследствии Джамбул вспоминал еще один эпизод
из своего путешествия:

«На пути от Тбилиси к родине Сталина в вагоне
горийского поезда один иностранный писатель **сказал**,
обращаясь ко мне:

— Вы, господин Джамбул, счастливы тем, что у вас
мало ровесников на земле!

¹ **Д ж а м б у л**. Сб. «Путешествие на Кавказ». Гослитиздат, **М.**
1938, стр. 54—55.

Я посмотрел на этого господина и ответил ему:

— Вы ошибаетесь, мое счастье как раз в том, что у меня очень много ровесников. 172 миллиона советских граждан — это мои ровесники. Они и я, вся моя родина, считаем начало своей настоящей жизни со дня Великой Октябрьской революции»¹.

С такой гордостью патриота, с таким ясным сознанием величия переживаемой эпохи Джамбул приближался к Гори. Необычайное волнение охватило его, когда он вступил на землю, где родился И. В. Сталин. Благоговейно склоняя седую голову, входил он под кровлю скромного домика. Там почуялось ему дыхание веков, ибо

...Вот в этой зимовке сошлись
Мечты и надежды народов земли,
Мечты и надежды всех угнетенных,
Мечты и надежды всех разоренных,
Мечты и надежды всех матерей,
Мечты и надежды всех дочерей,
Мечты и надежды наших отцов
И лучшие песни наших певцов.
Их Сталин собрал и сберег и принес
Народам сквозь море лишений и слез².

Характерны в этой связи слова авторского посвящения, предпосланные сборнику «Путешествие на Кавказ»: «Будь благословенна, благоухающая зеленую земля, на которой сделал первые шаги и сказал первое слово величайший гений вселенной — Сталин».

Через год, зимою 1938 года, Джамбул снова посещает Москву. Только по состоянию здоровья он не смог воспользоваться приглашением посетить город Ленина. Акын побывал на заводах столицы, встречался со школьниками. К нему в гостиницу рабочие, военные, инженеры, писатели, пионеры организовали целое паломничество. В эти дни старик симпровизировал ряд новых песен.

Весною 1940 года совершена была четвертая и последняя поездка в Москву. На станциях к нему в вагон являлись незнакомые люди. Его приветствовали, как

¹ Джамбул. Мое счастье. Газ. «Казахстанская правда» от 20 мая 1938 года.

² Джамбул. Сб. «Путешествие на Кавказ», стр. 89.

родного человека, как доброго друга на остановках, далеко от Казахстана. А Джамбул с волнением повторял: «Дети мои! Дети мои!...» Принять участие в торжественном заседании памяти В. В. Маяковского, посетить первомайский парад на Красной площади, побывать в освобожденных от белофиннов районах Карело-Финской ССР и в Казани помешала в эту поездку болезнь. Но все же:

«Я снова в родной Москве, — говорил Джамбул. — Я вижу ее чистые, как степное озеро, улицы, крышами до луны достающие дома. Вечером она мне кажется небом, усеянным огоньками звезд. Может ли она не окрылить старика, если окрыляет целый мир умом моего Сталина?»¹.

Находясь на излечении в Кремлевской больнице, Джамбул получил третий орден — Знак Почета, которым награжден был по Указу Верховного Совета СССР 31 января 1939 года «за выдающиеся успехи и достижения в развитии советской художественной литературы» в числе ста пятидесяти двух поэтов и писателей Советского Союза.

Покинув «орлиную скалу большевиков» (так называл поэт красную Москву) и вернувшись в аул, Джамбул снова бодр и в подъеме творческих сил. Это выразилось в песне о XX-летию Казахской ССР, записанной на киноплёнку для документального юбилейного фильма «Казахстан».

V

Май 1938 года. Вся страна чествует Джамбула в связи с тем, что исполнилось 75-летие его творческой деятельности. Из бесчисленных откликов на юбилей акына некоторые хорошо запомнились:

«Семьдесят пять лет! Какой замечательный и знаменательный юбилей! — писал народный артист Союза ССР Р. М. Глиэр. — Я напрягаю память свою, пытаюсь припомнить что-либо подобное в прошлом, в давно прошедших веках. Тщетно. Никогда и нигде еще ни в России, ни на Западе за время существования человеческой

¹ Джамбул. Рождение жизни. Газ. «Правда», от 1 мая 1940 года.

истории поэт при жизни не праздновал семидесятипятилетия своей творческой деятельности. Я вспоминаю великих русских поэтов XIX столетия. Все они умерли молодыми. Большинство из них не прошло и половины жизненного пути, пройденного Джамбулом. Говорят, что судьба поэта — это судьба народа.. Вместе со страной возродилась и расцвела поэзия Джамбула, поэзия необычайной красоты и силы, глубоко народная, страстная и величественная»¹.

Юбилей превратился во всесоюзный праздник. Все газеты Советского Союза, начиная с «Правды» и «Известий» и кончая областными и районными газетами, посвятили Джамбулу специальные страницы, напечатали критические статьи, отзывы читателей, произведения поэтов разных национальностей о нем. В журналах появились обзоры творчества Джамбула. Московские и республиканские издательства выпустили сборники переводов его произведений.

«Правда» писала о нем как о подлинно советском народном поэте:

«В восхитительных стихах прославленного акына Казахстана, полных несравненного лиризма, насыщенных незабываемыми образами, советский народ ощущает биение нашей жизни, ощущает движение нашей эпохи, видит воплощение своих переживаний, поэтическое выражение своих сокровенных дум и настроений»².

Широкий размах юбилейные празднества получили в Казахстане. Здесь состоялись торжественные заседания, доклады, слеты акынов, радио-передачи³. От союзных и автономных республик прибыли в Алма-Ата писательские делегации. Сотни поздравительных телеграмм и писем пришло со всех концов СССР и из-за границы.

В ауле Джамбула, во вновь отстроенном доме, состоялся той, в котором приняли участие представители народов СССР. Юбиляру невольно припомнилось прок-

¹ Р. М. Г л и з е р. Джамбул — это подлинный настоящий поэт. Журнал «Советский» № 5, 1938, стр. 10.

² Советская страна любит и ценит народные таланты. Газ. «Правда» от 20 мая 1938 г.

* С. Г л и з е р «Казахстанская правда», от 6, 8, 9, 10, 11, 15, 17, 18, 20 мая 1938 года.

лятое прошлое, когда царила национальная рознь, и он радостно пел:

«А сейчас большая великая дружба отражается, как в капле воды, в моей юрте, где я вижу в слитом единстве вокруг моего достархана (праздничного стола — М. Р.) посланцев братских народов»¹.

Указом от 19 мая 1938 года Джамбул был награжден орденом Ленина. Постановлением Президиума ЦИК'а Казахской ССР присвоено имя Джамбула Казахской Государственной Филармонии, Кастекскому району Алма-Атинской области, двум казахским школам, создан отдел народного творчества при Казахском филиале Академии Наук СССР. Позднее имя Джамбула присвоено одному из областных городов Казахстана, расположенному по линии Турксиба и выросшему в годы сталинских пятилеток. Джамбул отвечал на все это песней, обращенной к Сталину:

Ко мне мои братья и сестры пришли
Со всей необъятной советской земли.
...Поэзии солнце взошло над аулом,
Иде выросли песни и думы Джамбула
...Рождаются радостной жизни бытины.
Разносятся песни родной Украины.
Узбеки, башкиры, уйгуры, грузины,
Собравшись в Кастек на мои именины,
Собравшись в ауле Джамбула на т й,
Поют о тебе, мой любимый, родной!².

В казахском эпосе рассказывается об акыне Сыпражирау, который прожил 180 лет и стал народным любимцем. Но мог ли даже он мечтать о такой популярности, какая выпала на долю Джамбула? Хан с презрением отвергал советы легендарного мудреца, а голосу Джамбула внимали миллионы.

В 1938 году Джамбул избран депутатом Верховного Совета Казахской ССР. Акын занял место среди государственных деятелей. Уверенно, с сознанием ответ-

¹ См. С. Ицксон. Той на родине Джамбула. Газ. «Казахстанская правда», от 26 мая 1938 г.

² Джамбул. За орден, за светлую жизнь свою, мой Сталин, тебе эту песню пою. Сборник материалов для клубов и библиотек. Профиздат. М., 1938, стр. 116—117.

ственности, лежащей на депутате народа, поднялся он со своей неизменной доброй на трибуну и открыл первую сессию Верховного Совета Казахской ССР:

Сердце акына, как сокол, взлетает,
Под гимны победы, под радостный гул,
Любимой доброй своей открывает
Народный парламент столетний Джамбул.
...Дорогу мне Ленин родной озарил,
Народ мне доверие свое подарил.
А Сталин взлелеял с заботой отца
И жизнь и песни степного певца!¹

Впервые в истории государств всего мира парламент трудящихся открывался песней. Но песня эта звучала, как программная политическая речь. Старейший в нашей стране депутат напомнил о бесправии и мраке прошлого, сопоставляя их с расцветом социалистического Казахстана. Акын тут же призывал к революционной бдительности, к борьбе с врагами народа, к мобилизационной готовности отразить опасность фашистского нападения. Песня звала к новым победам и, связывая благо родной республики с благом всего человечества, поэтически вскрывала всемирно-историческое значение социалистической революции.

Речь депутата Джамбула Джабаева произвела сильное впечатление на первый казахский парламент. После этого Джамбул принял активное участие в обсуждении всех вопросов первой сессии. Деятельно участвовал он и в последующих сессиях Верховного Совета КазССР.

VI

Уже отмечалось: Джамбул не знал грамоты. П сии слагал он устно. Но было бы заблуждением полагать, что он стоял на низком культурном уровне.

«Веками было заведено, — рассказывал Джамбул в автобиографии, — что акын-импровизатор должен знать обо всем: все роды и племена, всех родоначальников и знатных людей, все места и события. Он должен откликаться на все новости и уметь учитывать

¹ Речь депутата Джамбула Джабаева при открытии первой Сессии Верховного Совета КССР. Журн. «Литературный Казахстан» № 12, 1938, стр. 5

обстановку. Остроумие и находчивость, умение давать быстрые и находчивые ответы—вот что ценится в акынах». Следуя такой традиции, Джамбул обладал хотя и своеобразной, но большой культурой. Он в совершенстве владел богатствами родного языка, отлично изучил памятники казахской народной поэзии и охватил своим сознанием чуть ли не вековой исторический опыт родного народа.

Джамбул был хорошо осведомлен в истории казахов и в истории Востока. Неудивительно, что имена исторических деятелей почти обычная принадлежность его песен. Его поэтическая фантазия часто обращалась к образам Чингис-хана, Александра Македонского, персидского царя Кира, Тимура, Манаса, Кобланды и многих других деятелей прошлого, героев эпоса.

Национально-освободительное движение, поднятое под руководством Исатая и Махамбета, царская колонизация, рост капиталистических отношений в казахских степях, героическое восстание 1916 года, все менее отдаленные исторические события в жизни казахского народа уже непосредственно запечатлелись в памяти акына. Поэты степей всегда бывали в своем роде «летописцами», хотя и выступали хранителями устного предания о фактах истории.

Прочная культура широких интересов и напряженной любознательности особенно явственно сказалась у Джамбула после Октябрьской революции. Джамбул в советские годы бывал в курсе всех новостей. Ему читали газеты. Его посвящали во все, что представляло мало-мальский общественный интерес. Кругозор народного поэта непрерывно расширялся и к концу его жизни был необычайно широк. Вне понимания этого Джамбул представлялся бы загадкой на общем фоне развития устной народной поэзии. Акыну, окруженному в советский период общим вниманием и заботой, благоприятствовало решительно все. Материал и стимулы для напряженной творческой жизни шли отовсюду.

В домик акына вблизи Алма-Ата стекались люди не только со всего Казахстана, но и из всех братских республик. Здесь можно было встретить колхозника и

¹ Автобиография народного поэта Казахстана орденоносца Джамбула Журн. «30 дней», № 6, 1938, стр. 14.

маститого ученого, партийного работника и красноармейца, стахановца и поэта, артиста и учителя. Одни шли за советом, другие приходили с добрыми вестями о найденном счастье жизни.

Очень часто беседа неожиданно прерывалась, и в руках гостеприимного хозяина оказывалась домбра. Размеренно и ловко бегали пальцы по ладам, по струнам, словно выискивая нужный мотив. Рождалась песня, — лучший, сердечный привет гостю. Песня лучше и сердечнее обычных слов передавала то, что затрагивалось в дружеской беседе. Песнями приветствовал Джамбул в свое время и академика Келлера, и киргизских акынов, и представителей украинской советской литературы.

Обращаясь к академику Келлеру, он назвал его другом, кровным братом, потому что «наука с песней — вечные друзья, несут плоды своих сердец народу — академик и певец»¹. Раньше у Джамбула, как говорилось в песне, не было друзей, а теперь «со Сталиным нашлись у меня по всей стране могучие друзья». И, как с близким другом, он делится с академиком самым отрадным, — тем, что «жизнь весела», что «наша етепь родная расцвела». Как близкому другу, он поручает ученому брату по возвращении в Москву побывать в Кремле, где находится «самое родное на земле», и передать поклон товарищу Сталину и его верным соратникам — Молотову, Ворошилову, Калинин. Песня-привет кончалась строками:

...Скажи, что у меня остры глаза,
Скажи, что в час, когда придет гроза, —
Я, как жигит, со **все**й своей страпой
По зову Сталина пойду в горячий бой,
Готовый жизнь за родину отдать,
Врагов я буду песнями сражать!²

Непрерывным потоком со всех концов страны в адрес Джамбула поступали письма. Ему писали о личных радостях, о производственных победах, благодарили за песни, желали здоровья и новых творческих успехов.

¹ Джамбул. Ученому брату — академику Келлеру. Журн. «Правда» от 20 мая 1938 г.

² Там же, стр. 12.

Джамбул любил труд, движение. С увлечением работал он на возделанной собственными руками полоске земли, и часто, бодро держась в седле, один выезжал в горы на прогулку, отправлялся в колхозы к друзьям. Тесное общение с окружающими и с гостями являлось органической потребностью акына. В большой семье, состоявшей из сыновей, внуков и правнуков, всегда ощущались сердечная ласка и забота, требовательность и взыскательность ее признанного главы.

Джамбул в советское время был неутомимым общественником. Он участвовал в работе соседних колхозов, выступал с песнями на всевозможных собраниях, чутко откликался на все выдающиеся события жизни Казахстана — на партийные съезды, на различные республиканские совещания, на слеты мастеров социалистического животноводства, на акты награждения советских людей орденами и т. д. Он был инициативен и активен, несмотря на преклонные годы. Так, по его предложению был организован и с большим успехом проведен в ноябре 1939 года всеказахстанский слет акынов, посвященный шестидесятилетию со дня рождения И. В. Сталина.

Три ордена украшали грудь Джамбула, но с обычной для советского человека скромностью он заявлял: — Награжден не я, награждена народная поэзия Казахстана.

В марте 1941 года Джамбулу была присуждена Сталинская премия второй степени и тем самым присвоено было почетное звание Сталинского лауреата. Когда в аул приехали казахские писатели с этим радостным сообщением, Джамбул выразил сердечную благодарность Родине и великому Сталину за высокую оценку народной песни:

Песню слушала **страна**,
Песня Родины верна,
Песня старого Джамбула
Родиной награждена! ¹

Страстно хотелось «на крылах свободной песни до Москвы долететь», донести до Кремля жар благодар-

¹ Джамбул. Песня благодарности. Газ. «Казахстанская правда», от 20 марта 1941 г.

ного сердца, ибо ни кюев, «что хранит домбра», ни алмазов слов нехватало, «чтобы радость передать».

VII

Девяносто пятую годовщину жизни Джамбул встречал, не испытывая ни душевной усталости, ни душевной старости. Тяжесть многих десятилетий заметно сгорбила плечи, но и этого, бывало, не заметишь, когда он с легкостью джигита ездил верхом на коне или энергичным, порывистым движением хватался за домбру.

Стояла последняя мирная весна. На Западе сгустились свинцовые тучи войны. Джамбул издали улавливал учащенное дыхание фашистского зверя, который в диком ожесточении уже топтал европейские страны, сея на своем пути смерть и разрушение. Акын насторожился: он запел о грядущих военных схватках, когда столкнутся «мир одряхленный и мир молодой», о неотложной необходимости крепить оборону советской страны.

Весна памятного 1941 года сменилась грохочущим смерчем войны. Ночной разбойничий налет врага 22 июня потряс сердце акына. Он вспомнил тут слова одной своей предвоенной песни:

Как с винтовкой аскер, я с подрутой домброй
Выйду вместе с народом в последний бой.
Будет песня моя, грозна и строга,
Как снаряды, взрывать **врага**.¹

Джамбул встретил Великую Отечественную **войну** с фашистской **Германией**, как столетний могучий дуб **встречает** порыв **бури**. Не пошатнулся он, не надломился. Голос певца зазвучал с новой силою. Его, древнего старца, слышали далеко, далеко: не только среди широких казахстанских просторов, но и в блиндажах передовой линии фронта. В воинственном кличе **атакующих** батальонов, как и в шуме станков оборонных предприятий, на полях великой Сталинградской битвы, как и на Площадах осажденного Ленинграда, одинаково.

¹ Джамбул Песня **народу**. «Песни и поэмы», Гослитиздат. М., 1938, стр. 52.

во отдавалось эхо песни казахского поэта. Песни эти поступили на вооружение Красной Армии. Рука певца метнулась к подруге-домбре, чтобы не отрываться от нее до самого дня Победы.

Война вошла в дела и дни Джамбула не только новыми поэтическими темами. Старик проводил в Действующую Армию любимого сына Алгадая и племянника Бикбатора Даламбаева. Он благословлял сына на славные подвиги:

Сталин в битву народ позвал
Я коня тебе **оседлал**,
Богатырский меч нагочил,
Ты садись в седло и скачи,
Пемцам головы ты коси,
Мою ненависть проноси,
Пропоси ты Джамбулов пиев,
Пронеси ты аулов гнев
В пспелящем врага **огне!**¹

С волнением и гордостью **старик** следил за фронтовыми успехами «орлят своего гнезда», свято выполнявших его наказ. Какой радостью загорелись его глаза, когда пришла весть о их подвигах! В одном бою Алгадай и Бикбатор получили приказ удержать рубежи в селе Н. Заняв удобную позицию на чердаке дома, они меткими пулеметными очередями разили атакующих немцев. Важный рубеж остался неприступным и стоил немалых жертв гитлеровцам. Командование объявило благодарность батырам-пулеметчикам.

Алгадай на фронте погиб. Фашистская пуля, сразившая сына, больно ранила сердце отца. Тяжкая личная утрата, однако, не сломила его, а лишь **разожгла** ненависть к врагу. Когда в осиротевший домик с гвардейским приветом от фронтовиков приехал Герой Советского Союза Малик Габдуллин, гостеприимный хозяин горячо встретил его. В облике казахского героя что-то неуловимо напоминало старику погибшего сына. Джамбул взял домбру и запел, выражая вместе и боль свою, и моральную стойкость, и жажду возмездия.

«Я — старый, ты — молодой. У тебя ордена, у меня

¹ Джамбул. Поэма любви и пиева. Газ. «Комсомольская правда», от 9 октября 1941 г.

ордена. Оба мы заслужили эту честь. Но у тебя еще жизнь впереди, ты еще много можешь успеть, а что осталось, кроме смерти, у старого Джамбула, потерявшего сына?». Впрочем элегический напев песни скоро меняется, ибо в горе не весь Джамбул. Он просит Малика передать великому Сталину, что гибель сына не угасила его дух, что он готов послать на фронт других своих сыновей и даже лично участвовать в народной войне. Все больше и больше вдохновляясь он пол:

«Не всегда Джамбул так весел, не всегда он так поет. Это тебе, батыр Малик, посвящает старый Джамбул свои песни. Тебе и твоим друзьям — джигитам-фронтавикам. Вы гоните врага на запад, освобождаете города, очищаете от врага нашу священную землю. И за это тебе и твоим боевым друзьям большое спасибо говорит Джамбул. Передай бойцам-казахам, чтобы никто из них не повернул своего коня обратно, чтобы быстрее ветра неслись они вперед на врага, чтобы сабли их рассекали даже камни, на которые ступала вражья нога»¹.

Джамбул стремился, чтобы не только его «песенный пыл» помогал борьбе против фашизма, но и его труд в тылу. В обращении к «Работницам наших полей» вспоминалась старинная традиция, когда «казах уходил на войну» и «поручал жене заботу о доме своем, о мирном своем табуне, о тучной родной целине». То же относилось к старикам.

Акын, верный хорошему обычаю, деятельно участвовал в 1941—1944 годах в колхозных делах. Каждое утро верхом на лошади он объезжал колхозные поля, хозяйским глазом окидывал посевы, следил за работой на табачных плантациях и за порядком на ближней животноводческой ферме. Старик недурно разбирался в вопросах сельского хозяйства. Он советовал, как лучше работать, чтоб перевыполнять нормы, собирать больше зерна, увеличивать удои, выращивать сытый скот. В правлении колхоза, на полевом стане, в бригадах, в сельсовете, аксакал-поэт бывал желанным гостем. Нередко в ходе деловых бесед поэт импровизировал песни о значении трудового энтузиазма в борьбе

¹ Подстрочный прозаический перевод.

бе за военные урожаи. Результаты были такие: в **гер-
вый** же военный год колхоз им. Джамбула раньше
обычных сроков убрал обильный урожай, перевыполнил
годовой план ломки и сбора табака, план озимых по-
севов и своевременно выполнил все обязательства
перед государством.

Недалеко от аула Джамбула расположен конезавод
«Дегерес», выращивающий выносливых коней для на-
шей кавалерии. И там частенько можно было видеть
нашего акына. Как-то он узнал, что на конезавод при-
ехал новый директор и немедленно отправился к нему.
Завязалась беседа, из которой новый руководитель вы-
нес немало полезного для себя.

Джамбул был прекрасным агитатором. Он умел найти
пути к сердцам колхозников, зажечь их словом, ярким
житейским примером, острым сравнением. «Мы должны
помочь нашим воинам бить врагов», — таков был смысл
его массовой агитационной работы. Только старость
мешала проехать, как в прежние времена, по степям
Казахстана, чтобы не сотни, а тысячи и тысячи людей
зажечь трудовым воодушевлением.

Но то, чего не мог сделать Джамбул, делали его
многочисленные ученики и последователи, народные
акыны различных районов и областей. Следуя его при-
меру, акыны постоянно выступали агитаторами и дости-
гали во время войны значительных результатов в деле
материальной помощи фронту. Зимой 1942 года заслу-
женный деятель искусства Казахской ССР, 82-летний
акын-орденоносец Нурпеис Байганин совершил дли-
тельную поездку по аулам Актюбинской области, неф-
тяным промыслам Шабар-Кудука, Джаксымая и шах-
там Берчогура. В ответ на его призывы в фонд оборо-
ны поступали пшеница, просо, скот, теплые вещи. За
короткое время было внесено свыше ста тысяч рублей
деньгами и облигациями, сдано восемь баранов, пять
голов крупного рогатого скота, 150 пудов зерна, много
зимней одежды и обуви. Орумбай Тайманов с успехом
выступал в Ленгерском районе и собрал 185 центне-
ров зерна, 282 центнера овощей, 50 овец, 11
голов крупного рогатого скота. В Южно-Казахстанской
области акыны Орумбай, Казангап и другие выступали с
песнями о героях-воинах в самых далеких горных аулах.
В результате колхозники сдали **чистокровного** скакуна,

несколько коров, свиней, овец, 155 центнеров хлеба, отправили в Чимкент богатый красный обоз. Бригада акынов, во главе с заслуженным деятелем искусства Казахской ССР акыном Нартаем Бегежановым два месяца сопровождала чабанов и гуртоправов Кзыл-Ординской области, которым были доверены многотысячные колхозные стада. В Караганде акыны, возглавляемые девяностолетним Доскеем Алимбаевым, песнями помогали увеличивать добычу угля. Шашубай Кашкарбаев на Балхаше, Кенен Азербаетов и Жаксыбай в Джамбулской области, Нурлыбек Баймуратов в Семипалатинской, Абдугали Сариев и Куат Терибаев в Алма-Атинской, — во всех уголках Казахстана сотни акынов-агитаторов следовали завету Джамбула:

Вы разъедетесь: в добрый час!
Пусть встречают колхозы вас,
Пусть опять прозвучит для них,
Вашей песни живой рассказ.¹

Джамбул — признанный и авторитетный глава народных акынов Казахстана. К его голосу прислушивались, ему следовали в выборе тем, подражали. Он оставался в военное время живым примером того, каким должен быть акын-патриот.

Ведущая идейно-организующая роль Джамбула, отмеченная и в центральной печати, проявилась в таком явлении, как возрождение старинного состязания акынов — айтыса. Акыны, стремясь, подобно Джамбулу, к наибольшему слиянию с жизнью народа, к повышению общественной роли песни, возродили айтыс, своеобразную форму не только поэтического состязания, но и поэтического объединения певцов-импровизаторов. Это движение, показывающее актуальность народного творчества в дни войны, возникло в Караганде и быстро распространилось по Казахской ССР. Карагандинские акыны, во главе с Доскеем Алимбаевым, пришли на шахты, ознакомились с их деятельностью, подметили

¹ Джамбул. Посвящение акынам. Газ. «Казахстанская правда», от 7 декабря 1943 года; о деятельности акынов-агитаторов см. Газ. «Казахстанскую правду», от 11 сентября 1941 г., 7 февраля 1942 г., 23 ноября и 26 сентября 1943 г., «Литература и искусство», от 9 мая 1942 г.; Гайша Шарипова. Живая песня. Газ. «Правда», от 3 декабря 1943 г.

существенные недостатки в работе угольщиков. Каждый акын становился голосом определенного коллектива, воспевал лучших людей своей шахты, отстаивая честь ее, и остроумно бичевал недочеты коллектива, представленного его поэтическим «противником». На состязания акынов, как в прежние времена, собирались сотни людей, прислушивались к критическим словам импровизируемых • песен, стремились немедленно улучшить производственную работу, чтобы не попадать под поэтический обстрел и не становиться всеобщим посмешищем. Песни превращались в действенное средство общественно-политической и производственной агитации, **увлекательной по форме**. Шахты Караганды значительно повысили добычу угля.

Содержанием для айтысов военного времени служила опять-таки борьба производственных коллективов за хлеб, за уголь, за нефть, за руду, за прирост табунов и отар. В таком плане возрожденный и обогащенный новым содержанием айтыс развернулся на многочисленных предприятиях и во многих колхозах. А в декабре 1943 года в Алма-Ата" прошел республиканский айтыс, в котором приняли участие акыны девяти областей. Республиканский айтыс открыл Джамбул призывом:

Пусть выходят на честный спор
Наши песни степей и гор,
Пусть, как птицы, летят они
На родимой страны простор. ¹

Джамбул по праву первого и старейшего акына **требовал**, чтобы песни народных поэтов были подобны быстроногим коням («ибо степь не хранит следов клячи»), чтобы песни были подобны быстролетным соколам. Айтыс 1943 года занял видное место в общественно-литературной жизни республики, что и было отмечено в специальном постановлении ЦК КП(б) Казахстана.

Такой большой и содержательной жизнью **поэта-общественника** жил Джамбул в суровые военные годы.

¹ Джамбул. Посвящение акынам. Газ. «Казахстанская правда», от 7 декабря 1943 **года**

VIII

В лирике Джамбула за последние годы все чаще и чаще прорывались элегические мотивы. Акына немало угнетали постоянные недомогания. Бывало и так, что болезни подолгу приковывали его к постели.

«Шагая, достиг я вершины горы, — с горечью повторял человек-столетие.—Век, оказывается—нескончаемый путь... Я, как ветхая кибитка, имею много прорех. Будто ветер, продувая, гудит со всех сторон»... Неотвратимо надвинулась трагедия старости. Песне поведала душа то, чего не удавалось забыть, о чем каждодневно напоминали немощное тело, одряхлевшие ноги и потерявшие зоркость глаза:

Старость, коварный враг,
Ходит и спит **вместе с тобой**,
Не выдавая себя, не спрашивая,
В открытую не нападая,
По одному (она) отбирает члены. ¹

Но и скованный старческими недугами, Джамбул даже в преддверии сорокового года жизни продолжал сохранять ясность мысли. В марте 1944 года Джамбул услышал по радио Государственный гимн Советского Союза. Его, певца мощи и славы социалистической отчизны, сильно взволновали слова, переданные на **казахском языке**:

Союз нерушимый республик свободных
Сплотила навеки Великая Русь.
Да здравствует созданный волей народов,
Единый, могучий Советский Союз...

«Сегодня в тиши моего дома я слышу, — произнес Джамбул, — как звенит великая песнь. Ею напоен **воздух** моей отчизны. Белоплечим орлом взмыла она в высь и гремящим горным потоком разлилась по моей родной земле... Когда гимн запекает великий русский брат мой, его от всего сердца подхватывают грузин и казах, и украинец, и узбек, и белорусс, и таджик. Всем он одинаково понятен, дорог и священен. Ведь в нем воплощены мысли и чаяния всех советских людей, в нем звучит несокрушимая мощь Советской страны. В нем отра-

¹ Джамбул. Старость. (Подстрочный перевод).

жены верность делу партии и любовь к великому вождю, светочу нашей жизни, дорогому Сталину»¹.

Это не только" отклик на общественное событие. Это — проявление того, чем жил великий акын даже тогда, когда уже был очень болен и вынужден был делить свои будни между безвыходным пребыванием дома и пребыванием в Алма-Атинской больнице.

Старость — коварный враг — ослабила творческую активность акына, еще недавно изумлявшую всех. Акын в песне укорял самого себя: «Джамбул не споет песню лежа, что-то ленивый стал, состарившись».

Джамбул дожил до счастливейшего дня в истории человечества — Дня Победы. Уже совсем слабеющий, он, как настоящий герой на боевом посту, мобилизовал в себе последние силы, чтобы присоединить голос казахского народного певца к голосам восторга, наполнившим весь мир. В обращении к председателю Совнаркома Казахской ССР и секретарю ЦК КП(б) Казахстана он просил:

«Примите мои сердечные поздравления лично Вам и в Вашем лице всему народу по случаю победоносного завершения Отечественной войны. Безмерно счастлив, что дожил до дня нашей победы и могу вместе со всем народом воскликнуть: слава нашей доблестной Красной Армии, слава великому организатору победы, любимому Сталину!»².

Джамбулу хотелось сложить в честь победы песню, чтобы услышала ее вся страна. «Я был у Джамбула в мае 1945 года, — рассказывал потом председатель Совета Министров КССР Н. Ундасынов. — Измученный долгой болезнью, он страстно желал поправиться, набраться сил, чтобы спеть песню, достойную великой победы. Смерть помешала ему сделать это»³.

22 июня 1945 года «после продолжительной тяжелой болезни, на сотом году жизни, скончался депутат Верховного Совета Казахской ССР, великан советской народной поэзии, носитель вековой мудрости казахско-

¹ Джамбул. Святыхя народа. Газ. «Правда» от 16 марта 1944 года. s

² Газ. «Казахстанская правда» от 12 мая 1945 года.

³ Н. Ундасынов. Наш Джамбул. «Литературная газета» от 7 июля 1945 года.

го народа, знаменитый певец сталинской эпохи—* Гомер XX столетия — Джамбул Джабаев»¹.

Похороны Джамбула носили народный характер. В здание Оперного театра, где еще недавно на республиканском айтысе акынов так молодо и вдохновенно звучал голос их главы, пришли проститься с любимым поэтом десятки тысяч трудящихся столицы Казахстана. На площади имени Коминтерна состоялся траурный митинг. Отсюда траурный кортеж с прахом народного акына направился в его родной аул. На протяжении семидесяти километров на дороге, по которой двигался кортеж, стекались из окрестных колхозов тысячи людей, чтобы отдать последний поклон любимому певцу. Приехали проститься и аксакалы из Киргизии.

В усадьбе Джамбула посередине двора была воздвигнута юрта. В ней установили гроб с прахом акына. Нескончаемой вереницей проходили мимо гроба те, кто не раз слышал знакомый голос, звавший к борьбе и труду.

Матери, приводя детей, говорили:

— Будьте такими же мудрыми, такими долголетними и певучими, как наш любимый Жаке.

В яблонево́м саду, окружающем могилу, ныне стоит скромный обелиск с краткой надписью:

Джамбул Джабаев

1846-1945

По специальному постановлению Правительства Казахстана память народного акына должна быть увековечена. В 1946 году в столице республики и на могиле акына сооружаются памятники. В колхозе Джамбула строится здание семилетней школы. Будет сооружен в Алма-Ата «Дом писателей» имени Джамбула. В новом доме, где он жил, организуется литературный музей. Установлены джамбуловские стипендии для студентов Казахского Государственного Университета имени С. М. Кирова, Алма-Атинского Педагогического института имени Абая, Литературного института Союза Со-

¹ От Совета Народных Комиссаров Казахской ССР и Центрального Комитета КП(б) Казахстана. Газ. «Казахстанская правда» от 23 июня 1945 года.

ветских писателей СССР в Москве и премии имени Джамбула за выдающиеся произведения литературы.

В Институте языка и литературы Академии наук Казахской ССР создан и развернул большую работу специальный отдел по изучению жизни и творчества народного акына, по записи и собиранию его произведений, бытующих в народе. Научными работниками этого отдела подготовлено и издается к 100-летию со дня рождения Джамбула собрание его сочинений на казахском и русском языках. Оно существенно пополнит уже имеющиеся издания Джамбула.

За последнее десятилетие вышло до ста книг Джамбула на казахском, русском и других языках народов СССР. О Джамбуле написано до двухсот художественных произведений, принадлежащих советским поэтам и прозаикам.

Так сбылась вековая мечта мастеров песни о том, что настанет пора, когда народ уничтожит власть угнетателей и увенчает славой творцов народного искусства.

«Капитализм душил, — писал в октябре 1919 года В. И. Ленин, — подавлял, разбивал массу талантов в среде рабочих и трудящихся крестьян. Таланты эти гибли под гнетом нужды, нищеты, надругательства над человеческой личностью. Наш долг теперь уметь найти эти таланты и приставить их к работе».¹

Ленинский завет в сталинскую эпоху свято выполняется. Это, как нельзя ярче, подтверждает жизненный путь Джамбула. Могучий талант казахского акына не затерялся, не погиб. Советский народ, партия и правительство действительно сумели во-время найти его, оценить и «приставить к работе».

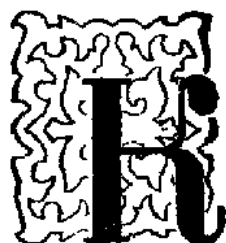


¹ В. И. Ленин. Итоги партийной недели в Москве и ваша задачи. Соч., т. XXIV, стр. 491—492.



ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В МИРЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ



I

Казахская поэтическая традиция — одна из самых древних и прочных. Народная поэзия казахов насчитывает сотни лет своего существования. Е. Бертельс обнаружил старинную казахскую былинку (о Чингис-хане), относящуюся к XIII веку¹. Корни казахского эпоса, вероятно, уходят в еще более седую старину. Каждый новый народный певец являлся в казахскую поэзию не из пустоты и не на пустое место. Особенно верно это в отношении более поздних и более близких нам времен.

В работах по истории казахской литературы достаточно глубоко не ставился пока вопрос о своеобразной литературной среде, которая наличествовала в дореволюционном Казахстане, — среде, в которой формировались выдающиеся акыны прошлого столетия. Обычно дается изолированная характеристика даже таких представителей художественного слова, как Бухар, Махамбет, Мурат, что создает одностороннее представление о их поэтическом наследстве. Конечно, трудно пока восстановить полную картину историко-литературного процесса в прошлом, но неоспоримо, что среди акынов существовали и определенные творческие группировки, и классовая дифференциация, и различные

¹ Е. Бертельс. Литература народов Средней Азии. Журн. «Новый мир», № 9, 1939, стр. 271.

эстетические (хотя неписанные) установки, и определенная преемственность в творчестве. Иначе говоря, имелись определенная литературная среда и определенный литературный процесс.

Полезно вспомнить тут одно высказывание Маркса о том, что «...развитие какого-нибудь индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении, и **что** различные поколения индивидов, вступающие в общение друг с другом, связаны между собой, что физическое существование позднейших поколений определяется их предшественниками, что эти позднейшие поколения перенимают от них накопленные ими производительные силы и формы общения и определяются ими в своих собственных взаимоотношениях. Словом, **мы** видим, что происходит развитие и что история какого-нибудь отдельного индивида отнюдь не может быть оторвана от истории предшествовавших или современных ему индивидов, а неизбежно определяется ею»¹.

Это в полной мере может быть отнесено и к Джамбулу — поэту. Уже в ранние юношеские годы Джамбул очень близко соприкасается с миром народной поэтической фантазии. Отец, дядя, мать и другие близкие родственники любили песню, умный, расцвеченный красками рассказ и знакомили с ними любознательного юношу. Малочисленный род Шапрашты, в котором родился и вырос Джамбул, выдвинул ряд народных героев и певцов. В семье и в ауле почти не затихали песни о легендарных подвигах Утегена, Суранши, Тойшибека; песни скрашивали окружающую действительность и **будили** лучшие стремления. Песни повторялись **изо дня** в день и поэтому легко заучивались наизусть. Юный Джамбул рано почувствовал мощь и красоту героического эпоса казахов, их лирики и бытовых песен.

Айтыс ы — поэтические состязания — являлись одной из самых распространенных и упрочившихся форм литературного общения в казахских степях. В поэтических турнирах участвовали не только десятки акынов Семиречья, но и акыны других районов. В юношеские годы Джамбул присутствовал на айтысах, наблюдал

¹ К. Маркс, Ф. Энгельс. Об **искусстве**. Изд. «Искусство», М—Л., 1938, стр. 143.

и слушал выступления знаменитых акынов, в том числе Суюмбая.

Когда Джамбул окончательно определился как акын, — встречи, беседы, совместные выступления с известными акынами приняли у него систематический характер. Эти живые литературные связи служили настоящей школой поэтического мастерства. «Начав петь самостоятельно, — рассказывает Джамбул, — я все же в состязаниях с большими акынами не участвовал. Решил состязаться только с молодыми, малоизвестными акынами. В казахских степях было принято: поражение на состязании акынов — смерть для акына. Было много случаев, когда акын, потерпев поражение, совершенно переставал петь... Я бродил по кочевьям, расположенным по берегам Чу. Пел народные былины, сказания, поэмы, произведения других акынов и свои собственные песни».

Позднее, накопив опыт, он встречался со старыми и прославленными акынами казахских и киргизских степей — Шоже, Арстанбеком, Амиром, Майкотом, Тлемисом, Балуан-Шолаком, внимательно слушал их, учился, накапливая силы, готовился стать таким же, как они, большим акыном. Джамбул значительную часть жизни проводил затем в передвижениях по Казахстану и Киргизии. Таким путем ему удавалось устанавливать личные связи с казахскими и киргизскими акынами. Со многими из них завязывалась творческая дружба.

Акын, как мы уже отмечали, знал наизусть произведения казахского, киргизского и восточного эпоса. Героические произведения казахского эпоса («Кобланды», «Шора», «Кыз-Жибек» и др.), киргизский «Манас», сказки «Тысяча и одна ночь», знаменитая поэма узбекской литературы Алишера Навои «Лейли и Меджнун», «Шах-Наме» и ряд других произведений, бытовавших среди казахов устно, стали любимейшими произведениями Джамбула. Изучая в своих странствиях современную жизнь, акын вместе с тем освоил и богатейшее художественное наследство народов Средней Азии.

¹ Автобиография народного поэта Казахстана орденоносца Джамбула. Журн. «30 дней» № 5, 1938, стр. 14

II

Исключительную идейно-воспитательную роль сыграл в формировании Джамбула-поэта народный акын прошлого столетия Суюмбай. В беседах, как и в песнях, Джамбул часто вспоминал Суюмбая, своего учителя, талантливого певца, равных которому он не видал.

Встреча с Суюмбаем произошла в начале шестидесятых годов. Суюмбай сразу оценил дарование юноши и стал влиять на него умными советами, как и всем духом своей поэзии.

Насколько сильны были обличительно-демократические устремления Суюмбая, можно судить по следующим его строкам:

Здравствуй, чиновник Тезек,
Забравший коней у народа,
Избивающий людей, пришедших с поклоном,
Уменьшивший численность народа.
...Если ты, чиновный вор, будешь избивать людей,
Пусть погибнет все твоё потомство.¹

О том, как Суюмбай бичевал хана Тезека, потомка Аблая, складывались легенды. В одной из них рассказывается, что Суюмбай уже в 23-летнем возрасте отличался исключительным дарованием, хотя не пользовался славой знаменитого акына. Он жил бедно и зарабатывал кусок хлеба веселыми и умными песнями. Мудрости молодого акына дивились аксакалы, старшие представители родов. Очень рано задумывается он над социальными противоречиями и сознает бесправное положение трудящегося человека в казахских степях. «Ехал он, — говорится в народной легенде, — по степи, как брат цветов и душистых трав. Суюмбай понимал своим большим сердцем, что он богат и беден, как эта степь, нарядившаяся ровно невеста, но не знающая своего жениха. Это было горько... Суюмбай пел о том, что мир слишком прекрасен для того, чтобы человек чувствовал себя в нем пасынком».²

Суюмбай приехал к Тезеку. Назревало, согласно

¹ Подстрочный перевод.

² Акын Суюмбай и хан Тезек. Журн. «Литературный Казахстан», № 4, 1937, стр. 64.

легенде, столкновение смелого певца с жестоким деспотом:

— Ты кто? — грозно спросил хан Тезек.

— Я бедный акын богатых степей, — не без достоинства ответил Суюмбай.

— Ты не смеешь войти в юрту хана без его слова, — заметил грозно хан и велел своим богдасарам раздеть поэта, взять лошадь и с позором выгнать.

Но гнев не испугал Суюмбая:

— Хан Тезек! — сказал акын. — Я шел к тебе как к хану, который, согласно законам богов, поставлен блюсти в народе справедливость. Прости сомнение бедного акына, если он, видя тебя, думает о том, не забыли ли люди бога и его пророка? Где было слышно в степи, чтобы хан стал вором? Мне трудно верить своим ушам, но они мне верные слуги, ибо никогда не позволяли струнам домбры взять чужой звук.

Хан разбивает домбру акына и приказывает отрубить ему голову. «Мое царствование, — говорит Тезек, — видимо, не избавлено от строптивых акынов. Мой дед Аблай-хан терпел словоблудие акына Джанара, мой отец терпел словоблудие Канаба-акына, а он (т. е. Суюмбай — М. Р.), видимо, моя печаль».

Скорбные слова Суюмбая, выразившего сожаление о разбитой домбре, смягчили гнев хана. Он приказывает отпустить акына и дать ему лошадь. Суюмбай отказывается взять предложенную лошадь, так как хозяин ее еще жив и его, акына» могут счесть за вора. Тезек, «желая славы своему царствованию», предлагает другую лошадь, но Суюмбай отказывается и от нее, так как на ней ездил ханский конокрад. Таким образом, Тезек разоблачен перед народом, как хищник и конокрад. В заключение говорится: «Акын был богат тем, чем беден хан: симпатией окружающего народа. Понимая это, хан Тезек взревел:

— Черт с тобой, бери, что хочешь! И убирайся...

Суюмбай взял лучшую шубу, лучшую лошадь из косяков хана и лучшего барана и поехал, вызывая громкое одобрение народа.¹

¹ Образ Суюмбая, как учителя Джамбула, красочно представлен в коллективной поэме казахских поэтов «Сталину» (см. антологию казахской литературы «Песни степей», Гослитиздат, М., 1940, стр. 562—563).

Джамбула поражали вольнолюбие, мужество, независимость певца. Эти лучшие черты акына-демократа он воспитывал и в себе, ибо для него Суюмбай предстал как идеальный тип защитника и выразителя народных интересов. Творческое общение ученика и учителя продолжалось и после, когда Джамбул стал известным акыном. Дружба не прекращалась до самой смерти Суюмбая, который скончался в девяностых годах.

Заветы учителя определили творческое развитие ученика. О том, чему учил Суюмбай, Джамбул поведал во вступительной части поэмы «Суранши батыр»¹.

III

В семидесятых годах Джамбул встретился с красавицей Бурум, о которой прозрачными намеками говорится в айтысе Джамбула с девушкой-акыном Айкумыс. Законы ислама, угнетавшие женщину Востока, проявлялись в Казахстане с ослабленной силой. Женщина здесь не носила чадры и издавна изображалась в эпосе, как спутница батыров. Но над женщиной тяготели жестокие законы родового права. Она не располагала свободой чувства и продавалась, как рабыня, за калым.

Женщины-акыны — характерное явление в казахской литературе. Типична в данном случае яркая Личность Сары.

Незаурядное поэтическое дарование Сары, соединенное с прекрасными вокальными данными, проявилось в состязании с знаменитым акыном Северного Казахстана Биржаном (1825—1887 гг.). Основатель целой школы ак-ынов, продолжавших развитие его песенных традиций (Ибрай, Балуан-Шолак, Акан-серэ, Жаяу-Муса, Естай, Газиз и др.), Биржан встретился с Сарой в начале шестидесятых годов. Между ними состоялся айтыс, который вошел в историю казахской литературы XIX века, как айтыс, впервые остро поставивший вопрос о борьбе против калыма, порабощения **женщин**.

«Сюжет этого айтыса полон драматизма, — сооб-

¹ См. Джамбул. Суранши-батыр. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 10, 1939, стр. 6-7.

щает писатель Сабит Муканов. — Биржан, живший в Кокчетаве, и Сара, росшая у подножья Ала-Тау, слышали друг о друге, прониклись друг к другу симпатией и мечтали о встрече. Биржан отправляется на поиски Сары и находит ее. Но каждый из них, считая себя мастером, не хочет уступить другому, и на этой почве у них возникает размолвка. Они не шадят друг друга в айтысе, но все же не изменяют взаимному уважению... В айтысе акын-мужчина и акын-женщина спорят между собой, а в то же время их взаимная симпатия переходит в любовь. Безднадежность этой любви воплотилась в песнях, проникнутых глубоким лиризмом»¹.

Сара превосходит в поэтической силе Биржана, но он оказывается победителем только потому, что потребовал от нее спеть о своем нелюбимом женихе Жиенкуле. Биржан, осознав трагедию чувства женщины-казашки, восклицал, обращаясь к Саре и называя ее гением;

Мучаются у казахов женщины
Такие, как ты.
За что хулят тебя враги? .
Чем я могу отметить тебя?
Нет человека выше тебя.²

Песни Биржана отличались высокой художественностью, красочными эпитетами, метафорами, сравнениями, олицетворениями, общей оригинальностью языка.

Также трагически в семидесятых годах сложились отношения Джамбула с Бурум. Встретившись с нею, он был поражен ее красотой. Она отвечала взаимностью. Вместе они бежали из аула, но вскоре Бурум была задержана и возвращена насильно к своим родным.

Отсюда песни молодого Джамбула о несчастной любви, посвященные Бурум. Отсюда пошло страстное обличение бытовых условий, погубивших любимую девушку.

Чтоб заглушить голос сердца, он отправился бродить по степи с песнями. В биографическом очерке Е. Исмаилова указывается, что одну из красивейших

¹ С. Муканов. Краткий очерк казахской литературы XIX века, цитировано по рукописи, стр. 36—37.

² Подстрочный перевод.

песен об этой пережитой драме «Утей» Джамбул помнил до старости и говорил «Эта мелодия навеки запала в мое сердце, и я не забываю ее».

Душевные интимные переживания Джамбула оказали свое влияние на его дореволюционное творчество. К сожалению, до нас не дошли лирические песни Джамбула, посвященные Бурхам. Но такие песни, как «Девушка Ксмышат», «Вечное создание красоты», «Дочери Болека» и «Аётыс с Аңкымыс» характеризуют незаурядное лирическое искусство акына.

IV

«Примерно, в 1875 году, — пишет Е. Исмаилов, — Джамбул встретился с известным акыном Шоже. Шоже — непобедимый на айгысах XIX века акын. Равного по красноречию ему не было. Джамбул говорит, что никто из казахов не мог победить Шоже, что он никогда в жизни не встречал такого находчивого, остроумного акына. Вместе с этим акыном Джамбул довольно долго разъезжал по Семиречью и Киргизии. Он с изумлением наблюдал, как Шоже богатой аргументацией, метким словом побеждал своих противников. Это тоже было для Джамбула большой школой»¹.

По отдельным четверостишиям Шоже, которые припомнил Джамбул, можно установить, — что у него были оригинальные приемы речи и поэтического спора. «Духовно я казах, по происхождению киргиз», — говорил Шоже, желая сказать этим, что национальные различия не существенны для мастеров песни. Джамбул потом никогда не забывал подобных афоризмов Шоже.

В 1912 году Джамбул встретился с акыном Балуан-Шолаком, который бежал от полицейских преследований в Северном Казахстане и нашел гостеприимство в Семиречье. Человек огромной физической силы, гигантского роста, Балуан-Шолак произвел своим появлением сенсацию. Его приняли за Махди, мифического сына Али, зятя Магомета. Махди, по арабской легенде, должен появиться, когда настанет конец света, чтобы уничтожить Гога и Магога...

¹ Е. Исмаилов. Джамбул. Краткий биографический очерк, опубликованный в первом томе собр. соч. Джамбула на казахском языке.

Важно не столько необычайное впечатление, произведенное личностью акына-богатыря на семиреченских казахов, сколько то, что он являлся представителем группы поэтов и композиторов Северного Казахстана, — таких, например, как Акан-серэ, Биржан, Ибрай и Естай. Балуан-Шолак в публичных выступлениях мог передать семиреченцам особую манеру песенных импровизаций, характерную для северного фольклора. Встреча Балуан-Шолака с Джамбулом произошла на джайляу, летнем пастбище бая Кали Ордабаева, у самых вершин Ала-Тау. Она описана Сабитом Мукановым:

«Они обнялись и поздоровались.

— Я много слышал о тебе, — ответил Джамбул, — и очень хотел видеть. Услышав о твоём приезде в Джетысу, мы скакали по твоим следам и вот только здесь нагнали. Это все, — Джамбул показал на свиту своих учеников, — акыны Джетысу, из родов Уйсун и Дулат...

— Я тоже разыскивал тебя, Джамбул! — сказал Шолак. — Садись пока. Вечерком поговорим».¹

Четыре года пробыл Балуан-Шолак в Джетысу, общаясь с народными акынами, возглавляемыми Джамбулом. И когда он собрался обратно на родину, семиреченцы не хотели с ним расставаться. «Он научил джетысуйских певцов вечным песням своей родины. И сам любил их петь. С наибольшим увлечением, везде и всюду, он пел свою любимую песню «Галия». Исполняя ее, он преображался»². Это была песня о любимой женщине, исполненная кипучей страсти и нежности. Она вызывала у Джамбула грустные воспоминания о Бурум. Но не только лирические песни принес с собой Балуан-Шолак. Акын-батыр сочувствовал страданиям народа и жаждал борьбы за народные права. Он создавал еще и песни гнева. Его убили. Потому, вероятно, что видели в нем одного из намечавшихся организаторов восстания 1916 года.

Джамбул высоко ценил произведения Балуан-Шолака и настойчиво рекомендовал своим ученикам Умбет-

¹ Сабит Муканов. Балуан-Шолак. Цитир. по рукописи стр. 90—91.

² Там же, стр. 93.

али, Кенену Азербаету выучить их наизусть и широко распространять. Ученики выполнили совет Джамбула, и песни Балуан-Шолака надолго вошли в быт Семиречья. Под влиянием Балуан-Шолака еще перед революцией определился заметный подъем в творчестве Джамбула. Об этом говорит песня, пропетая Джамбулом при прощании с Балуан-Шолаком.

V

Духовное богатство казахского народа воплотилось с особенной полнотой в его эпосе. Эпические произведения воспитывали в сменяющихся поколениях дух свободлюбия, высокой морали, патриотизма, и все это, естественно, переходило в песни акынов, делалось их идейной основой.

А. М. Горький в беседе с Сабитом Мукановым в 1933 году с восторгом оценивал казахский фольклор: «Очень хорошо, что у вас сохранилось такое богатое наследство устной народной литературы. Оказывается, вы, — казахские писатели, — сидите на золотом сундуке, побольше черпайте из него ценностей»¹. Джамбул и черпал сокровища из этого золотого сундука.

Один из усердных собирателей казахского фольклора Г. Н. Потанин сравнивал казахскую народную поэзию с океаном, «волны которого разливаются бурным потоком через края бассейна», т. е. казахской степи. Джамбул рожден этим «океаном» и занял место на гребне его «волн».

Обратимся к отдельным образам казахского эпоса.

Образ Кобланды, батыра из популярной героической поэмы, полон мужества, благородства, высоких страстей. Батыр Кобланды — олицетворение векового стремления народа к независимости, свободе. Чисты и романтически приподняты отношения Кобланды к жене Кортке. Любовь батыра к жене лишена собственнического чувства. Благородным рыцарем выступает в эпосе Ер-Саин. В плаче его жены Аю-Бикеш ярко вырисовываются светлые черты подлинного батыра.² А чувства Аю-

¹ С а б и т М у к а н о в. Доскей Алимбаев. Газ. «Социалистическая Караганда», от 28 мая 1940 года.

² Ер-Саин. «Песни степей», стр. 41.

Бикеш к Ер-Саину столь возвышены и сильны, что даже воскрешают батыра, убитого в неравном поединке с врагом. Батыр Ер-Таргын — честный и самоотверженный сын народа. Подлость и предательство не могут сломить его воли и отваги, не могут замутить чистый источник его любви к красавице Ак-Жунус. Камбар, неимуший кедей, рисуется в казахском эпосе, как идеал человека-борца. В ответ на любозное признание красавицы Назым Камбар, полный пафоса гражданских чувств, проповедует, что выше всех личных интересов — дело защиты бедняков и забота о благополучии родных аулов.¹ И Назым избирает линию поведения, руководствуясь в любви к Камбару, человеку труда, тем, что он может «народ свой от бедствий тяжелых времен... оберечь, как надежный заслон».

В поэме «Ер-Саин» батыр выступает человеком, который «всем обиженным — крепкий щит, всем обидчикам вредным — гроза...»² Появление среди народа Ер-Саина вносит в жизнь радость. Все при появлении его возрождается: кулан становится иноходцем, старики превращаются в молодых, «шестимесячная зима оборачивается весной».

Человек в казахском эпосе представляется наделенным лучшими качествами. Таким он выступает, если не считать контрастных фигур, и в замечательной лирической поэме «Козы Корпеш и Баян-Слу». Образ Козы Корпеша обрисован в следующих выражениях:

Он неправды сторонился,
Он со всеми был приветлив,
Жил богато, гордым не был,
Не гнушался бедным людом,
Никому вокруг ни разу
Не отказывал в подмоге.³

Трагическая гибель Козы Корпеша и Баян-Слу обличала лишь мерзость собственнического мира, в котором не оставалось места лучшим человеческим стремлениям. Гуманистическая идея выражена и в поэме «Сулушаш», использованной Сабитом Мукановым для одноименного романа в стихах.

¹ Камбар. «Песни степей», стр. 65—66.

² Там же, стр. 35.

³ Песнь о Козы-Корпеше и Баян-Слу. Казахст. Краевое изд-во, Алма-Ата, 1933, стр. 80.

Лирическая окрашенность народных произведений, отмеченная еще академиком Радловым, предопределила лиризм и в песнях Джамбула. Свое влияние оказывали на них также исторические и повстанческие песни (особенно повстанческие песни Махамбета), сказки и пословицы казахского народа.

Казахские пословицы великолепно обобщали мудрость народа. «Богач бедняку, волк овце — не попутчик»; «плохой ворует у ближнего»; «с подлизой не дружи, с именитым не шути»; «основа богатства — воровство» — так оформлялся в пословицах классовый антагонизм феодально-родового строя. Утверждение труда как высшего блага человеческой жизни составляет содержание таких пословиц: «без труда нет наслаждения»; «кто работает, тот сыт»; «труд, труд и труд — вот три вечные сокровища». Пословицы пропагандировали знание: «руки поборют одного, знание поборет тысячу»; «мудрец может умереть, но слова его будут жить»; «умудрен знаниями не тот, кто много прожил, а тот, кто много видел»; «старость подобна черной земле, невежество подобно темной могиле»... В пословицах раскрыта социальная роль художественного творчества: «ветер горы разрушает, слово народы подымает»; «хорошее слово — половина счастья». Пословицы раскрывают мощь народа: «народ захочет — бездну перескочит»; «если в кочевье народ разъединится — иди с большинством: море не высохнет, народ не заблудится».

Вот на такой почве, в таком мире богатой и прочной поэтической традиции расцвел талант Джамбула. В такой атмосфере сложился неписанный «эстетический кодекс» Джамбула.¹



¹ Джамбул. Песня об искусстве. Журн. «Литературный Казахстан», 1938, стр. 16.



ГЛАВА

ЧЕТВЕРТАЯ

ДОРЕВОЛЮЦИОННОЕ ТВОРЧЕСТВО



I

В многочисленных статьях о Джамбуле почти не дается характеристики творческой деятельности его в период с 1862 года по 1917 год. Пятьдесят пять лет работы акына остаются до сих пор мало изученными. Критика ограничивается только общими оценками, когда речь заходит о джамбуловских песнях дореволюционного периода.

«Разъезжая по родным аулам, — читаем, — Джамбул пел песни о горькой подневольной доле народа, жалил сатирическими песнями народных угнетателей — царских чиновников и жирных баев. Он славил вольные казахские степи, их красоту и необъятность, слагал песни о великих батырах родного народа, поддерживал бодрость в сердцах родичей песнями — легендами о счастливой стране «Жер-Уюк». Песни Джамбула слушали аульные бедняки, пастухи, водящие табуны по степным пастбищам. Песня водила его по необъятным просторам родной страны от одного кочевья к другому, от дыма к дыму. В седле встречал он день. В седле застывала его ночь. В седле вызревали в его сердце песни, просторные, как степь, заунывные, как осенний ветер, и стремительно-гневные, как вольный ураган».¹

Академик Ю. М. Соколов в своем учебнике по фоль-

¹ А. За волжский. Великий акын казахского народа. Журн. «Литературная учеба», № 5, 1038, стр. 5.

клору вообще не затрагивает вопроса о дореволюционном творчестве акына.¹ Даже авторы, ближе знакомые с казахской литературой, не осветили еще с необходимой конкретностью этот период творческой деятельности Джамбула. Главное, что можно узнать из статей по данному вопросу, не выходит за пределы сведений, почерпнутых из автобиографии Джамбула.

Факт неоспоримый: пятьдесят пять лет жизни Джамбула в народном искусстве остаются пока белым пятном. Такое положение создается и в силу объективных причин. Произведения Джамбула десятки лет бытовали в устной передаче, не записывались, да к тому же, как произведения демократической поэзии, подвергались гонению. Не все рисковали заучивать их и повторять. Сам Джамбул вел скитальческий образ жизни. Он щедро разбрасывал семена пламенных песен, совсем не заботясь о их сохранении.

Это обстоятельство не дает, однако, оснований утверждать, как это делает проф. М. Азадовский, что «совсем неизвестны дореволюционные песни Джамбула»² Свыше тридцати произведений дореволюционного периода удалось восстановить по памяти самого Джамбула и со слов его современников. Среди них есть лирические и обличительные песни, эпические поэмы «Утеген-батыр», «Суранши-батыр» и ряд айтысов, т. е. поэтических выступлений, имевших место на состязаниях с другими акынами.

II

Идейное направление дореволюционного творчества Джамбула вырисовывается уже из автобиографии поэта, к сожалению, слишком лаконичной: «Правдиво я мог петь только о себе и о народе. Когда я пел о народе, я пел и о себе. Когда же я пел о себе, я одновременно пел о народе. Поняв всем сердцем, что акыну нельзя фальшивить и лицемерить, стал петь только правду. И песни мои полетели по всему Джетысу, как вольные птицы... Пел я песни грусти и печали... Я пел о моем

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938, стр. 539—550, см. его же статью «Песни Джамбула», Журн. «Литературный критик», № 5, 1938, стр. 123—137.

² М. Азадовский. Новый фольклор. Сб. «Советский фольклор». Гослитиздат, Л., 1939, стр. 16—17.

бедном, измученном народе, о поруганной родине, о славных батырах казахских племен.»¹

Демократические и гуманистические настроения народного акына особенно хорошо представлены в его стихотворении начала девятисотых годов «Завещание». Тот факт, что оно десятилетия жило в памяти Джамбула свидетельствует, насколько он лично его ценил и, очевидно, считал наиболее полным выражением своего поэтического кредо. Джамбуловское «Завещание» родственно лирическим раздумьям первого классика казахской литературы Абая Кунанбаева (1845—1904 гг.). Оно проникнуто благородной моралью честного и бескорыстного служения народу. Теплым словом поминая одного из образованных акынов своего времени Кылшай Ержанова, который «оставлял для сынов образец поучительных слов», Джамбул предъявляет строгие требования и к себе, как поэту.

Чистым сердцем, приятель, дыши!
— В добром деле ты счастье найдешь,
Славных подвигов не совершив,
Что из жизни с собой унесешь?
Все сокровища мира собрав,
Не найдешь ты в богатстве добра.
Светлой памятью вечной, святой,
Будет жить и сиять над тобой
Лишь добро, что ты миру несешь!²

Этой поэтически оформленной программе жизни и творчества Джамбул неизменно следовал на протяжении почти целого столетия. Умирая, он мог бы повторить строки «Завещания» с тем же основанием, с каким мы эпиграфом к поэтическому наследству Абая ставим обычно его утверждение.

Смертна природа. Человек же не умрет,
Хоть жить не будет и обратно не придет.
Разъединение со мной моей природы
Один невежда полной смертью назовет.

1) Автобиография народного поэта Казахстана орденоносца Джамбула. Журн. «30 дней», № 5, 1938, стр. 14—15.

² Публикуется впервые, перевод П. Кузнецова.

Превратность жизненная — многим тяжкий плен,
Мы плачем от ее ударов и измен.
Бессмертные слова ты оставляешь миру,—
Так можно ли сказать: «Ты превратишься в тлен?»¹

Допущенное здесь сближение имен Абая и Джамбула, составляющих законную национальную гордость казахского народа, лишено случайности. При всем различии социального положения и поэтических культур, они, каждый по-своему, правдиво, в духе критического реализма, отражали нерадостную долю казахского народа. Являясь современниками, Абай и Джамбул на равных основаниях представляли две линии художественной культуры дореволюционного Казахстана: формирование письменной литературы и поступательное движение устно-поэтического народного творчества. Эти линии не противостояли друг другу, а шли на сближение. Одинаково глубокое знание народной жизни, критическое отношение к окружающей действительности, защита попранных прав трудящихся с естественной необходимостью диктовали обоим художникам обращение к одним и тем же основным темам эпохи и предопределяли рождение сходных образов.

Самостоятельно (тем не менее в неоспоримом идейном созвучии с Абаем) Джамбул в своих дореволюционных импровизациях разрабатывал такие темы: разоблачение баев, волостных управителей, продажных биев (судей), мулл (песни «Сат», — 1889 г., «Манке» — 1903 год, «К Кали» — 1908 год, айтысы), отстаивание нерушимого содружества казахов с русским народом, («русский с казахом дружен теперь, локоть к локтю идет он с ним»), проповедь единства казахского народа, подрываемого межродовыми распрями, выгодными для баев, защита прав женщины на свои чувства («Девушка Кемшат», «Айтыс с Айкумыс» и др.), воспитание трудолюбия, скорбь по поводу бесконечных разорительных набегов чужеземных захватчиков (айтысы, эпические поэмы). Конечно, Абай, приобщившийся к русской культуре, видел и понимал социальное зло эпохи более глубоко, чем народный акын. Тем не менее Джамбул и Абай шли по единственно верному в те времена пути

¹ Абай Кунанбаев. Избранное. Гослитиздат, М., 1945, стр. 160.

критического реализма. Своими произведениями оба они помогали распространению среди казахов демократического гражданского самосознания.

Джамбул рано стал профессиональным певцом. Но профессионализация певца, вообще говоря, не обязательно должна превращать его в прислужника баев или ханов. Ошибочное мнение высказывалось даже таким знатоком фольклора, как проф. Ю. М. Соколов. В одной из статей он писал: «Но не только в зарубежной Азии, а в пределах Средней Азии—у казахов, киргизов, узбеков и т. д.—наблюдались те же явления.¹ Профессионалы — певцы (у казахов — «акыны», сопровождавшие свое пение игрою на домбре) воспевали родовую аристократию, баев, а затем и царских чиновников, которые из этой родовой аристократии вербовались»². Ссылка на акад. Б. Я. Владимирцева, исследовавшего эпос монголо-ойротов, и очерк В. Г. Короленко «У казаков» небедительны.

Профессионализация не мешала ряду выдающихся акынов быть выразителями настроений трудового народа. Так же, как и среди писателей всех народов, среди акынов происходила классовая дифференциация. В. Г. Короленко случайно видел только одного угодливого акына — приспособленца. В то же время существовали и профессиональные певцы демократического склада. Джамбул принадлежал к последним и сознательно стремился поставить песню на службу угнетенному народу.

Джамбул не одинок был со своими демократическими устремлениями. Он только типичный и талантливый представитель той славной плеяды акынов, которые в

¹ Речь идет о работе акад. Б. Я. Владимирцева. «Монголо-сиротский эпос», который писал, что ойротские профессиональные певцы, «тульчн», обслуживали господствующие верхи. (Изд. «Всемирная литература», Л., 1924, стр. 24—26).

Эту же точку зрения развивал в отношении русского фольклора и В. А. Келтуяла в «Курсе истории русской литературы», книга 2, стр. VII, доказывая аристократический генезис русского героического эпоса.

² Ю. М. Соколов. Природа фольклора и проблемы фольклористики. Журн. «Литературный критик», №12, 1934 г., стр. 141.

Позднее Ю. М. Соколов признал ошибочность этого утверждения (см. его статью «Русский-былинный эпос», «Литературный критик», № 9, 1937, стр. 192—195).

песнях отражали подневольную жизнь народа и воспитывали его для борьбы. Беда только в том, что «крамольные» песни жестоко преследовались, не записывались и не сохранялись. А разве не то же самое было с песнями, скажем, крепостных русских крестьян? Ведь антикрепостнические песни сохранились единицами.

В соседней с Казахстаном Киргизии в дореволюционное время выступало также немало акынов с четко выраженными демократическими тенденциями. Известный акын Киргизии Токтогул Сатылганов (1859—1933 гг.), современник и друг Джамбула, за свои обличительные и вольнолюбивые песни попал в 1898 году на царскую каторгу. Между Токтогулом и Джамбулом существовала дружба, скрепленная единством идейных настроений. Такие же дружеские отношения существовали у Джамбула и со знаменитым народным музыкантом и композитором, ныне народным артистом Киргизской ССР, Мураталы Куренкеевым. Когда-то, обездоленные и гонимые, они вместе скитались в долине реки Чу и в районе озера Иссык-Куль¹.

Поэт—переводчик В. Винников на основании изучения киргизского народного творчества утверждает: «Жизнь акына — это живая история народа. Песни акына — вдохновенная летопись народной жизни. В этом причина огромной силы воздействия и непогрешимой правды произведений акынов... Смелый и свободолюбивый кочевой горный народ, коллективный автор гордости мирового эпоса «Манас», на протяжении столетий был обречен своими национальными и иноземными поработителями на голодную смерть. Малейшее неповиновение бай-манапам грозило жестокой казнью. По преданию народа, акыны во все века тяжелого рабства поднимали смелый голос против угнетателей. Ни угрозы полного разорения, ни истязания, ни казни не могли заставить честных певцов замолчать или продать свободную песню угнетателям»².

За свободолюбивые песни постоянным преследованиям подвергались ученики Токтогула Сатылганова Алымкул Усенбаев и Калым Акиев.

Такое же положение передовых акынов наблюда-

¹ Сборник. «Искусство советской Киргизии». Гос. изд-во «Искусство», М-Л, 1939, статья «Народные певцы и музыканты», стр. 62.

² В. Винников. Акыны, цитир. сборник, стр. 53—56.

лось и в казахских степях. Ведь и Джамбул в период восстания 1916 года подвергался полицейскому аресту, и только случайно не оказался на каторге, куда попал его друг и соратник по песне Токтогул. Казахские степи хранят немало трагедий, сопутствовавших судьбе демократических акынов. Многие из этих трагедий забыты, но и то, что известно, представляет мартиролог, подобный составленному когда-то из материалов русской литературы Герценом.

Отважный соратник Исатая, пламенный акын Махамбет зарублен приспешниками хана Джангера. Акын Асет кончил жизнь самоубийством. Много лет терзали в царской оренбургской тюрьме закованного в кандалы замечательного композитора Курмангазы. Народного акына-композитора Жайыу-Мусу бросили в сибирские каторжные рудники, потому что он утверждал:

Ох, от пива сердцу как не пламенеть!
Пусть придется мне изведать бая плеть,
Пусть Шорман богат, силен и злобен—пусть!
Все ж обид не стапу я больше терпеть.
Боль в душе моей, я всем хочу сказать—
Разве бедный должен все баю смолчать?¹

Обличительные песни Акмолды вызывали ненависть правящих классов, и его умышленно обвинили при царизме в отказе от выполнения воинской повинности. Его бросили в тюрьму. На пути в царскую ссылку за вольнолюбивые песни трагически погиб Сары Бараков. Тюремному заключению подвергся Шашубай Кошкарбаев.

Тяжелую трагедию пережил Акан-серэ. Замечательный облик этого акына-обличителя охарактеризовал девяностолетний акын Доскей Алимбаев:

Был мудр и тверд Акан-серэ.
Не в золоте, не в серебре,
Не в славе счастья он искал.
Он песни звучные слагал.
Красив и статен был акын.
Свою страну, как верный сын,
Великим сердцем он любил
И для народа лишь творил.
Но скорбь в душе его жила.

¹ Жайыу Муса. Стихи, Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 8—9, 1939, стр. 21.

Вокруг он видел море слез,
 Народ в беде, беда пылала,
 Как вечный джуг¹ как время гроз.
 Беда ползла из байских юрт,
 Из позолоченных дворцов,
 Как ядовитый каракурт²,
 Она пила людскую кровь.
 Не мог стерпеть невец Акан
 Народной юдоли, — он пел,
 Могутый, гневный, как арстан,
 И в песнях звал народ к борьбе.³

Акын такого типа не мог не вызвать звериного озлобления баев и царских чиновников. Он переживает один удар за другим. Девушку, которую он полюбил, продают баю за калым, а попытки похищения ее кончаются провалом. Он находит коня Кулагера, непобедимого в скачках скакуна. Озлобленные баи убивают коня. Акына вместе с родным аулом согнали с насиженного места и вынудили скитаться по степям. Доведенный до отчаяния, акын потерял веру в силу личной борьбы и кончил безумием.

Доскей Алимбаев, запечатлевший образ акына-правдоискателя Акан-серэ, в котором много родственного Джамбулу, сам подвергался жестоким преследованиям. Бай Айтбай-Хаджи обвинил его в нападении на караван. Доскея целый год по клеветническому доносу продержали в тюрьме⁴. По выходе из тюрьмы он не переставал подвергаться преследованиям баев и царских сатрапов. Трагически погиб Балуан-Шолак (1855 — 1916 гг.), убитый из-за угла Сыздыком Токсанбаевым и сыном русского кулака. До своей гибели, накануне восстания в казахских степях, Балуан-Шолак неоднократно подвергался тюремному заключению и лишь благодаря необычайной физической силе, решительности и отваге сумел бежать из тюрьмы и спастись от каторжных работ. Об этом он рассказывал в одной из песен:

Прошло в заключении плетень моих дней,
 И получил я бумагу от мирового судьи.

¹) Джуг — падсж скота от бескормицы во время гололедицы.

² Каракурт — ядовитый паук, укус которого опасен для жизни.

³ Доскей. Акан-серэ и Кулагер. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 12, стр. 79; арстан — лев.

⁴ Гайша Шарашова и К. Бекхожин. Акын Доскей. «Литературная газета», от 30 мая 1940 года.

...Взглянул на нее и узнал,
Что осужден я на каторгу.
.. Плюй мне в лицо, если духом паду я в тюрьме!
Я дважды потянул решетку к себе
И выдернул, лишь посыпались кирпичи.¹

В дополнение ко всем гонениям, жизнь акына, не желавшего служить баям, сопровождалась вечной нуждой: «В те времена бай приравнивали акынов к нищим...»²

В такие условия полного бесправия, произвола, преследований, издевательств, нищеты поставлены были лучшие акыны в дореволюционном Казахстане. В таких условиях творил и Джембул свои мужественные песни. Он шел тернистым путем, который неизбежно выпадал на долю тех, кто правдивым словом защищал народные интересы. Там, «где свирепствовали царские сатрапы, бай и феодалы, преследовались, претерпевали гонения не только Джембул, но и все таланты, все мыслители»³. Лишь народная любовь была Джембулу наградой. В мудрой казахской пословице говорится: «Не бери золота; бери благодарность: благодарность дороже золота». Эту благодарность народа Джембул и ценил выше золота баев.

«Многие родоначальники упрасивали меня остаться у них, — говорится в автобиографии, — обещали хорошо кормить, уважать и давать богатые подарки, чтобы я прославлял их и участвовал в состязаниях с акынами других родов. Но я не хотел лицемерить и отрываться от народа, не хотел итти к баям. Решительно отказывался и уезжал дальше»⁴.

Джембул бичевал в песнях баев, называя их «конокрадами», бичевал мулл, называя их «длиннобородами, козлами». Презрением клеймил он продажных певцов. Бай, муллы и их приспешники с ненавистью обзывали непокорного акына «драчливым», «упрямым».

¹ Цитир. по рукописи повести С. Муканова «Батуан-Шолак», перевод В. Козина, стр. 55—56.

² Цитир. по рукописи С. Муканова «Краткий очерк казахской литературы XIX века», стр. 25.

³ Г. Мустафин. Великан народной поэзии. Журн. «Большевик Казахстана», № 24, 1938, стр. 53.

⁴ Автобиография народного поэта Казахстана орденоносца Джембула. Журн. «30 дней», № 5, 1938, стр. 15.

III

Видное место в дореволюционном творчестве Джамбула занимали эпические поэмы о батырах, героях национально-освободительной борьбы казахского народа:

Народ изнывающий тихо просил:
— Прибавь нам горячею песнею сил!
Я пел от души, и неслись по долинам
Поэмы о славных походах Таргь на,
О сыне народа, вожде Утегене,
О гордых батырах, о смелых сраженьях.¹

Как и в героическом казахском эпосе, образы батыров Утегена, Суранши, Саурыка, Сыпатая и др., воспетые Джамбулом, представляли исторических деятелей. Но УХ жизнь, воссозданная мастером слова, казалась легендой. Овеянные романтикой героизма, приподнятые над уровнем повседневности, эти эпические образы играли в степях большую воспитательную роль.

Эпические поэмы Джамбула органически были связаны с традициями казахского эпоса, но во многом и отличались от него. По ним можно проследить, как творчески акын осваивал фольклорное наследство, внося в него новое, никогда не становясь имитатором, подражателем. Знаток эпоса, сам умевший исполнять лучшие эпические произведения, Джамбул шел своим, особым путем.

Во всех поэмах героического эпоса, имеющего многовековую давность, в их композиции, в сюжете, в способах зарисовки характеров отчетливо проявляются архаика родового быта, рудименты тех обрядовых песен, которые, очевидно, являлись у казахов наиболее древними жанрами народного творчества и стали основой более развитых, сложных литературных форм. «Касаясь вопроса о происхождении эпических поэм, — пишут М. Ауэзов и Л. Соболев, — можно с уверенностью сказать, что они возникли на основе бытовых обрядовых песен. Песни прощания при расставании с богатырем, отправляющимся в поход («костасу»), свадебные песни во время его женитьбы и в особенности песни плача («жоктау») об умершем богатыре, обяза-

¹ Джамбул. Моя жизнь. Цитир. по книге стихов и переводов П. Кузнецова. «На иптышском берегу», КИХЛ, Алма-Ата, 1940, стр. 54.

тельные для его родни и современников — акынов, не могли не лечь в основу былины о данном герое. Так, совершенно очевидно, что существовавшие в народе отдельные разрозненные бытовые песни о каком-то популярном воителе с именем Саин, его «костасу» после какого-либо сражения, «естирту», которой известили о его гибели родных, «жоктау» его жены — были нанизаны неизвестным акыном на сюжетную нить и образовали первый вариант поэмы, которая впоследствии разрослась в передаче других акынов.

В «Ер-Саине» есть и «костасу» — предсмертная песнь Саина сорока жигитам, и «естирту» — извещение этими жигитами жены Саина Аю-Бикеш, и «жоктау» — плач Аю-Бикеш.

Эта версия о возникновении эпической поэмы полностью подтверждается наличием бытовых песен во всех поэмах...

Особенно убедительным доказательством этой мысли служит лирическая бытовая поэма «Козы-Корпеш ч Баян-Слу». Эта поэма построена целиком на бытовых и обрядовых песнях... По этой наиболее древней казахской поэме легче всего проследить переход малых форм народного творчества в сложную форму первой эпической поэмы, легче всего понять возникновение большого эпоса¹.

Подобные художественные элементы, отличающие эпические поэмы героического эпоса, трудно обнаружить в джамбуловских поэмах, — в таких, например, как «Утеген-батыр» и «Суранши-батыр». Здесь наличие четко разработанный сюжет, причем лишенный традиционной схемы: действие разворачивается в соответствии с историческим ходом известных автору событий. Характеры героев складываются в ходе описываемого действия, выявляются по преимуществу в их поступках, в столкновениях с врагами. Поэмы отличаются композиционной стройностью и несут отпечаток творческой личности автора, его своеобразных приемов. Эпическое повествование, наконец, разворачивается в строгой последовательности, которая позволяет автору отбросить

¹ Мухтар Ауэзов и Леонид Соболев. Эпос и фольклор казахского народа. Журн. «Литературный критик», № 1, 1940, стр. 170.

случайные эпизоды, второстепенные детали и сосредоточить внимание на самом главном.

Однако от эпических поэм героического эпоса у Джамбула сохраняются элементы фантастики, мифологии (поэма «Утеген-батыр»), приемы гиперболизации героев, способы их портретных зарисовок. Но и те художественные элементы, которые связывают Джамбула с эпосом, новаторски обогащены своим содержанием, всецело подчинены авторскому замыслу. Поэтому в поэме «Суранши-батыр» реалистическая основа, создающая особенную привлекательность ее, позволила автору заново переосмыслить традиционные приемы эпического повествования.

Ю. М. Соколов ошибочно считал, что поэма «Утеген-батыр» является произведением советского периода: «продолжая традицию многих казахских акынов, Джамбул разрабатывает заново одну из любимых тем поэтов Казахстана: тему поисков счастливой страны «жер-уюк», тему, недавно подробно разработанную акыном Беком в «Песне о вечной мечте Асана Кайгы». В развитие той же темы составлена Джамбулом поэма «Утеген-батыр»¹. На самом деле поэма «Утеген-батыр» создана раньше указанной песни Бека и относится к дореволюционному периоду. Аналогичную ошибку допускает и Б. Гоффеншефер².

В основу поэмы «Утеген-батыр» положено легендарное предание о знаменитом батыре XVIII века Утегене, который прославился воинской доблестью, героизмом в многочисленных походах против Китая и Джунгарии. Об использовании автором легенды говорится в начале поэмы

По горам и по долинам
Я бродил, аул покинув,
И слышал об Утегене
От жириши и от акынов.
Век за веком или бессменно,
Но хранила Утегена
Память нашего народа,
Что бессмертна и нетленна.

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. Учпедгиз, М., 1938, стр. 543.

² Б. Гоффеншефер. Джамбул. «Литературное обозрение», № 6, 1938, стр. 4.

Я домбру звенеть заставлю,
Утегена я прославлю,
Но к народному предаю
Я пи слова не добавлю.¹

Однако легендарным утегеновым поискам сказочной страны предшествует описание тех условий, в которых протекала жизнь народа и которые порождали мечты о лучшей жизни. Джамбул остается верен стремлению к реалистическому- воспроизведению явлений исторической действительности и, прежде всего, рисует яркую картину постоянных междоусобных войн:

Джетысу земля казахов
Знала много бед и страхов
И была залита кровью
Человеческой, как плаха.
Споры в тех краях решались
Силой мускулов и стали.
И киргизы, и калмыки,
И казахи враждовали.²

В обстановке жестокого порабощения и разорения народа, на плечи которого падала вся тяжесть междоусобных войн, грабительских набегов джунгарских поработителей, рождается мечта о сказочной стране, где, по словам Утегена:

...вода ключевая течет,
Где трава, зацветая, растет,
Где невиданный даст нам прищюд
Потувший на пастбищах скот.

Где вздохнет от беды и невзгод,
Где забудет насилье и гнет
И заветное счастье найдет
Мой любимый казахский народ.³

Мечта о чудесной стране всеобщего благоденствия составляет основную тему произведения. Излюбленная тема народного творчества всех времен получила у Джамбула оригинальную трактовку и была разработана на своеобразной национальной основе. В разработке избранной темы автор мастерски сочетал реальное с

¹ Джамбул. Утеген-батыр. «Песни и поэмы», стр. 107—103.

² Там же, стр. 109.

³ Там же, стр. 111—112.

чудесным. Ни в одном из известных нам произведений казахской литературы тема эта не получила до Джамбула такой яркой и полной разработки, как в поэме «Утеген-батыр». В песнях Махамбета, например, мечта о светлом будущем представлена иначе — в виде неразвернутого мотива, вплетенного в общую тему национально-освободительной борьбы.¹

Вымышленный сюжет поэмы складывается из описания походов казахских джигитов во главе с Утегеном, предпринятых с целью найти сказочную страну. В поэме, не претендующей на историческую достоверность, отразились отдельные факты действительности XVIII века, но в ней события истории произвольно смешаются во времени, вводится фантастика, ибо главное внимание автора сосредоточено на поэтическом воплощении извечной народной мечты о всеобщем счастье. Батыр ведет джигитов в Китай, но там так мало земли, народ терпит такие невзгоды в борьбе за рис и воду, что для пришельцев не оказывается места. Не оказывается обетованной страны и на Волге. Нет ее ни во владениях бедных хазаров, ни в Актюбе. Преодолевая трудности многолетних поисков, побеждая чудовищного «айдахара», хищного змея — «абжилана», коварных «жез-тырнаков», Утеген попадает в синий край, «Бирказантоя», совершает сорокасуточный поход через пустыни, сорокасуточный поход через лесные чащи и, наконец, достигает «Жидели-байсын» — сказочной страны:

Ты смотри и любуйся, батыр,
Пред тобою нетронутый мир,
Где родной твой казахский народ
Земли, воды и счастье найдет.
Запах трав, Утеген, ты вдохни,
От скитаний своих отдохни...
- Слез с коня он и начал искать.
Он искал сорок дней и сорок ночей
Трав пригодных для корма коней.
Степь от края до края прошел —
Только трав этих он не нашел.
Что за ценность страны, если в ней
Нет травы для казахских коней.

¹ Песни Махамбета в сборнике «Повстанческие песни казахов XIX века». КазкрайОГИЗ, Алма-Ата, 1936, стр. 41—61.

Ведь казах без степного коня,
Как осенний костер без огня.
И заплакал в степи Утеген,
Как герой, заарканенный в плен,
Как в песках раскаленных селок,
Конь которого рухнул, издох.
Обступила его темнота.
Умирала в батыре мечта.
И пошел Утеген в темноту
Хоропить золотую мечту.¹

Этим завершался дореволюционный вариант поэмы. Но если Утеген не достиг заветной мечты, то эту мечту увидел Джамбул осуществленной в стране победившего социализма. Поэтому акын заканчивает старую поэму заново созданным финалом, прославляющим торжество Советского Казахстана. Этот финал представляет по существу самостоятельное произведение и часто печатается отдельно под названием «Казахстан».

Обаяние поэмы кроется в тщательной и выразительной обрисовке батыра Утегена, ее основного героя. Характер Утегена полон совершенства, отличается цельностью. Образ Утегена — это идеал народных представлений о величавом человеке-борце за народное счастье. Вся жизнь, деятельность его подчинена одной благородной цели, о которой он с гордостью говорит:

Я ипу не один уже год,
Край, где жизнь без насилья цветет,
Где родной мой казахский парод'
Землю, воду и счастье найдет.²

В образе Утегена с изумительной силой звучат мотивы любви к родине, и страстная любовь к родине помогает герою подчинить личные интересы интересам общественным:

Так, как лобяг мать родную,
Он любил страну степную,
Горечь трав, цветов дыханье,
Жизнь казахов **хочевую**.³

Человек ясной цели и патриотической настроенности, Утеген обладает упорством, самообладанием в минуты

¹ Джамбул. Утеген-батыр. Песни и поэмы», стр. 133.

² Там же, стр. 119.

³ Там же, стр. 109, '

опасности, отважен, умен, жизнерадостен и удивительно прост. Утеген — тип воина — народного заступника, но военные доблести не подавляют в нем горячего стремления к трудовой деятельности. Военные доблести не цель, а лишь средство достигнуть счастливой жизни. В одном из обращений к джигитам Утеген защищает труд, как основное содержание жизни. В противовес собственнической морали насилия, грабежа, издевательства над человеком он отстаивает гуманистические идеалы:

Если мы совершаем добро,
Шпот нам золото и серебро,
Если ж зло совершаем, тогда
Ожидает нас зло и беда.
Надо быть справедливым всегда —
Не страшна тогда будет беда.
Будем биться везде за народ,
За обиженных вдов и сирот.
Всем, кто трудится, жизнь принесет
Честь и славу, добро и почет,
Им везде уважение всех,
А лентяям презрение и смех.¹

Образ Утегена, очень близкий по романтической окрашенности горьковскому Данко, представляет оригинальное создание Джамбула. Легендарные Коркыт и Асан-Кайгы родственны Утегену в своих поисках счастливой страны, но они не обладают той подкупающей яркостью художественного типа — борца за народное счастье, которая составляет истинный пафос джамбуловской поэмы.

IV

Поэма «Суранши-батыр» так же, как и поэма «Утеген-батыр», начинается с традиционного вступления. В отличие от последней поэмы, где вступление сжато раскрывает истоки содержания произведения, в «Суранши-батыре» вступительная часть пространнее трактует вопрос о качествах песни, о ее социальной роли. Вступление представляет по сути дела развернутую поэтическую декларацию акына, формулирующую его эсте-

¹ Джамбул. Утеген-батыр. «Песни и поэмы», стр. 128.

тические воззрения, как они складывались и осуществлялись в его творческой практике. В изложении своего поэтического кредо Джамбул ссылается на акына Суюмба, чьи заветы определили путь развития джамбуловской песни.

Песня должна быть правдивой, содержательной, полной страсти, должна отвечать народным запросам, возбуждать миллионы сердец, разить, как джигит в схватке, ибо «лук — домбра, а песни — стрелы».¹ Все эти качества и претворены в поэме «Суранши-батыр».

Уверенными мазками поэт набрасывает картины природы и социально-бытовой обстановки, в которой разворачивается действие поэмы. Перед нами встает точная в географических очертаниях картина природы Семиречья:

Если, сын, направишь взоры
Ты на небо и на горы,
Если голову подымешь
Над бессмертием просторов, —
Ты увидишь Ала-Тау,
Гор крутых небесных славу,
Лед, как шлем, а снег — кольчуга
На вершинах Ала-Тау.
А внизу, в степной долине
Запах мускуса — полыни,
И смородина густая
По лесам в предгорьях стынет.²

Пейзаж овеян глубоким раздумьем. Вечная красота и величие окружающей природы рождает мысль о непрерывном развитии человеческого рода. Под холодным небосводом, говорит поэт, прошло много событий, промелькнула жизнь, когда «радость день гостила, — смерть по месяцу ходила». Размышления автора выражены так просто и убедительно, что не только доходят до сознания слушателей и читателей, но и эмоционально заражают их. Вместе с певцом они вдумываются в то, что окружает их, и видят что-то новое, ранее не замеченное. Слушатели и читатели, увлекаясь, следуют за полетом творческой мысли поэта. Это лучшее свидетельство поэтичности произведения.

¹ Джамбул. *Суранши-батыр*. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 10, 1939, стр. 6—7, перевод П. Кузнецова.

² Там же, стр. 7.

Акын далеко не бесстрастен: в пении звучат негодующие интонации, вызванные долгой безнаказанностью ханского деспотизма. Чем дальше, тем грознее и тревожнее становится рассказ. Казахи были бессильны со своими старыми луками противостоять завоевателям, вооруженным ружьями и пушками. Баи и ханы бежали, спасая личное имущество. Разорение, пожары, трупы убитых, слезы детей, матерей и жен. Хан Худояр, пользуясь народным бедствием, объявляет себя властелином казахов. В народе зреет протест, зреют мысли о национально-освободительной борьбе:

Тлеукабыл, краса джигитоз,
Поднимал народ забитый,
И в степях у Серкемера,
В битве грозной был убит он.¹

Угнетение и бесправие неимоверной тяжестью придушили народ. Но не было организованности, единства, так необходимых в борьбе за свободу. Родовые пережитки, родовая разобщенность мешали сплоченному отпору царю и ханской своре. Так с обстоятельностью летописца рисует Джамбул эпоху, в которую довелось ему родиться, будучи сыном преследуемой Худояром семьи бедного кочевника Джабая. Реалистическая полнота воссозданной картины граничит с точностью исторического документа, что особенно повышает познавательное значение поэмы. В отличие от поэмы «Утеген-батыр», здесь нет фантастики: все повествование ведется в реалистическом плане.

Джамбул не ограничивается общей характеристикой эпохи, но дает и отдельные образы страдающего народа. Вот погибают в бурных волнах реки молодые джигиты и девушки, «сберегая честь поруганных степей» от ханских грабителей. Вот мечется на верблюде старуха-мать и зовет «в поход на ханов, разрывая в клочья - груди». Вот кокандские ханы совершают опустошительный набег, предавая все мечу и огню в степи, до края наполненной кровью человеческой. И, словно подводя скорбный итог безмерным народным страданиям, певец с грустью пел:

¹ Джамбул. Суранши-батыр. Жура. «Литература и искусство Казахстана», № 10, 1939, стр. 8.

Шли измученные дети
Жангареса и **Жантая**,
Проклиная все на свете.
Горько девушки рыдали....
Молча слезы утирали
Старики в своих кибитках
И батыра-сына ждали.
И рыдали даже горы
В ожидании опоры.¹

Но напрасно «думал хан, что рабский род, кроме плача, кроме стона, ничего не принесет». Народ измучен, но не побежден. В тревожные дни тяжелых страданий народ вспоминает о любимом батыре Суранши, который вынужден был укрыться в горах, и посылает к нему уважаемых стариков с просьбой вступить за поправленные права.

Если образ Утегена дается только в период походов, в которых и раскрывается его характер, если предшествующая жизнь его остается неизвестной, что диктовалось романтической установкой поэмы, то в данном случае поэт рассказывает о предшествующей жизни батыра. Суранши — потомственный кедей, бедняк. Прадед его Карасай, проклиная бедняцкую судьбу и ненавидя весь строй проклятой жизни, прозябал «в ярме чужих владык». Отец Каске вечно жил на песке и «во сне лишь видел травы и мечтал о них в тоске». И сам Суранши не имел собственных пастбищ, а последний скот у него отобрали султан и царь. В бедняцком роду прославился в прошлом лишь отважный Саурык, верный сын народа, который всегда был верным щитом от бури и которого, кстати сказать, в свое время также воспел Джамбул. Скрываясь в горах и занимаясь охотой, Суранши с сердечной болью наблюдает, как опустели степи, как никто уже не перекочевывает на джайляу.

Суранши полон человеческого достоинства. В неимущем бедняке Джамбул находит такие качества, которых и в помине не было у баев и ханов, которых он беспощадно бичевал и разоблачал в своих песнях. Так же, как и герой безымянной эпической поэмы «Камбар-батыр». Суранши лишен корыстолюбия, стяжательства

¹ 1 Джамбул. **Суранши-батыр**. Журя. «Литература и искусство во Казахстана», № 10, 1939, стр. 6.

и мог бы о себе с гордостью сказать словами бедняка Камбара:

Хоть я пеймуш, но пока никому
Я в шедрости не дал себя превзойти.¹

Народ видит в Суранши близкого человека и обращается к нему за помощью. Именно к нему. Как дорогих гостей, встречает Суранши посланцев народа. Из сцене встречи батыра с Мауке и Карибозом среди горного безмолвия раскрывается уже характер Суранши, мечтающего о счастье, о свободе народа и безгранично ему преданного. Здесь же скуными штрихами вырисовывается и портрет батыра.

Распрямив круглые плечи,
Суранши идет навстречу.
И попадали с коней
Два посланца Семиречья.
Мокры бороды от слез,
Суранши ковер принес,
Львиный стан согнул. Дрожали
Мауке и Карибоз...
А батыр рукой могучей,
Доставшей в пеще тучи,
Обнимает стариков.

...Видел он посланцев горя,
В их глазах укор читал.
Он искал свои долины
Без кровавых властелинов,
Он мечтал о том, чтоб **лился,**
Как река, напев **акынов.**
Знал он, степь батыра ждет
С окольцованных высот...
Был любимцем он в **аулах,**
Он, как жизнь, любил народ...²

Печальный рассказ Мауке и Карибоза о бедственном положении народа возбуждает гнев Суранши. Он **созывает батыров** — Андаса, Туматая, Шимарбая, Нар-Ба-

¹ Камбар-батыр. Антология казахской литературы- «Песни степей», стр. 67.

² **Д ж а м б у л. Суранши-батыр. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 10, 1939, стр. 96.**

ту и во главе трехсот отважных джигитов выступает против хана. Андас, увидев многочисленные ханские войска, сомневается в победе. Но Суранши, грозный и непреклонный, решительный и неукротимый, окрылен любовью к родине и народу:

Мой отец — наред родной,
Мать родная — степь со мной,
И за них я кровь по капле,
Вздох отдам последний свой.¹

Обращение Суранши к джигитам перед выступлением в поход является традиционным в казахском эпосе. Так же, как и Суранши, обращались к соратникам Ксбланды, Ер-Таргын, Ер-Саин и Камбар. В этих обращениях — песнях батыров раскрывается их презрение к врагу, готовность к борьбе, уверенность в победе. Замечательно то, что обращение Суранши не искусственно вставлено в повествование, а логически диктуется ходом действия поэмы и в композиционном отношении органически сочетается с общим планом построения произведения.

В преданности родине, народу, Суранши черпает уверенность в победе. Эта уверенность особенно укрепляется и растет, когда к нему неожиданно приходят на помощь семь русских и татарин, во главе с седым уральским рудокопом Егором. Они бежали из тюрьмы и, узнав о движении Суранши, решили присоединиться к нему, чтобы по-братски помочь ему в освободительной борьбе. Так, еще в далекие годы середины прошлого века в казахских степях зарождалась дружба русского народа с трудящимися казахами. Этот мотив, впервые в дореволюционной казахской литературе прозвучавший в поэме Джамбула, придает ей особую идейную значимость и показывает, что мудрый акын понимал принципиальное отличие царизма от трудового русского народа.

Суранши совместно с Егором разрабатывает хитрый план неожиданного нападения на хана Худояра и побеждает его. Но враги снова собирают силы. Худояр и Орман-хан устраивают большой той, сзывают баев, мана-

¹ Джамбул. Суранши-батыр. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 10, 1939, стр. 97.,

пов, ишанов, мулл, богато одаряют их и обманным путем толкают миролюбивых киргизов на выступление против казахского батыра. Очень выразительно подчеркнута предательская роль ишанов и мулл, которые именем аллаха и Магомета заклинают народ броситься в битву. Получив оскорбительное письмо, вызывающее его на новое кровопролитие, Суранши, страдая за судьбу народа, решает ехать один. Благородство и готовность к самопожертвованию раскрываются в словах батыра, обращенных к соратникам.

Я думаю так, друзья,
Что слез пародных не хочу видеть.
Не дам грабить врагу близких родных.
Я не возьму никого с собой,
А поеду к хану один.
Взять бесчисленные войска,
Мирные аулы подвергать беспокойству,
Отобрать (у них) скот для питания,
Нарушить мирную жизнь,
Пагнать страх на людей —
Это недопустимо, этого — нельзя.
Если я приеду один, то меня героем считать будут,
А народ разойдется.
С кучкой врагов, что останется в ставке,
С манапами, муллами и ходжами
Попробую сражаться один.¹

Зная упорство и твердость батыра, никто не отговаривал его. Обманутый киргизский народ увидел, вместо ожидаемого войска, одного батыра и покинул ханскую ставку. «Оказалось, — говорят киргизские воины, — Суранши не считает киргизов врагами, а его враг — хан. Это ханская клевета, что Суранши — враг мирного населения». Торжествует единство интересов **трудящихся** различных национальностей. ставка хана на разжигание межнациональной розни разбита мудрым поступком Суранши. Батыр смело подъезжает к ханской свите, открыто обличает хана в кровавых преступлениях против казахского и киргизского народов, а затем выносит свой приговор:

* Подстрочный перевод.

Ты мирное население терзал,
Твои палачи честным головы отрубали,
Ты безынных кровь лил.
Причиной несчастья я тебя считаю
И, чтобы сохранились тысячи людей,
Чтобы кровь пролилась раз (одного человека),
Я отрубить твою голову присхал
Сот мой клинок, отточенный
Только для ханской головы.
Я гнева и решимости полон
По имя мирного народа. ¹

Суранши вызывает хана на поединок, но «как щенок, испуганный волком, хан трусливо озирается кругом». Один за другим его покидают даже близкие сподвижники. Хал движением бороды приказывает Бокану сразить дерзкого храбреца. Спокойный и статный, как гора Курты-бас, суровый, как мороз, Суранши ожидает, когда подъедет известный герой Бокан, и затем хладнокровно приказывает ему остановиться, если ему дорога жизнь. Бокан отказывается от поединка. На Суранши бросаются трое, во главе с коварным Битуганом. Суранши поражает последнего копьем. Разгорается битва одного против ста ханских приспешников:

Бились долго и жестоко.
Когда солнце склонилось к западу;
У окруженного Суранши
Глаза кровью налились,
Тело его в тяжелых ранах.
Он набросился на **Орман-хана**.
Издадека направленная пика
Хану в спину попала...²

В критическую минуту на помощь Суранши приходит отряд во главе с Егором. Ханские приспешники, с умирающим Орман-ханом, покидают поле битвы. Суранши, отомстив своим противникам, возвратился с верными друзьями в горы и здесь скончался. Сцена битвы, напоминающая богатырские эпические поединки, отличается напряженным драматизмом. В ней полностью вырисовывается характер народного героя.

¹ Подстрочный перевод.

² Подстрочный перевод.

По художественной выразительности, по глубине идейного содержания, по эмоциональной насыщенности поэма «Суранши-батыр» — выдающееся произведение казахской дореволюционной литературы. Джамбул проявил большую гражданскую чуткость, создав реалистическую картину национально-освободительной борьбы в Семиречье, в которой участвовал его современник — Суранши-батыр, воспетый в свое время также и Суюмбаем. Не допуская фальшивой идеализации, акын создал реальный образ исторического деятеля и вместе с тем типичный образ верного бойца за народные интересы. Воссоздавая в 1938 году поэму «Суранши-батыр», пропетую еще в годы молодости, Джамбул заканчивал ее обращением к современным читателям:

О батыры, батыры, — опора народа,
Вы, подобно Суранши, выступайте против врага,
Народное счастье обороняйте,
За родину, вырастившую вас, выступайте,
Всекие попытки врага уничтожайте,
Врага саблями рубите.
За сталинское солнце, освещающее родину, выступайте.¹

V

Айтыс, — как уже отмечалось в первых главах, — совершенно оригинальное явление: оно стало изучаться в литературной науке, входить в ее обиход только в самые последние годы, когда развернулось исследование национальных литератур народов СССР, в частности, казахской литературы. А между тем понятием «айтыс» охватывается огромный раздел в устно-поэтическом творчестве казахов, туркмен, монголов и арабов, у которых казахскому понятию айтыс соответствует термин — «мугал-лякат». В казахском народном творчестве айтыс по степени распространенности и тематическому разнообразию занимал первое место после произведений героического эпоса. Джамбул являлся выдающимся мастером айтыса.

¹ Джамбул Джабаев. Суранши-батыр (на казахском языке). КИХЛ, Алма-Ата, 1939, стр. 27, подстрочный перевод.

В точном смысле «айтыс» значит: спор двух человек. Такой спор мог происходить и на языке прозы. Иногда «айтыс» понимался как «перебранка». Слово «айтыс» охватывает, видимо, различные оттенки одного понятия, но все же в основном принято считать айтысом стихотворное состязание... В казахской устной литературе жанр айтыса возник давно. Это отчетливо видно по таким айтысам, как «жар-жар» и «бэдэк»¹. Они передавались из поколения в поколение и прочно вошли в казахский фольклор. История казахской литературы не знает авторов айтысов, имевших место ранее XIX века. В сущности же жанр «айтыс» тесно связан с личностью автора. В условиях казахского быта, в период отсутствия письменной литературы, личная слава поэта создавалась в первую очередь именно айтысом... Поэта, победившего противника в айтысе, награждали призом...»²

Айтыс, как своеобразный поэтический турнир, требовал от акынов чрезвычайно большой подготовки и подлинной одаренности. Джамбул в совершенстве владел этими качествами и по-праву может считаться классическим представителем айтыса. На протяжении почти сорока лет он вступал в поэтические состязания с видными акынами и неизменно выходил победителем.

Айтыс—не простое соревнование в остроумии. Айтысы выдающихся акынов всегда были наполнены большим идейным содержанием, в них тщательно обрабатывались отдельные образы и затрагивались актуальные проблемы жизни. У больших мастеров айтыса дело никогда не сводилось только к восхвалению или высмеиванию соперничающих родов, хотя по традиции состязующиеся акыны и выступали — каждый от имени своего рода. Они умели подниматься до более широких тем. Только поэтому лучшие состязательные песни получали общее признание и долго передавались из уст в уста. Только поэтому удалось восстановить и лучшие из

¹ См. соответствующие примеры в антологии казахской литературы «Песни степей», стр. 128—130.

² Цитир. по рукописи С. Муканова. «Краткий очерк истории казахской литературы XIX века», стр. 4—5, —ом. также Мухар Ауэзов и Леонид Соболев. Эпос и фольклор казахского народа. Журн. «Литературный критик», № 1, 1940, стр. 179—180.

айтысов Джамбула, хотя со дня их создания прошли десятилетия.

Айтыс, получивший широкое распространение в казахском быту, многообразен по своим формам. Обрядовые песни молодежи, религиозный айтыс, айтыс мужчины и женщины, айтыс-загадка, родовой айтыс, айтыс влюбленных, айтыс на социальные темы и другие формы получили значительное распространение в прошлом. Все эти виды переплетались между собою. Однако наиболее серьезное значение имели состязательные песни, отмеченные гражданско-демократической направленностью. Джамбул особенно выделялся в этом жанре. Обличительную традицию айтыса Джамбул поднял на огромную высоту, что и обеспечило ему победу над Кулмамбетом, доставило устойчивое народное признание и вызвало злобную ненависть со стороны баев.

Удалось восстановить и записать шесть айтысов Джамбула: с девушкой-акыном Айкумыс (1872 г.), с Бактыбаем (1874 г.), с Кулмамбетом (1881 г.), с Сарбасом (1895 г.), муллой — акыном Джалаиром Досмагамбетом (1902 г.) и Пашубаем Кошкарбаевым (1909 г.). Сохранились также отрывки ранних айтысов Джамбула с акыном Жанусом (1865 г.), с дочерью Болека и др. Айтысы восстановлены со слов Джамбула, обладавшего феноменальной памятью, и со слов других акынов или слушателей, которые являлись участниками состязаний. Возможно, что при восстановлении айтысов, спустя много лет после их исполнения, они утратили свою первоначальную свежесть. Возможно, что в современные записи вкрадываются позднейшие наслоения, пропуски или изменения, неизбежные в устной передаче. Но все это не имеет принципиального значения.

По восстановленным и записанным айтысам Джамбула можно проследить, как складывалось и совершенствовалось его мастерство в состязательных песнях, а вместе с тем расширялся и обогащался социальный диапазон их тематики. Если в ранних айтысах с Айкумыс или дочерью Болека затрагивались лишь лирические переживания молодого джигита, то чем дальше, тем все отчетливее звучат обличительные мотивы, яснее проявляется непримиримое критическое отношение к действительности. Если в ранних айтысах еще ощущается примитивность формы, ограниченность языковых изобра-

зительных средств, то уже в айтысах с Кулмамбетом перед нами зрелый мастер слова, искусно владеющий импровизацией и умеющий остроумно, метко, беспощадно разить противника афористической формулировкой, неожиданной метафорой, отделанным художественным образом.

Айтыс Джамбула с Кулмамбетом сохранялся и в памяти самого автора, и в памяти народа полвека. Он в дореволюционном Казахстане представлял беспримерное по смелости и силе обличения поэтическое выступление. В 1881 году Джамбул на большом айтысе, в котором участвовало девять акынов, встретился с знаменитым Кулмамбетом. До этого времени молодой Джамбул уже успешно состязался с рядом известных акынов. Он имел уже значительный опыт в поэтических турнирах и вступал в пору творческого расцвета.

Свою речь Кулмамбет начал с заявления, что он выступает с благословения рода Кулан-айан, составлявшего ветвь рода Дулата. Затем начал восхвалять самого себя и поносить Джамбула, называя себя соколом, а противника — курицей, бараном, трясущим курдюком, и т. д. Кулмамбет пел:

Кого-то хвалил народ, имснуня Джамбулом?

Я — иноходец, подкованный на все четыре ноги,

Сможет ли он упяться за мною?!¹

Кулмамбет начал воспевать богатства «тысячелюшадного» Нуркана, баев и беков Сегизбека, Токсеита, Тарпана, Сатыбалды, Естемеса, Селмана. Ничего конкретного о «достоинствах» десятка перечисленных богачей он сказать не мог. Это естественно, так как все они были известны народу. Он только повторял, как они богаты, как могущественны и как сила певца зиждется на их богатстве. Джамбул хранил гробовое молчание, что немало выводило из терпения акына, считавшего себя центром айтыса. Но вот с домброй выступил, наконец, и Джамбул. Первые же вступительные слова молодого певца прозвучали грозным ударом:

¹ Айтыс Джамбула с Кулмамбетом, как и все анализируемые айтысы, цитируются по подстрочным переводам записей, хранящимся в Институте языка и литературы Академии Наук Казахской ССР.

Если захою, подняв из глубины песню,
Ливнем польются слова с неба и с земли.
Я — папрон, как пальба ружейная грохочу,
Если торопишься встретить смерть, а ну-ка подойди...

Джамбул энергично парировал кулмамбетовские дифирамбы баям, доказывая, что «и у пустых людей бывает помногу коней и овец», что* богатство, счастье, основанное на даровых хлебах, обманчиво, как красная лиса, олицетворяющая непревзойденную хитрость. У Джамбула есть чем гордиться, не интересуясь чужим богатством.

Навьючипься горем ты...
Если хлыну богатством народа,
Пастанет твой последний той.
Один край паших табунов
У озера Алма-Аты,
А другой конец Каракастык,
У Кастекских холмов.

Иносказательно Джамбул провозгласил под общие одобрения, что все принадлежит народу, народ — настоящий хозяин богатств, хищнически захваченных баями. Кулмамбет не стерпел и с иронией спросил: «Если ты богат, то почему отошчал, почему у тебя худая шея?» Но это било мимо цели. Джамбул потребовал от противника говорить о благородстве, о героизме, о дружбе, хранящей единство народа, но не о баях, в которых даже их певец не нашел ничего достойного песни. Как плетью, хлестал разгневанный Джамбул и **Кулмамбета**, и его богатых покровителей:

Все вонючие бай, восхваляемые тобой,
Слоняются не способные к жизни, ни к чему!
...К чему напрасно превозносишь
Одних глупцов и **ослов**?
Они портят облик народа,
Промышляя ложью и сплетней.
...Богатством я не похваюсь, как ты,
Бедностью не удручаюсь.
О полноте народной говорю,
Об опоре народа, о героях говорю,
Превзойти себя не **дам**...

Образы действительных героев народа нарисовал Джамбул в процессе дальнейшей импровизации. Батыры Саурык, Суранши — герои национально-освободительной борьбы, которые «пекутся о своем народе», встали перед собравшимися, как живые представители народной мощи. Крайне любопытно, что уже в этом айтысе Джамбул подчеркнул единство интересов великого русского народа с трудящимися казахских степей, утверждая:

Гсть у нас достойные джигиты.
Русские, казахи, объединясь,
Колеси соединив, укрепились...

Опять не стерпел Кулмамбет и с презрением заявил, что Саурык, Суранши давно погибли и нечего о них вспоминать. Джамбул напомнил, что дядя Кулмамбета, Максут, бесславно погиб, ведя бесконечные тяжбы с родичами, погиб, как бык, объевшийся клевера, а славные батыры отдали жизнь за интересы народа, погибли, сражаясь за его свободу:

Горжусь я геройством народа моего,
Внешний враг, видящий нас, побаивается,
...Правда, Саурык и Суранши батыры погибли от врага,
За народ праведную душу отдали.
Умереть, защищая народ, можно ли желать лучшего?
Все казахи почитали их, шли за ними.

Народ единодушно признал победителем на айтысе молодого Джамбула. Эта победа создала Джамбулу народную славу, оказалась самым ярким моментом в его дореволюционной, скупой на радости, жизни.

В 1895 году состоялся айтыс Джамбула с Сарбасом. В отличие от предыдущего айтыса, это состязание преимущественно ограничивалось взаимным восхвалением двух родов — Шапрашты и Дулата, представителями которых выступали участники поэтического турнира. «Особое значение имеют айтысы на темы спора о достоинствах двух родов. Каждый из акынов должен был восхвалять свой род, своих знаменитых и богатых людей, земли, горы, табуны своего рода и—наоборот—остро и метко осмеять и снизить все, что восхваляет противник. Любопытно, что при таком состязании доста-

валось, главным образом, родовым верхам, баям и представителям обоих родов: каждый из акынов, осмеивая род противника, с беспощадным сарказмом нападал на его горделивых баев и родовых старейшин, высмеивая их пороки, перечисляя их злодеяния, насилие, алчность. В сравнении с этим, первая — похвальная — часть состязания бледнела, и слушатель-народ запоминал лишь изобличительные песни, бичующие пороки социальных верхов. Этот род айтыса был самым популярным. Здесь как бы существовала молчаливая договоренность между состязающимися акынами, и сама форма айтыса давала возможность акыну высказывать все, что думал народ о своих баях, так как для достижения победы акын и должен был проявить наибольшее остроумие и меткость. Порой такие айтысы заканчивались тем, что разъяренный бай выгонял плеткой своего акына, не сумевшего защитить его от убийственных насмешек акына-противника»¹

В данном случае родовой айтыс сложился несколько иначе. Сарбас все внимание сосредоточил на малоубедительном прославлении баев из рода Дулата, представителем которого был и жестоко побитый раньше Куламамбет. Джембул воспевал славных батыров, которыми славился его род Шапрашты.

Очень хорош в этом выступлении образ батыра Саурыка. Джембул рассказывает о тяжелых годах народных бедствий, когда казахи Джетысу подвергались непрерывным разорительным набегам калмыцких ханов, кокандских завоевателей (во главе с Безилер-беком) и киргизского Орман-хана. В мрачные дни и появился могучий свободолюбивый Саурык, чтобы с оружием в руках защищать измученную родину.

Сперва появился Саурык,
Как зеленый тростник, сгибающийся.
Смолоду совершал он геройские подвиги.
Когда бывало скажут — «отец Саурык»,
Враги на расстоянии дневного пути
Бежали от гула его имени.
Когда бывало скажут — «вот Саурык»,

¹ Муітар Ауэзов и Леонид Соболев. Эпос и фольклор казахского народа. Журн. «Литературный критик», 1, 1940, стр. 179—180.

Какой враг **не** дрожал?
Из тех, кто осмеливался **бороться**,
Упелел **ли** хоть **один**?

Не менее удачно обрисован образ Суранши. По существу, здесь уже намечаются основные черты поэмы «Суранши-батыр». Очень часто отдельные песни, исполненные во время состязаний, превращались затем в самостоятельные произведения. Так, очевидно, оформилась и указанная поэма.

Джамбул побеждает Сарбаса, как и Кулмамбета. Побеждает защита народных интересов хвалебную **аргументацию** защитника баев.

Исключительный интерес представляет айтыс Джамбула с акыном-муллой Джалаиром Досмагамбетом в 1902 году. К этому времени Джамбул поседел, постарел, но духовно остался прежним пламенным батыром песни, «непокорной, как море». Досмагамбет пытался всячески унижить седобородого акына упреками в бедности, тем, что у Джамбула не было богатого покровителя:

Слабосилеп и певзрачен ты,
Словно ты байский скот пасешь,
Унам покою не даешь,
Будто буревестник, предвещающий бурю.
Никакого скота у тебя нет,
Бедняк голый, бродячий.
Для схватки у тебя силы нет,
Ты не поэт, а знахарь.

Против своей воли, враг дал меткую оценку Джамбулу, его общественной роли. Да, действительно, наш акын выступал в казахских степях буревестником, предвещающим социальную бурю. Отвечая мулле, Джамбул с гордостью пел:

Бурсей слов побивал я
Глупцов, подобных тебе, несчастному.
Понеси с собой в аул
Искры, разбросанные мною.
...Труд мой угоден народу
И героям среди народа.
Потому не гаснет счастье **мое!**
...Я — могучий буревестник,
А ты — невесомое **перекати-поле**. ...

«Не в скоте счастье народа», — заявляет Джамбул, а в героизме, в том, что народ рождает и будет рождать героев, способных бороться за светлое будущее. В столкновении с Досмагамбетом выявилось скептическое отношение Джамбула к мусульманским обрядам и духовенству. Реалистический образ муллы у него достаточно отрицателен. Обличая муллу, Джамбул заявляет, что тот презирает народ, выступает слугою баев и корыстолюбцем-взяточником:

Муллы, подобные тебе
Прикрываются кораном,
Лгут, обманывают народ.
Ложное учение распространяют «пи,
Нашептывая молитву,
Колдуют над больным.
Муллы похожи на змею.

Что мог ответить разоблаченный Досмагамбет? Он обругал Джамбула безбожником, который «ложью, как правдой, небылицей, как былью, народ к себе приковал». Он пытался прославлять коран, защищать баев, которые, по словам Джамбула, и жеребенком попользоваться не дают, забирают все, что бедняк заработает за лето и зиму. Он пытался попрекать Джамбула связью с русскими, которые для муллы были все без различия врагами. Но вот снова соколом взвивается слово Джамбула. Он клеймит волостного управителя Кожак-хана, пьяницу, взяточника, тунеядца и утверждает, что наступят иные времена для казахского народа:

Бедняк отделится от богача,
Баи увидят черные дни.
...Когда подымется счастье народа,
Вечно будет гореть оно.
...Пакинь земли поток смоем,
Обиду народа герой смоем,
Подымется буря разгонит тучи,
Врага на земле прогонит народ.
Пламя отваги, разгораясь,
Взойдется в небо день такой настает
На этом **поле**, пламенея,
С алмазным оружием в **руке!**

Такие вольнолюбивые **песни** бывали не по душе

тогдашним властителям казахских степей. Но это не смущало нашего акына.

Айтыс Джамбула с Шашубаем в 1909 году ничего особенного не прибавляет по сравнению с предыдущими. Интересно только то, что Джамбула пригласили на богатый той, и он «испортил» весь праздник. Джамбул разоблачил уездного чиновника города Верного, да так метко и резко, что акына хотели арестовать. Вмешательство толпы спасло акына от ареста и прочих кар, которые за этим могли последовать.

Айтыс, столь популярный в прошлом, продолжает бытовать и в наши дни. Однако айтыс в современном народном творчестве казахов принципиально отличается от дореволюционного. Айтыс наполнен теперь новым содержанием и поэтому неизбежно приобретает новый стиль.

VI

Типичным для дореволюционного творчества Джамбула произведением является песня «Собака бая Кадырбая», восстановленная автором по памяти в 1938 году. Реалистичность и острая обличительность — характерные стилевые особенности этого произведения. По особенным интонациям, по основным образам, по использованным поэтическим средствам песня разительно отличается от песен советского периода. В ней выражается чувство грусти, горечи, переходящее в ненависть к баю; в ней, однако, нет той патетики, эмоциональной силы, какие насыщают каждую строку Джамбула в нашу эпоху.

В песне, с присущей Джамбулу точностью и лаконичностью, очерчен ряд типичных образов дореволюционного Казахстана: странствующего певца (самого Джамбула), бедного джигита, киргизского манапа Кадырбая, продажных акынов-льстецов. В целой системе образов полно представлены социальные отношения прошлого и выявлена демократическая позиция автора. В начале песни дан реалистический автопортрет одинокого странствующего певца, единственное достояние которого **составляет тощий, дряхлый конь:**

Старый колодец в жарких песках
Я по верблюжьим следам отыскал:

Друга холодной водой напоил, .
 Гриву погладил и раны промыл.
 Конь встрепнулся, конь задрожал,
 Конь мой любимый тихо заржал. ,
 Я на потник засажженный сел,
 В степь посмотрел и песню зашел:
 —Ты, мой любимый, терпи до поры—
 Нет нам помощника, кроме домбры!¹

Хотя в данном случае больше говорится о коне — верном спутнике певца, тем не менее ясно представляется и образ самого певца, теряющего последние силы, измученного, но полного надежд на лучшее будущее. Певец встречает в пути бедного джигита и обращается к нему с традиционным казахским приветствием спрашивает о материальном благополучии, о здоровье детей.

Плюнул джигит и остановил коня:
 —Нет ни жены, ни детей у меня.
 Ты ли в воде роздобудешь огня?
 Ты ли не знаешь нашего бая,
 Мясa поешь ли у Кадырбая?
 Ты ли, изведавший столько дорог,
 Ступишь на Кадырбаев порог?
 Зол Кадырбай и невсесл с утра.
 Слюха у бая собака вчера.²

Образ бедного джигита, не имеющего достатка, чтобы выплатить калым за невесту, также реалистичен. Таких джигитов, обреченных вечно работать на бая, без надежды иметь собственную семью было очень много. Джигит и певец находят общий язык, ибо их судьба сходна. Джигит сообщает, что Кадырбай приказал собрать лучших акынов, чтобы они воспели собаку, погибшую от укуса ядовитого паука — каракурта. За лучшую песню о собаке он обещает полсотни баранов, двух иноходцев, новый пзрчевый халат и даже свою третью жену. Представляется легкая возможность разбогатеть, но Джамбул, **прибыв** к баю, сначала **внимз-** тельно выслушивает песни других акынов. Они поют не о собаке, а хвалят Кадырбая, хотя тот — деспот й самодур. Деспота не трогают привычные льстивые сла-

¹ Джамбул. Собака бая Кадырбая. **Журн.** «Красная новь», № 5, 1938, стр. 8.

² Там же.

вословия продажных певцов. Кадырбаю хочется привлечь к себе нового акына Джамбула, который знаменит иным нравом. Джамбул не отказывается от песни, но она падает, как гром среди ясного неба:

Кюй пад аулами кречетом взвился,
Песней своей я к жирши обратился:
— **Льстивы**, блудливы ваши слова.
Глулись они, как сухая трава,
Правда великая в них не жила,
Сила Баронная в них не гвела,
Горечь за вас мое сердце **хлестнула**¹.

Джамбул отвергает соблазн получить за несколько лицемерных слов богатство. Он смело показывает отвратительное лицо киргизского манапа.

Бай Кадырбай, ты послушай Джамбула.
Собака твоя не плохая была,
Она табуны для степей берегла,
Которые ты, как голодный шакал,
В наших аулах безрадостных крал,
Собака твоя по зеленым увалам
Стаи голодных волков **прогоняла**,
С волком вступая в неравную схватку.²

Мнимым достоинствам всемогущего Кадырбая противопоставлены положительные качества собаки. Чванливый самодур, не знавший никаких преград своим причудам, унижен так, что от льстивых слов продажных акынов не осталось и следа. «Язык — острее клинка», — говорится в казахской пословице, и это оправдывается в данной песне.

Но обличительный пафос Джамбула не исчерпывается разоблачением эксплуататорской души киргизского манапа. Он идет дальше и утверждает:

Будет пора — и родной мой народ
Свои табуны у тебя отберет.
Собака неплохо степям послужила,
Радостью нашей она дорожила,
Она и под солнцем и при луне
О нашем заботилась **табуне**.

¹ **Джамбул**. Собака бая Кадырбая. Журн. «Красная новь», № 6, 1938, стр. 10.

² Там же.

А ты, ненавистный, с хгнской сворой
Проходишь степями убийцей и вором.
Не дай тебе бог ничего, Крове блох,
Жить бы собаке, а ты бы подох.¹

Сочетаясь с критикой феодально-байского строя, такие мотивы вселяли народу веру в собственные силы. Анализ песни «Собака бая Кадырбая» убеждает нас в справедливости автобиографического признания нашего акына:

Я пел Б Кокше-Тау, я пел в Актюбе,
Джигиты ковали оружие к борьбе...
Я песню псва, зовущей к походу,
В стенах подымал угнетенный народ,
Я славил суровый и праведный суд.
Я пел о батырах, что скоро придут.
И силу могучую в бой поведут,
За землю, за реки, за счастье стений,
За наших в берлогах рожденных детей.²

VII •

Мы дорожим каждым словом, каждой строчкой великих писателей и поэтов. Наши текстологи и литературоведы тщательно восстанавливают неизвестные тексты, варианты отдельных произведений прошлого и не менее тщательно изучают их. Дороги и интересны не только произведения Джамбула, восстановленные со слов его или со слов других акынов, но и отдельные отрывки произведений, ибо они пополняют наше представление о характере дореволюционного творчества акына.

Джамбул, обладавший феноменальной памятью, в воспоминаниях о прошлом постоянно обращался к пропетым когда-то песням и восстанавливал отдельные эпизоды из наиболее ярких своих поэтических выступлений. Это неудивительно, так как основное содержание всей его жизни составляло творчество. Воспоминания эти по своей достоверности и неоспоримости представляют для истории казахской литературы ценный мате-

¹ Джамбул. Собака бая Кадырбая. Журн. «Красная новь», № 5, 1938, стр. 11.

² Джамбул. Моя жизнь. Цитир. по книге П. Кузнецова «На иртышском берегу», стр. 54.

риал. Находясь в апреле 1940 года в Москве, Джамбул с горечью рассказывал о прежней страшной жизни и, сопоставляя ее с настоящим, сообщал:

«Я голыми ступнями касался раскаленной земли, и каждый шаг, как потревоженный лад домбры, говорил моему сердцу:

— Ты идешь по родной земле, но она не твоя. Ты идешь по чужой земле.

Сердце мое сжималось от злобы и обиды. Я утолял жажду из родных рек, но реки эти принадлежали не мне. Я, ночуя в душистых травах, подслушивал разговор степных цветов. Цветы говорили:

— Иди, иди дальше, Джамбул, не то тебя прогонит, а нас растопчет султан.

Отравил колодцы враг,
Стал глухим узун-кулак,
Ханов, беков и султанов
Стало больше, чем собак.
Сгонет степь от их прызни,
А пароду* в эти дни
И* от дерева гнилого —
Пользы больше, чем от них,
Нашу кровь, как воду, пьют,
Нашу землю продают,
На большом пародном горе
Вырос войлок ханских юрт.¹

На холодной, как лед, заре я пришел в аул волостного управителя. Управитель выиграл в споре табун баранов у соседнего бая и устроил той. Обращаясь к народу, он сказал:

— Всех угощаю. Ешьте мясо, пейте кумыс, садитесь на кошмы, завидуйте моему уму и радуйтесь моему добросердечью.

Я тогда, опьяненный кумысом и вниманием бесчисленных глаз, взял домбру. Возле самого уха управителя я спел песню о том, как богатый воробей собрал всех птиц и зверей, кроме барана. Баран был заколот на угощение. Угощая гостей мясом и кумысом, воробей хвалился, что может проглотить даже медведя. А медведь сидел рядом. Он рычал и зло поглядывал

¹ Орывок из поэмы Суранши-батыр. См. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 12, 1939, стр. 96.

вал на воробья, но соглашался с ним и даже разрешал воробью садиться на свое ухо. Медведь был голоден, а свежая баранина так вкусна, что лишь до поры воробью безнаказанно проходило его хвостовство...

Не успел я закончить песню. Управитель выпил меня своими пустыми глазами и прервал на полуслове:

— Раб вечно будет рабом. Не бывать ему медведем, так же как не видать своими глазами собственного сердца!¹

История опровергла разъяренного волостного управителя: Джамбулу еще посчастливилось увидеть, как медведь (разумеется — «народ») проглотил воробья — бая; больше того, он увидел своими глазами и... собственное сердце: его однажды показали старику в Кремлевской больнице на рентгеновском снимке. Так далеко вперед на глазах у Джамбула ушла и жизнь и наука.

Характерной особенностью поэтики Джамбула в дореволюционное время являлось то, что он демократические идеи часто выражал иносказательно. Но аллегорические образы Джамбула, как свидетельствует приведенная сцена с волостным управителем, бывали всегда довольно прозрачны: волостной управитель не дал даже допеть акыну и стал опровергать: «раб вечно будет рабом».

Не менее ярко и другое общественно-литературное выступление Джамбула, которое произошло в 1876 году на одном из айтысов. Джамбул в 1938 году вспоминал:

«62 года назад на одном из состязаний в Джетысуйской степи я высмеял и обругал в песнях домашних певцов султана Шерездана. Шерездан сказал тогда, обращаясь к мулле:

— В большой байге мои лучшие скакуны отстали, а захудалый Джамбул всех обскакал. Пусть же они два года не едят мяса и будут такими же голодными, как Джамбул².

Услышав разговор, я спел Шерездану и мулле:

— Продажную душу ни жиром, ни голодом не выправить... Народную совесть ни мясом, ни золотом не купить... Только султан может заменить собой змею

¹ Джамбул. Рождение жизни. «Правда» от 1 мая 1940 года.

² Джамбул. Мое счастье. Газ. «Казахстанская правда», от 20 мая 1938 года.

и шакала. Печенка никогда не заменит чистого пламенного сердца.

Так всю свою жизнь я разговаривал с властелинами степей, не боясь им говорить правду в лицо.

За это они ненавидели меня, а народ любил и ценил каждое мое слово»¹.

Народ действительно любил острое, как клинок, слово Джамбула, а баи ненавидели и боялись его. «Однажды Джамбул был невольным свидетелем того, как бай по имени Нартай избил своего батрака, и Джамбул тут же сложил песню о жестокости и подлости этого бая. Разящая сила песни до того испугала бая, что он начал умолять акына не оглашать ее, не срамить его перед народом»¹.

С внушительной силой мотивы свободолюбия и веры в светлое будущее казахов прозвучали в песне, которую пропел Джамбул в 1916 году, расставаясь с Балуан-Шолаком:

«Вот перед вами батыр! Матери не родят лучшего сына. Но что делать? Он родился в злой век и не может раскрыть свои крылья во весь их размах.

Но не всегда ты будешь рабом, мой народ! Ты не раз восставал, защищая самого себя: будет конец и твоему терпению, настанет день возмездия.

Как славные батыры в старину, Балуан-Шолак пойдет на твоих врагов. Родина, он прославит тебя в веках!»².

Если вспомнить, что песня эта импровизировалась накануне восстания 1916 года, то ее идейное содержание станет особенно знаменательным. Словно предчувствуя дыхание надвигающихся грозных событий, Джамбул воодушевлял народ, призывал его к борьбе.

VIII

До революции в творчестве Джамбула значительное место занимали сказки. Это вполне понятно: в иноска-

¹ Е. И с м а н л о в. Краткий биографический очерк о Джамбуле. Цитируется по рукописи в переводе Г. Шариповой.

² Цитир. по рукописи повести С. Мукапова «Балуан-Шолак», стр. 95. Сцена прощания Джамбула с Балуан-Шолаком описана С. Мукаповым по личным воспоминаниям Джамбула.

зательной форме сказки легче всего было **пропаганди-**ровать демократические идеи.

«Как и у всех других народов, сказки, бытующие среди казахов, обнаруживают, в отличие от других **ви-**дов казахского фольклора, заметные следы влияний и заимствований из сказочного фольклора соседних восточных и западных народов. Из восточных заимствований необходимо упомянуть бытующую с давних пор среди казахов целую серию сказок из цикла «Тысяча и одна ночь», из цикла «Сказки попугая», из древнетурецкого народного романа **«Бахтияр»** («Бахтажар») и еще большую группу героических сказаний и преданий арабо-иранской древней эпической старины. Надо также отметить значительную связь казахских **народ-**ных сказок со сказочным фольклором русского народа, что особенно заметно в разделе сказок о **животных»**¹.

Все богатство казахских сказок до сих пор не **изу-**чено. Не имеется даже исчерпывающей записи всех известных народу сказок, хотя их художественные **досто-**инства привлекли в свое время внимание таких собирателей казахского фольклора, как академик В. В. **Рад-**лов, Потанин, Мелиоранский, Чокан Валиханов и др.

Отличительным качеством джамбуловских сказок является, прежде всего, их отчетливо выраженная реалистическая окраска. В казахском фольклоре **наиболь-**шее распространение получили фантастические, **быто-**вые, детские сказки и сказки о животных. **Джамбул—**мастер бытовых сказок, где наиболее полно представлены элементы реализма. В бытовых сказках народ часто выражал мечты о счастливой жизни. В замечательной сказке «Жупар-корыги» женщина-мать Жупар находит для своих многочисленных детей плодородную долину, где они обретают счастье и куда переселяется весь ее род. Эти мечты народа выражал и Джамбул в своих сказках. Заметим еще, что если проза в казахской устной литературе не получила широкого развития, то в сказках искусство прозаического повествования стоит на большой художественной высоте.

В одной из сказок Джамбул рассказывает о жесто-

¹ М. Ауэзов и Л. Соболев. Очерки истории казахской литературы. **Журн.** «Литература и искусство Казахстана», №8—9, 1939, стр. 98

ких временах кокандского ханства. Злой и хищный бий-мурза, сопровождаемый сорока аярами, верными слугами, как волк, рыскал «по аулам казахских степей и обирал народ. Некому было жаловаться на тяжкие поборы. Хан был силен и жесток. Бий-мурза, как смерч, появлялся над аулом и за каждую девушку старше тринадцати лет брал одну лошадь и один халат. А самую красивую девушку увозил на ночь в свою юрту... Плакала степь широкая, жемчужины слез собирались в ручьи, и вода с шумом бежала в море-океан. Откочевывали на джайляу, в горы, но бий-мурза находил их. И снова в страхе дрожали девушки, и снова джигиты были полны злобой, но беспомощны»¹.

Тогда старшина рода, мудрый старик, предложил обмануть ненасытного хищника и переодеть всех девушек в одежду женщин. Так и сделали. Не найдя девушек в ауле, бий-мурза приказал собрать всех молодых женщин. Среди них оказалась и Ханым, золотоволосая красавица. «Хороша была Ханым и не один джигит мечтал о том, чтобы на него ласково взглянула Ханым. И когда один из аяров подъехал к Ханым и поцеловал ее в губы, брат Ханым молнией налетел на аяра и зарубил его. Тогда джигиты бросились на остальных аяров и всех перебили. Брат Ханым примчался к юрте бия-мурзы, зарубил мурзу и выпил глоток его крови».

Джигиты скрылись в горах. Но жить в вечном страхе невозможно. Джигиты отправились с богатыми подарками к кокандскому хану. Хан потребовал, чтобы к нему пришел тот, кто убил бия-мурзу. Брат Ханым явился вместе с акыном Мадали. Акын обращается к хану с песней:

Девушек много в стенах у тебя,
И честь их и жизнь в руках у тебя.
Срывают пальцы, по будет ли прок,
Если еще не раскрылся цветок?
Слезами мои затуманил глаза
Делами своими изменник мурза.
Чапаны из шелка у нас отбирал,
Жирных коней косяки угонял.

¹ Джамбул. Народная казахская сказка. Газ. «Комсомольская правда», от 24 февраля 1939 года.

Он девушек лучших, гяур, осквернял.
Не бий он, гиена — степная гроза.
За это убит он, изменщик мурза.

Смелая песня Мадали подействовала на хана, и он простил джигитов. А когда хан спросил, что хотел бы Мадали получить в подарок от него, акын ответил: «И если не жалко, о, светоч зари! Мне землю родную мою подари». Хан рассвирепел и подарил лишь землю, которую занимала юрта акына.

Зависимость от поэтики восточного фольклора выразилась в портрете красавицы Ханым: «Она была Алтыншаш — золотоволосая, ее ресницы были словно из золота, а вместо глаз светились изумруды». Это типичный для восточной литературы портрет. Любопытно также сочетание в сказке прозаического повествования со стихами.

По основным своим мотивам сказки Джамбула родственны таким казахским сказкам, как «Сорок небылиц», «Мудрый Жиренше и красавица Карашаш», «Богатый и бедный», «Алдар-Косе и Шигайбай», «Алдар-Косе и черти», «Аяз-бий» и др.¹. В этих сказках сатирически, зло высмеяны ханы и любовно воспеты умные, находчивые, честные и отважные бедняки. В «Сорока небылицах» мальчик-сирота своим остроумием побеждает хана. Бедняки Жиренше и Карашаш только мудростью и хитростью преодолевают все ханские козни. В сказке «Богатый и бедный» торжествует над корыстолюбием честная и благородная бедность. Бедняк-хитрец Алдар-Косе напоминает удачливого героя русских сказок Иванушку-дурачка. Бедняк Жаман в сказке «Аяз-бий» превосходит всех удивительной мудростью.

Другая группа дореволюционных джамбуловских сказок отличалась пафосом прославления и утверждения труда, как основы народного благосостояния. В «Сказке о лентяе» Джамбул создал классический образ байского сына — лентяя и сатирически высмеивал ожиревших от безделья трутней. В начальных строках точно формулируется тема сказки: «Тот, кто сыт, кому не приходится рукой шевельнуть, чтобы наполнить свой желудок, тот становится лентяем». Дальше выступает живой образ лентяя:

¹ Песни степей. Антология казахской литературы, стр. 146, 173, 188—203.

«Однажды жители аула всполошились, увидев **охваченную** пламенем степь. Огонь быстро приближался к урочищу. Все жители бросили свои жилища, — люди и скот спешили перебраться на новые места. А байский сын, владелец большого аула, лежал в своей белой юрте и даже не сдвинулся с места, — ему лень было **подняться**.

— Встань, мурза, весь народ кочует. На урочище идет большой пожар... — обращаются к нему.

— Ну что ж, пусть кочуют, — отвечает он.

— Мурза, ты остаешься один на месте стоянки! — предупредили его.

— Ну и что же из того, что я останусь один, — **ответил** он и продолжал лежать, не двигаясь.

...Перекочевав на новые места, жители аула были удивлены поступком своего господина и решили, **что он является праотцом всех лентяев**.¹

Идейное содержание сказок Джамбула, как и всего его дореволюционного творчества, опять подтверждает справедливость автобиографического признания акына:

Я прожил столетье, певец из народа,
О правде великой мечтая все годы.
Я песнями баев и ханов косил,
И песней, как саблей, врагов я **разил**.
А время тянулось, как след каравана,
В безводной пустыне я шел неустанно
И видел: по тропам голодным земли
Кровавые слезы народа **текли**.²

Джамбул] в своих дореволюционных поэмах, песнях, сказках откликается не только на стоны народа: он раскрывал мощь народа, окрылял народ надеждой на светлое будущее. В этом принципиальное отличие Джамбула от поэтов так называемой «эпохи скорби» (Зар-Заман) — Шортамбая, Мурата, Базара, Аубакира.

Характеристика дореволюционного творчества акына показывает, **с каким** богатым творческим опытом Джамбул вступил в ряды советских народных поэтов.

¹ **Джамбул**. Сказка о лептасе. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 2, 1939, стр. 98, перевод Л. Макеева.

² **Джамбул**. За орден, за светлую жизнь свою, мой Сталин, тебе эту песню пою. Сборник материалов для клубов и библиотек, **Профиздат**, М., 1938, стр. 116.

Критический реализм, внесенный Джамбулом в народную устную поэзию казахов, — характерная стилевая черта его дореволюционного творчества.

Кроме того, среди многих профессиональных акынов прошлого Джамбул выгодно выделялся тем, что проявил разносторонний талант поэтической импровизации почти во всех фольклорных жанрах. Совершенно правильно М. Ауэзов констатирует:

«...Тип народного акына вообще неоднобразен и не един. Репертуар, жанр и профессионально-творческие навыки одной группы акынов совершенно отличны от акынов другой группы. Есть народные поэты—эпики (типа Марабая); есть певцы—лирики (типа Биржана, Ахана, Жаяу-Муса); есть импровизаторы—акыны только айтысов (типа Шоже, Кулмамбета); есть также поэты-печальники народа, поэты гражданской скорби эпохи безвременья, военно-феодальной колонизации края (Шортамбай и др.). Очень популярны также поэты слагатели исторических песен и призывных песен к сопротивлению, борьбе с ханами и ставленниками царизма. Каждый из крупных поэтов и акынов — носителей любого из указанных жанров в своей среде, в свою эпоху, в числе образцов народного творчества осуществлял преимущественно господство именно своего жанра и отсюда и своего типа акына.

Одна отличительная и безусловно положительная особенность Джамбула в том, что он был шире многих акынов предшественников и по репертуару, и по жанрам, в пределах которых он слагал песни. В нем сошлись и эпик, и акын айтыса, и поэт гражданских мотивов»¹.

До нас не дошли (еще не восстановлены) многочисленные лирические песни Джамбула. В годы молодости созданию лирических песен, в частности песен на темы любви, Джамбул уделял значительное внимание. Трагически закончившаяся любовь Джамбула к девушке Бурым в свое время явилась темой большого цикла лирических песен. Эта сторона творчества народного поэта остается пока недостаточно освещенной.

Как видим, всесторонне освоив наследство казахско-

¹ М. Ауэзов. Джамбул и народные акыны. Журн. «Литературный Казахстан», № 6, 1938, стр. 88.

го народного творчества, Джамбул не остался в положении хранителя и исполнителя произведений, созданных до него: большой поэт, он пошел дальше с тем, чтоб новаторски развить и углубить дореволюционный казахский фольклор, сделать его таким, каким он вошел затем в могучий поток советской народной поэзии.





ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОСЛЕ ОКТЯБРЯ



I

Жамбул—поэт. Переступая через порог нового мира, открывшегося ему после Великой Октябрьской социалистической революции, он не только почувствовал себя в новой политической и социальной обстановке—он понял, что коренным образом изменилась судьба и роль народной поэзии, что вокруг нее сложилась при Советах совершенно новая общественная и художественно-культурная атмосфера.

Гегель со свойственной ему реакционно-идеалистической системой взглядов, анализируя развитие эпической поэзии, приходил к выводу, что эпические произведения могут появляться в будущем только... в Америке и будут «...изображать лишь победу грядущей американской живой разумности над заточением в сфере продолжающихся до бесконечности измерений и раздробления». В Европе-де «...каждый народ ограничен другим народом и не может сам по себе начать войну с другими европейскими народами; если желать перебросить действие за пределы Европы, то только в Америку»...¹

Гегель правильно констатировал вырождение эпической традиции в буржуазном обществе, но не мог подняться до понимания тех перспектив развития духовной

¹ Гегель. Эпическая поэзия. Журн. «Литературный крит.к», № 6, 1935, стр. 76.

культуры, которые ясно видели К. Маркс и Ф. Энгельс, которые связывались у этих мыслителей с исторически необходимой победой социализма и коммунизма. Излюбленная идея реакционного пруссачества о войнах, как главном содержании исторического процесса, приводила Гегеля ко второму ошибочному утверждению: о невозможности возрождения эпоса вне возрождения чисто военной героики. Немецкий философ ошибся в прогнозе. Эпическая поэзия возродилась и получила все необходимые условия для развития не в Америке, а в стране победившего социализма. Почему же это произошло?

В цитированной статье тот же Гегель указывает: «Но если национальный эпос должен составлять непреходящий интерес также и для чужих народов и эпох, то для этого надо, чтобы изображаемый мир был не только миром отдельной национальности, но и носил такой характер, при котором в отдельном народе, его героях и подвигах вместе с тем рельефно отпечатлевалось общечеловеческое»¹.

Содержание советского эпоса, лиро-эпоса, его герои и их подвиги действительно представляют общечеловеческий интерес. Страна социализма стала родиной Трудящихся всех стран. Образы Ленина, Сталина и воспитанных ими героев олицетворяют то, что составляет самые заветные стремления трудового человечества. Именно потому произведения Джамбула, произведения национального казахского эпоса, получили столь огромный резонанс, привлекли внимание не только всех народов СССР, но и общественности зарубежных стран.

Вот и еще одно гегелевское положение: нужно, «...чтобы в качестве фона эпического мира являлось некоторое национальное предприятие, в котором могла бы запечатлеваться полнота народного духа в первой свежести его героических состояний». В этой основе эпоса философ, кроме того, выделял цель, оформившуюся «до такой степени, что она стала индивидуальной целью, по частному руслу которой движется це-

¹ Гегель. Эпическая поэзия. Журн. «Литературный критик», № 6, 1935, стр. 72 (подчеркнуто автором — М. Р.).

лое», и принимающую в эпосе «облик некоторого события»¹.

Беспримерным в мировой истории «предприятием», событием, властно потребовавшим эпического воплощения, и является победа социалистической революции в бывшей Российской империи, строительство социализма и коммунизма под руководством партии Ленина-Сталина. «Полнота народного духа в первой свежести его героических состояний» раскрылась в грандиозном процессе социалистических преобразований на шестой части земного шара.

В. В. Маяковский, надлежащим образом воспринимавший величественный размах социалистической революции, еще в 1919 году неслучайно назвал свою поэму «150 000 000» былиной, эпосом революции. Как и Горький, Маяковский поисками первой советской героической эпопеи возвещал закономерное возрождение народного эпоса в стране Пролетарского Октября.

Социалистическая революция стала неисчерпаемым источником вдохновения и для Маяковского, и для всех призванных революцией поэтов СССР. Джембул, в свою очередь, становится певцом героической темы — победы социализма в СССР.

Эпос советского времени становится эпосом социалистического реализма, и лиро-эпическая поэзия казахского акына вырастает в него всеми своими корнями.

II

Новое идейно-художественное качество советского лиро-эпоса в сравнении с эпосом прошлого наиболее разительно выступает в том, что можно назвать пафосом социалистического оптимизма.

В произведениях Джембула после Октября с необычайной силой дает о себе знать уже не мечта о грядущем счастье, а чувство радости за его реальное осуществление в стране социализма. Обобщенный показ правды сталинской эпохи и оптимистическое мироощущение — основополагающие черты новых песен акына.

Живое дыхание светлой жизненной правды воссоздается в поэзии Джембула не простой фиксацией фак-

¹ Гегель. Эпическая поэзия. Журн. «Литературный критик», № 8, 1935, стр. 87.

тов и событий, а глубоким типизированным преломлением характернейших свойств социалистической действительности. Исходя из конкретного факта, певец шел к художественному обобщению, а это и составляет важнейшую особенность настоящего искусства. Вот пример.

Стимулом для «Песни о зерне» послужило сообщение о новом подъеме сельского хозяйства, о поставленной товарищем Сталиным задаче — добиться в ближайшие годы урожая **в семь—восемь миллиардов пудов хлеба**. Но песня далека от пересказа выдвинутого политического лозунга: автор создал поэтическую картину колхозного изобилия, радостного упорного труда колхозников, вооруженных передовой техникой:

Мы землю взрыхляли. Кипела в нас кровь.
Лазурной весной поднимали мы новь
Могучею силою черных тушаров,
Покорных узде, вороных тракторов.
Работа была — весела и бурна,
Земля наша стала мягка и черна.
Мы хлынули щедрым сверкающим ливнем
Янтарного, словно литого, **зерна**.¹

Финальные строчки проникнуты ярко-оптимистическим убеждением, что миллионы людей ринутся на борьбу за высокие колхозные урожаи:

По рельсам Турксиба от нас в города
С пшеницей и рисом пойдут поезда.
У Сталина слово равняется делу.
Так было.
Так есть.
И так будет всегда!²

Здесь очевидны мастерство передачи высокого гражданского оптимизма и новые стилевые особенности творчества Джембула. Здесь злободневность тематики как-то естественно переходит в **широкий** охват жизненного и исторического опыта. Отсюда и секрет неувядаемости песен нашего акына: они легко выдерживают испытание временем.

¹ Д ж а м б у л. Песня о зерне. «Песни и поэмы», стр. 79.

² Там же, стр. 80.

Возьмем, например, песню, пропетую в 1937 году, когда шли выборы в Верховный Совет СССР первого созыва. О 12 декабря 1937 года написано было немало стихов, но очень немногие (лучшие!) остаются жить, сохраняют поэтическую свежесть. К числу **последних** принадлежит и джамбуловская «Песня ликования». Народный акын ликует, ибо для него 12 декабря — историческая дата подведения итогов пути, пройденного Родиной, день торжества советской демократии;

В песках пустынь звенит арык и шепчут тополя,
И, как иранские ковры, колхозные поля.
И хлопка лебединый пух, и золото зерна,
И мед, и сливы, и урюк даешь, ты нам, страна.
...Как величавый слог поэм, заводов льется гуд,
И **самолеты** в вышине, как беркуты плывут.
...Богатства недр, сады долин, сокровища отар, —
Все это, Сталин, исполнил, принес народам в дар.
Он написал для нас закон — и мудрый и **простой**,
Как золотая пальма, он стоит над всей **землей**.¹

Это сказано на самую злободневную тему декабря 1937 года, но сказано на языке таких образов, что и потомки наши всегда взволнованно и радостно будут воскрешать в своем воображении всенародный праздник советских выборов.

Деятель социалистического искусства отличается от представителя критического реализма тем, что не только раскрывает окружающую действительность, но и показывает перспективы будущего. Это опять-таки новое качество советского лиро-эпоса. В многообразных по жанрам и формам произведениях социалистического реализма одновременно и слитно предстает правда прошлого, настоящего и будущего.

Если в дореволюционных песнях очертания сказочной страны рисовались Джамбулу смутно, то теперь «страну будущего» он видит во всей ее рельефной, уже **осуществленной** в жизни, конкретности. В песне, пропетой **на** открытии первой сессии Верховного Совета Казахской

¹ **Д ж а м б у л.** Песня ликования. «Песни и поэмы», изд. Советский писатель, стр. 20—21.

СССР в 1938 году, говорится о радостном внуке, который «в халат из цветов и из славы одетый, откроет парламент народов планеты». В «Песне о большом караване», где «караван» олицетворяет наши братские республики в их движении вперед, звучит уверенность в исторически предопределенной победе коммунизма. После картины счастливой жизни, достигнутой в Советском Союзе, показано движение каравана дальше:

К джайляу, где зори сияют вдали,
Где полное счастье земли,
Где явью встает золотой жер-уюк,¹
Где сочен воссипий певялущий луг,
Где светлые сны поколений слились
В джайляу веков — коммунизм.²

Как видим, сложный комплекс марксистско-ленинских идеалов получает в метафоре восточного «каравана» простое (хотя и не упрощенное) выражение. Караван на своем длинном пути встречает много трудностей, иногда преодолевает бури, степные смерчи. Так и в борьбе за коммунизм неизбежны трудности, но опытный «кос-басши», караванщик, уверенно ведет вперед и вперед.

III

Мы употребляли выше термин «лиро-эпос». В народной поэзии нашего времени отчетливо запечатлевается наряду с эпическим отражением действительности лирическая настроенность самих певцов. Они не могут скрыть личного восторженного отношения к делам и людям, которые их вдохновляют.

Во всех пооктябрьских песнях Джамбула неизменно наличествует его лирическое «я», что, впрочем, не означает ограниченного субъективизма поэта. «Много песен Джамбул сложил, много лет на земле прожил», «Светлому Ленину песню свою, самую сладкую песню я лью», — вот обычный, почти традиционный зачин большинства песен нашего акына.

«Новый круг социалистических чувств, — читаем в

¹ Жер-уюк — сказочная страна справедливости.

² Джамбул. Песня о большом караване. «Путешествие на Кавказ», стр. 27.

утверждения безличности народного творчества¹, то в советскую эпоху возрождение эпоса связано с развитием самосознания народных певцов.

В лирической окрашенности эпических по характеру образов следует усматривать «быстрый рост духовной мощи личности — явление, которое можно объяснить лишь тем, что в эпохи социальных бурь личность становится точкой концентрации тысяч волей, избравших ее органом своим, и встает перед нами в дивном свете красоты и силы, в ярком пламени желаний своего народа, класса, партий»². Это утверждение, обнаруживаемое в одной из дореволюционных статей А. М. Горького, оправдалось. «Быстрый рост духовной мощи личности», так полно раскрывающийся в лирических мотивах современной эпической поэзии, является и одним из условий возрождения эпоса в наши дни, и одной из его качественных особенностей.

Процесс возрождения эпоса и развития лиро-эпоса охватывает всю многонациональную советскую литературу. Известная русская сказительница — мастер былин и старин — Марфа Семеновна Крюкова, пятидесятилетний юбилей творческой деятельности которой праздновали в Архангельске в марте 1940 года, выступает в наше время создателем нового эпического жанра — «новин». М. С. Крюкова поет про жизнь новую, про теперешнюю... «про богатырей-то славна советских».

Такие «новины», как «Сказание о Ленине», «Слава Сталину будет вечная», «На родине вождя», «Пропеваньице» про А. М. Горького, сочинителя премудрого, «Про советского богатыря, про Василия Чапая»³, являются яркими образцами нового советского эпоса. В той же связи можно упомянуть имена известных русских народных сказителей Ф. А. Конашкова, П. И. Рябина и др. Свое место заняли в советском фольклорном движении прославленный Сулейман Стальский (Дагестан), Мирза Байрамов (Азербайджан) и выдаю-

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, стр. 9—10.

² А. М. Горький. Разрушение личности. Цитир по хрестоматии проф. П. П. Андреева. «Русский фольклор», Учпедгиз, М—Л, 1938, стр. 35.

³ Сказания М. С. Крюковой. ГИХЛ, М. 1937 г.

щнеся певцы Грузии, Армении, Татарии, Киргизии, Узбекистана, Таджикистана, Туркмении.

Все это позволяет сделать вывод: наш Джамбул, входя после Октября в атмосферу новой художественной культуры, застал в ней плодотворнейшее из литературных направлений — социалистический реализм, благодатнейшее для поэта мироощущение — яркий оптимизм, возрождающийся род творчества — эпос и лиро-эпос, наконец — многонациональное племя народных певцов, в единодушном порыве поставивших слово на службу большевистской партийности.

ч

IV

Дореволюционная литература, как отмечал А. М. Горький, далеко не охватывала жизнь всех народов бывшей Российской империи: «Урал, Сибирь, Волга и другие области остались вне поля зрения старой литературы, так же как Украина, которой самодержавие затыкало рот и связывало руки, создавая этим вражду украинца к «москалю»... «Я, — продолжал Горький, — не навязываю художественной литературе задач «краеведения», этнографии, но все же литература служит делу познания жизни, она — история быта, настроений эпохи, и вопрос о том, насколько широко охватила она действительность свою, этот вопрос может быть поставлен»¹.

Развитие советской литературы создало все условия для практического разрешения поставленной А. М. Горьким задачи. Наши писатели и поэты разрабатывают темы, ранее мало затронутые литературой. Через их произведения раскрываются нам картины жизни, борьбы и труда народов, составляющих всю братскую семью народов Советского Союза. В этом плане огромный интерес представляет пооктябрьское творчество Джамбула.

Казахстан, его история, природа, быт достойно воспеты Джамбулом. Они составляют подтекст даже тех песен, где нет непосредственного упоминания о Казахстане. Картины прошлого, когда казахский народ мучился под двойным гнетом баев и царских колонизато-

¹ А. М. Горький. О литературе. Сб. «О литературе», стр. 51—52.

ров, картины героической борьбы казахов за освобождение, гражданской войны в **Казахстане**—составляют как бы рамку к величественной картине созданной волей партии и советского народа Казахской Советской Социалистической Республики.

Джамбул, выражая любовь к родному Казахстану, разрабатывал близкую ему национальную тематику в духе укрепления сталинской дружбы народов, торжества ленинско-сталинской национальной политики. Казахстан — составная часть социалистической Родины, и любовь к нему есть любовь ко всей социалистической Родине. Чувство советского патриотизма выступает у Джамбула в своем конкретном национальном выражении.

Песня «Гасему Лахути» особенно показательна для оценки указанной программной установки. В обращении к Лахути, «правнуку Фирдоуси», рассказывается о расцвете советской земли, о расширении политического кругозора советского гражданина. «Я в старости признал все тайны вселенной, красу ее, прелесть и смысл сокровенный», — так в поэтической формуле раскрывается победа советского интернационализма, когда самое далекое становится близким и родным. Поэты и писатели различных национальностей объединяются в общем стремлении творить ценности социалистического искусства:

Одно у нас пламя бушует в груди,
Одно у нас знамя, акын **Лахут-1**
Мы дружно, как братья, народам поем,
Наг разных наречьях, но об одном
В казахском **жире¹**, в персидской газеле
Одни у нас мысли и чувства созрели.
Один в наших песнях батыр и герой,
Кого не сравнить ни с звездой, ни с зарей.
Чьим именем пазвана паша **эпоха**,
Кого будем петь до последнего вздоха.*

«Песня о большом караване», «Песня о братстве народов», «Застольная песня», «К братьям по крови», «Песня о сталинской Москве» — лучшие произведения о дружбе народов.

¹ Жир — стихотворная форма в казахской поэзии.

* **Джамбул**. Песни и поэмы, стр. 89.

Навеки отошли в прошлое национальная вражда и междоусобицы. Казахстан Джамбула братскими узами связан с остальными республиками СССР. Дружбы народов никто и ничем не нарушит. Она—часть мироощущения-народного акына. И он ищет наиболее сильных слов, чтобы во весь голос сказать, что священная дружба народов крепка, как сталинская клятва над ленинским гробом, как льды Арктики, как светлая слава Сталина, как скалы горных вершин Ала-Тау, как кремлевские стены, как новая сталь из мартена, как сплав тугоплавких металлов («Песня о братстве народов»).

V

«Не хочет домбра расшевеливать ран, не хочет звенеть про кандальный заман», — отвечал Джамбул, когда к нему обращались с просьбами рассказать о прошлом. Тем не менее после Октября акын нередко воссоздавал мрачные картины жизни дореволюционного Казахстана. Это казалось ему необходимым для того, чтобы лучше воспринималось счастливое настоящее.

Образы действительности, навсегда оставившей в сердце акына «черный след», особенно ярко вырисовываются в первой части поэмы «Моя Родина».

Среди персонажей поэмы навсегда запоминается кедей-бишара (бедняк, раб), в положении которого до революции находились миллионы трудящихся, кочевавших в казахских степях. Избегая сравнений и метафор, автор суровыми красками, напоминающими изображение русского крестьянина в стихах Некрасова, восстанавливает перед глазами советского читателя страшный призрак угнетенного человека:

Кедей-бишара был похож на тень: ,
На голом теле — колючий чекмень.
Малай-бишара¹, с домброй да кнутом
В долинах ходил за байским скотом...
Сжигал его летом солнечный зной,
Бураны его заматали зимой,
Родная жена и две сестры

¹ Малай-бишара — бедняк,

... .

Для байбише¹ разводили костры.
Сылишка любимый ласки не знал.
Отцовская доля и сыну верна —
Пас он в отарах байских ягтят,
С детства на сердце оЗиду храня.²

Теперь не встретишь в свободных казахских степях кедей-бишара: «над степями, ярко горя, взошла моего народа заря». Вторая часть поэмы «Моя Родина» — гимн в честь победы революции, освободившей Казахстан, в честь великих вождей ее — Ленина и Сталина. Картина социалистического Казахстана, контрастно противопоставленная показу проклятого прошлого, дышит весной и солнцем.

С точки зрения идейности и полноты художественных обобщений поэма Джамбула превосходит талантливую поэму казахского поэта-демократа Торы-Айгирова «Кедей» («Бедняк»), написанную в 1919 году и не поднявшуюся выше критического реализма. Социалистическая действительность дала автору «Моей Родины» возможность видеть историческое прошлое в новом свете и создать образы более глубокого познавательного значения.

На протяжении многих веков свободолюбивый и трудолюбивый казахский народ оставался в рабском положении. Этот мотив, раскрывающий трагическую историю народа в прошлом, настойчиво звучит в революционных песнях Джамбула, ибо все это он лично выстрадал.

Кто были раньше казахи? Рабы!
В черной нужде мы гнули горбы!
Были жестоки, злы и грубы
Властители нашей судьбы.³

В поэме «Моя жизнь», повествуя о своей мучительной жизни в прошлом, Джамбул снова поднимается до больших обобщений; в образах поэмы, прежде всего в образе самого певца, представлена многострадальная история казахов: «в бесправных степях рабы и рабыни стонали в цепях, голод полынью они утоляли, в шкуры вонючие одевались, слезами горькими умывались»⁴.

¹ Байбише — старшая жена бая.

² Джамбул. Моя Родина. «Песни и поэмы», стр. 142.

³ Джамбул. Песня народу. «Стихи и поэмы», стр. 50.

⁴ Джамбул. Моя жизнь. Цитир. по книге стихов и переводов П. Кузнецова. «На иртышском берегу», стр. 53.

Народ в постоянной нищете и голоде вымирал. **Безрадостно** проходили десятилетия за десятилетиями. **Казахстан** задыхался в тисках отсталости и **постоянных**, кровавых распрей. Джамбул, отдаваясь во власть воспоминаниям, пел:

Смотрю я на степь — !
В ней горела трава, }
В покинутой юрте гнездилась сова,
Курай овивал одинокий курган
В проклятый народом заман...
...Холодные слезы роняя в песок,
Пел горькую песню безродный седок,
И шел, задыхаясь, мой караван
В проклятый суровый **заман**.¹

Далее Джамбул верен правде и тогда, когда повествует в автобиографических поэмах, как Джангерхан принес вместе с русским царем «в подарок народу плеть да аркан», как систематически отнимались у трудового народа исконно принадлежавшие казахам земли, реки, как их упорно оттесняли в пески и обрекали на полное вымирание.

Царизм разжигал межнациональную рознь. В одном из документов царского самодержавия цинично указывалось: «Если башкиры или киргизы будут волноваться, — употреблять один народ против другого, сберегая русское войско». Эту варварскую политику наблюдал Джамбул в **действии**:

Шалач-император народы губил,
Как диких зверей, друг на друга травил,
И в ярости темной за сабли брались
Забитый казах и бездольный **киргиз**.²

Верными прислужниками царского самодержавия оказывались ханы, султаны, бай, беки, муллы, о чем с ненавистью вспоминал Джамбул после Октября. Хищная свора волков и коршунов терзала народ, а в результате «они богатели, а мы вымирали — аулы редели, станицы **стонали**»³.

¹ **Джамбул**. Песня съезду. «Песни и поэмы», стр. 58. Зап. мая — время — эпоха.

² **Джамбул**. Песня о братстве народов. Сб. «Путешествие на Кавказ», стр. 20.

³ **Джамбул**. Сынам Тихого Дона. Там же, стр. 70.

Выражая в своих пореволюционных песнях и поэмах* ненависть к рухнувшему царскому самодержавию, Джембул одновременно с любовью и благодарностью пел о трудовом русском народе, — о народе, который, с одной стороны, выдвинул Ленина, Кирова, Куйбышева, Фрунзе, Калинина, Молотова, Ворошилова, Чапаева, с другой стороны — Пушкина, Горького, Маяковского. Образы этих сынов героического русского народа овеяны в песнях акына великой любовью. В этих образах для Джембула раскрывалось историческое величие старшего брата всех советских народов, оказавшего незабываемую помощь трудящимся Казахстана в их борьбе за освобождение.

VI

«Угнетенные национальности, — писал товарищ Сталин, — угнетаются обычно не только как крестьянство и городской трудовой люд, но и как национальности, т. е. как трудящиеся определенной государственности, языка, культуры, быта, нравов, обычаев. Двойной пресс угнетения не может не революционизировать трудовые массы угнетенных национальностей, не может не толкать их на борьбу с основной силой угнетения — на борьбу с капиталом. Это обстоятельство послужило той базой, на основе которой пролетариату удалось осуществить соединение «пролетарской революции» не только с «крестьянской войной», но и с «войной национальной». Все это не могло не раздвинуть поле действия пролетарской революции далеко за пределы России, не могло не поставить под удар наиболее глубокие резервы капитала»¹.

Сталинское положение о сочетании пролетарской революции с национально-освободительным движением угнетенных народов, в частности, казахского народа, получило поэтическое претворение в песне Джембула «На родине Сталина». Охваченному глубокими размышлениями при посещении сталинского домика в Гори, певцу представлялось, что здесь выходят из прошлого «любимцы казахской долины», «герой народной былины» Бекет, • Исатай, Кобланды, Амангельды, чтобы сказать:

¹ И. Сталин. Октябрьская революция и вопрос о средних слоях. Сб. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 182.

Вот в этой зимовке **сошлись**
Мечты и надежды народов земли,
Мечты и **надежды** всех угнетенных,
Мечты и надежды всех **разоренных...**¹

Джамбул видел в прошлом не только то, как сидели на его спине и спинах всех обездоленных **бедняков**, по словам песни «Закон счастья»,

Султаны, манапы² и ханы,
С законом позора, с законом обмана,
С законом, написанным палкою хапа,
С законом, написанным ложью корана,
С законом, написанным плетью **султана**,
С законом шакалов, с законом **волков**,
С законом, омывшим слезами рабов.

Он вспоминал долгую, мучительную национально-освободительную борьбу своего народа. Проезжая Оренбург (ныне Чкалов), Джамбул сложил «Песню об Орымборе», где поминал Пугачева. Это он поднял восстание против царского самодержавия, оплотом которого, в частности, был Оренбург. И это ему старался помочь казах, искавший выхода своим **национально-освободительным** стремлениям:

Нес ты в степи кровь и позор,
Штык, веревку и ржавую **цепь**.
И тогда на тебя, Орымбор,
Пугачев опрокинул степь.
...Шли башкиры и русские шли,
И казахи летели вскачь,
Шли сарбазы татарской земли,
Всех повел за собой Пугач.³

Картины национально-освободительного движения особенно впечатляюще даны в поэме «Вооруженный народ» и в «Поэме о Ворошилове». В первой из **указанных** поэм несокрушимое могущество вооруженного советского народа заставляет **вспомнить о восстаниях** Исая Тайманова и Бекета, — **восставиях**, роковым образом обреченных на неудачу. Правильно подчерки-

¹ Джамбул. На родине Сталина. Сб. «Путешествие на Кавказ», стр. 88—89.

² Манапы — родоначальники.

³ Джамбул. Песня об Орымборе. Сб. «Путешествие на Кавказ», стр. 58—59.

вается, что **война** против колониального угнетения неизбежно должна была сочетаться некогда с войной против феодально-байского произвола, ибо между всеми эксплуататорами, одинаково ненавистными для трудящихся казахов, существовало тесное классовое содружество. «По запаху волки волков узнают, и коршуны коршунам глаз не клюют»...

Полностью победа национально-освободительных сил могла быть обеспечена только после Октября, только при **большевиках**. Теперь национально-освободительная борьба связывается в песнях акына с победоносным революционным движением под руководством Ленина и Сталина.

В правильной исторической перспективе представляет себе акын и национально-освободительное движение 1916 года. В пооктябрьской поэме «Вооруженный народ» подчеркивается, что в конечном счете многие из созданных в этот период повстанческих отрядов слились с революционными силами в борьбе за советскую власть, а сам Амангельды Иманов, казахский Чапай, вступив в ряды большевистской партии, стал первым героическим военным комиссаром из казахов. Воспевая Амангельды, Джамбул с любовью ставил его в ряд с героями гражданской войны, выдвинутыми другими народами советской страны. Фрунзе, Ворошилов, Буденный, Чапаев, Щорс, Котовский — родные имена для казахского певца.

Поэма «Вооруженный народ» — одно из самых **крупных** произведений Джамбула после Октября — раскрывает всю эпопею гражданской войны в СССР:

В крови и пожарах Сибирь и Кавказ,
В дыму и огне Казахстан и Донбасс,
Киргизские степи, где кровь пролилась,
Узбекские земли, где битва велась!

Пафос вооруженной борьбы, когда «краснели от крови и Терек, и Волга, Иртыш и Нева и серебряный Дон», пафос всенародной защиты социалистического отечества от белогвардейских полчищ и интервентов — душа поэмы.

¹ Джамбул. Вооруженный народ. «Песни и поэмы», изд. «Советский писатель». стр. 113.

‘ Народ победил. «В тревожный и трудный для Родины час», в боях и схватках родилась могучая Красная Армия. Она встала на страже неприкосновенности советских рубежей. Героические традиции гражданской войны никогда не будут забыты, и изображение гражданской войны в Казахстане для Джамбула представляется частью эпического показа тех исторических лет, когда весь советский вооруженный народ боролся «за землю, за воздух, за солнечный свет, за правду, за счастье до полных побед». И так же, как в годы 1918—21 казахи шли под красным знаменем, чтобы утвердить в казахских степях советскую власть, они теперь вошли в единую Красную Армию народа, являющуюся оплотом окрепшей советской державы.

Поэма, построенная на историческом материале современности, проникнута могучим чувством советского патриотизма. Она отличается композиционной стройностью, эпически охватывая многовековую борьбу казахского народа от кровавого Тимура и палача Чингисхана, что «шли по костям пастухов и декхан», до победы Октября, до побед под водительством батыра Сталина, «что смел, как храбрейший между храбрецами, что мудр, как мудрейший между мудрецами». Характерная особенность композиции поэмы заключается в том, что она составлена из десяти глав, и каждая из них является законченной, почти самостоятельной песней.

К картинам гражданской войны в Казахстане, когда «...верных коней казахи седлали... и степь выходила к бунтарским гонцам», Джамбул неоднократно возвращался и в поэмах «Моя Родина», «Моя жизнь», и в ряде других произведений. Это вполне закономерно: от суровых дней гражданской войны ведет свое летоисчисление возрожденный Казахстан.

VII

Вдохновенно пел Джамбул о социалистическом преобразовании, о хозяйственном подъеме Казахстана;

Смотрю я на степь —
Мою степь не узнать!
Где тропы хранили верблюжьи следы—
Цветут плодоносные наши сады,
Где с ветром катились в Дарью катуны—

Насутся бесчисленные табуны,
В песках, где голодный скитался казах,
Струится река человеческих благ.
Где кляча ходила со сбитой спиной,
Летит знаменитый тулпар **вороной**.¹

Казахская степь проснулась от сна, «проклятых столетий тяжелого сна». Миллионы кедеев (бедняков) стали полновластными хозяевами жизни и под руководством партии большевиков встали в ряды активных создателей социалистического общества, двинулись догонять в экономике и культуре другие народы. Потому-то так радостно на весь мир запел престарелый акын:

Я дожил. Мечта поколений сбылась.
Великий и мудрый батыр среди нас.
Зовут его Сталин. От черного рабства,
От горя и муки народы он спас.²

Никогда не вернется прошлое, когда были «у ханов — стада, у народа — заботы», когда «в рабские пути ханы и царь заковали народ».³

В чудесной лирической «Песне о кумысе» Джамбул с негодованием вспоминал о былых временах народной нищеты. Прежде, — говорил он, — «мы пили арычную желтую воду, а баи — хмельной, золотистый кумыс». Сквозь «кумыс» образно преломляются почти все удивительные перемены, связанные с социалистической революцией в степи. Оригинальный, отмеченный национальным колоритом, образ увлекает воображение поэта:

Все наше: и степи до самой границы,
И воды в арыках, и овцы, и пшеницы,
И рыжие, словно закат, кобылицы,
И пахнувший солнечной степью **кумыс**.⁴

Не менее лирически раскрывает стихотворение «Кляча и конь» новую социальную действительность в казахской степи. Певец обращается к автобиографическому факту. Он «встретил в седле своей жизни рассвет», на жалкой кляче скитаясь по степям. Кляча худая, облезлая, с лысым лбом, со слезящимися глазами,

¹ Джамбул. Песня съезду. «Песни и поэмы», стр. 59—60.

² Джамбул. Батырам полпоса. «Сб. материалов для клубов и библиотек», Профиздат, М., 1938, стр. 112.

³ Джамбул. Я народу служу. Журн. «Литературный Казахстан», № 6, 1938, стр. 5.

⁴ Джамбул. Песня о кумысе. «Песни и поэмы», стр. 83—84.

покрытая **strupьями** и терзаемая мухами, **символизи**рует былую бедность. Всю жизнь мечтал акын об огневом темнорыжем скакуне, и мечты сбылись: великий Сталин прислал певцу «коня не сравнимой ни с чем красоты, коня лучезарной мечты».

В песне «Казахстан» слышится ликующий голос человека, дожившего до осуществления народной мечты о сказочной стране «Жер-уюк»:

Пред хозяевами сполна
Всё богатства раскрыла страна.
Кара-Тау даёт свинец,
Кокче-Тау гонит овец.
Тянет с золотом руки Алпай,
Медь обильно даёт Карсакпай,
Белый хлопок дарит Чимкент,
Шерсть овечью даёт Джаркент,
Золотые, как в сказке, хлеба
Для народа растит Актюба.
Меж озер и меж каменных глыб —
Вороной с дымной гривой **Турксіб.**
Дни и ночи грузит поезда
Черпым золотом Караганда.
В **Эмбе** гордые вышка стоят,
И кипит нефтяной водопад.
В **Кармакчинской** степи зреет рис,
К **Ала-Тау** сады поднялись, •
А в садах, слаще сна и мечты,
Спсют яблоки **Алма-Аты**¹

Джамбул не устает петь о безмерных сокровищах Казахстана, которые раньше лежали под спудом, а теперь стали достоянием народа. Мощные заводы, колхозные земли, неисчислимое поголовье скота, — все, чем богата казахская земля в результате победы социализма, — «все наше—твое и мое». И потому, что «для нас шумят хлеба в полях, для нас цветенье трав, раскрыла недра нам земля, богатства все отдав», Джамбул славит великие достижения социалистического преобразования Казахстана.

¹ Джамбул. Казахстан. «Песни и поэмы», изд. «Советский писатель», стр. 41. Эта песня, печатается в других изданиях как финал поэмы «Утеген-батыр» (см., например, «Песни и поэмы», Гослитиздат, М., 1938, стр. 136—139).

Плоды тех же достижений **сказались** на облике новых казахстанских городов. Столица республики Алма-Ата выросла в сталинскую эпоху. В поэме «Сталин» акын знакомит нас с бывшим городом **Верным**¹

Были в нем хозяином гороховой,
И поднимались из мрака и тьмы
Церковь, мечеть и дувалы **тюрьмы...**
Жил я от горьда невдалеке,
Ездил я в город на ишаке. ''
Страшен был город, глух и **нем**¹

Теперь нет прежнего Верного, захудалого **провинциального** города, на сотни километров удаленного от железной дороги. Есть Алма-Ата, социалистический город, который стал центром новой жизни. Певец **дает** прекрасную пейзажную зарисовку столичного центра, в росте которого, в облике которого отразилось все, что произошло в Казахстане за годы сталинских пятилеток:

У Ала-Тау в тепистых садах,
У Ала-Тау в душистых цветах, —
Новая, радостная, как **мечта**,
Папа любимца Алма-Ата.
Там, где слепая вздыхала сова,
Мчится веселый и шумный трамвай'.
Там, где вороны кормили птенцов,
Вижу колонны; народных дворцов.
Там, где верблюд отдыхал за бугром,
Вижу я солнечный **аэродром**.²

В песне «Алма-Ата» Джамбул называл столицу республики колыбелью народного счастья, утверждал, что «всех кладов волшебных богаче она». Певцу **степей** Алма-Ата представляется центром индустриализации, и он восклицает:

Цвети, моя радость, краса моих глаз.
Я **вспомню** в пути тебя тысячу раз

Алма-Ата воспета многими казахскими **поэтами**³, но лучшие песни о ней принадлежат Джамбулу.

¹ Джамбул. Сталин. Сб. «Сурашши-батыр», стр. 33.

² Там же.

³ См, например, поэму Т. Жарокова «Шток», КИХЛ, Алма-Ата, 1937, стр. 48—49, современную казахскую сказку, в журн. «30 дней», № 1, 1938, стр. 72.

Воспевал акын в «Песне о друге Сталина» Турксиб, а в песне «Дорога в степи» строительство новой дороги Акмолинск—Карталы. Становилось наглядно, как железнодорожное строительство оживляет некогда пустынные просторы Казахстана:

В аулы, на джайляу, в города
Сыны мои проводят посзда...
...Степями, где стонал от зноя нар,
Проносится мой огненный тулпар,
Над белой гривой—рельсы в серебре
Поют, гудят, как струны на домбре.
Сам Сталин мой побудет в Москве
Дорогою счастливых сыновей,
Которую в глухой простор Арки
С наркомом провели большевики¹.

Казахская ССР, как и все братские республики Советского Союза, может гордиться не только освоенными природными богатствами, но и новыми людьми. Казах-бедняк, расправив согбенную под байской плетью спину, стал проявлять богатырскую силу духа. Стахановцы, знатные люди колхозов и совхозов, деятели науки, многочисленные национальные кадры, занятые во всех областях социалистического строительства, — всех их выдвинула революция, и не только выдвинула, но и ответственным образом вооружила. Вышла также на широкую общественную арену женщина-казашка. Джамбул в «Поэме о Ворошилове» верно предсказывал, что «...джигиты отважные выйдут из нас, каких не знал Тимур и Манас, какие не мчались песками империй при Кире персидском и при Искандере».

Обаятельный образ новой девушки-казашки предстает в лирической «Песне о девушке». Стройная, «нежнее тюльпана», «как смуглое яблоко Алма-Аты», она спокойно и радостно живет под высоким советским небом. Ей никогда не придется испытать горестную судьбу Кыз-Жибек, ее не продадут за калым, как рабыню: весь мир открыт перед нею, она, равноправная, выходит на широкие пути новой жизни.

¹ Джамбул. Дорога в степи. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 3, 1940, стр. 81

VIII

В пооктябрьских произведениях Джамбула во весб-
рост встает лирический герой, народный певец, подняв-
шийся из безвестности к вершинам общего признания. У
нашего акына это больше, чем повесть о себе: это —
повесть о судьбах народного искусства в сталинскую
эпоху.

Дореволюционноебытие казахского певца сводилось
к беспросветному прозябанию. Приходилось влачить му-
чительную нищенскую жизнь, в которой единственной
радостью была песня:

«В этой пропасти я родился и 70 лет тщетно пытался
выйти к солнцу, вздохнуть полной грудью, запеть пол-
ным голосом. Когда я, обессиленный, добирался до цели
и начинал петь песню солнцу, передо мной вырастал
мулла. Он благословлял меня и... с молитвой сбрасывал
обратно в пропасть.

Я набирал силы и снова достигал вершины, но передо
мной появлялся волостной старшина. Он, держась за
вековой чинар, протягивал мне руку..., в руке этой был
зажат отточенный нож. Я, рая измученные руки, снова
летел в пропасть.

Теряя последние силы, я поднимался еще и еще по
крутым хребтам. Царский губернатор и окружающие
его баи, судьи, муллы и важные сановники, глядя свер-
ху, хлопотали и, «спасая» мою жизнь, бросали мне верев-
ку. На конце веревки была петля. Она так охватывала
мою шею, что в жилах леденела кровь. Я цеплялся
окровавленными руками за веревку, и, зубами перетры-
зая ее, летел обратно* пропасть.

Так прошло 70 лет. На 71 году я достиг, наконец,
счастливой жизни. Обессилевшему, измученному мне
протянули теплые отеческие руки два могучих велика-
на-батыра — Ленин и Сталин. Я поднялся из пропасти
и увидел чудесные цветы, душистые травы, бесчислен-
ные табуны, волшебные юрты. Я увидел настоящее
солнце, я дышал чистым, как горный хрусталь, возду-
хом. И душа моя зацвела, как яблоня, глаза заблесте-
ли, как звезды, сердце забилося, как дождь о землю,
песня полилась, как река Или весной, я помолодел и
стал, как джигит восемнадцати лет»¹

¹ Джамбул. Мое счастье. Газ. «Казахстанская правда» от
20 мая 1938 года.

В сущности об этом же поет Джамбул и в своих поэмах «Моя Родина» и «Моя жизнь». Джамбул дожил до той изумительной поры, когда осуществились вековые мечты всего человечества. Так «стал на старости кедей счастливей всех людей». Образ советского акына встает в его песнях, как символ возрождения всего казахского народа. Измученный былыми испытаниями, он заслужил теперь славу далеко за пределами родной степи, стал певцом сталинской эпохи, депутатом Верховного Совета Казахской ССР, и с неожиданной юношеской силой зазвучал его голос:

Снова юность, как чудом, Джамбулу дана,
Будто кровь, как кумыс, забурлила, **ззенья**,
Будто снова моя разогнулась спина,
Будто белые зубы растут у меня.

Молодой в свои девяносто лет,
Жизнь прожив, как самый последний кедей,
Я принес тебе, Сталин, народа привет
И любовь возрожденных тобою **людей**.¹

В стихотворении «Счастье» Джамбул вспоминает, как мучительно бывала раньше одинокая старость бродячего акына. Умиравший седой акын-казах встречал смерть с радостью, ибо «он счастья в жизни не знал». А теперь Джамбул чувствует себя счастливейшим стариком, потому что

К источнику живой воды горячим ртом припик,
И снова стал силен и юн, как ветер с гор,
Как звонко скачущий **тулпар**, стремящийся в простор.
Как сокол, чьи глаза зорки и кплов, как сталь, остер,
Как лебедь с дальних золотых, сверкающих озер.
В бездонной синей высоте звезда моя горит,—
И песня звонкая моя народу **говорит**.
Я кубок счастья пью до дна. Я счастлив, что живу
И сталинский счастливый век увидел наяву.²

Счастье и душевную молодость — эти два драгоценнейшие дара обрел Джамбул после Октября. Теперь он ощущает себя ровесником комсомола. «Могу ли от счастья и радости с нею (т. е. родиной — М. Р.)

¹ Джамбул. Песни и поэмы, стр. 23—24.

² Джамбул. Счастье, журн. «Новый мир», №5, 1938, стр. 14.

не петъ я?»—спрашивал Джамбул в песне «День героев» и отвечал в «Песне народу»: «почуяв, что юность кипит в старике, запел о великом большевике на родном своем языке».

Горький как-то признавался, что в советский период он писал «в том настроении, которое на утренней заре культуры позволяло людям создавать неувядаемые поэмы, легенды»¹, что всенародная любовь к творениям писателя «омолаживала» его². Маяковский, ощущая юношески бодрый, неутомимый темп жизни в советской стране уверял: «лет до ста расти нам без старости». В Казахстане сподвижники Джамбула (почти ровесники его) — талантливые казахские акыны Доскей, Орунбай, Шашубай — неустанно поют о возвращенной юности.

Неудивительно, что колоссальный запас опыта, многообразное содержание духовной жизни поэта, — все, что раньше не получало возможностей для всестороннего проявления, теперь стало почвой для творческих вдохновений.

Джамбул хорошо понимал, что он как поэт обязан советской эпохе просветлением и обогащением своего сознания. Ленинско-сталинские идеи, преобразующие мир, открыли мудрому поэту глаза на законы истории, помогли выработать новое мировоззрение. О расширении кругозора акына говорит следующее лирическое его признание:

Я в старости вызнал все тайны вселенной,
Красу ее, прелесть и смысл сокровенный,
И выси хребтов, и пространства степей,
И недра земли, и глубины морей,
Мы были слепыми, но зрячими стали,
Глаза нам открыл на вселенную Сталин.³

Новое социалистическое сознание, властно диктовавшее стремление «по-ленински думать, бороться и жить»⁴, помогло певцу сталинской эпохи увидеть и познать новую действительность, после чего создать произведения высокой большевистской идейности.

¹ А. М. Горький. О кочке и о точке. Сб. «О литературе», стр. 169.

² Там же, стр. 19.

³ Джамбул. Гассму Лахути. «Песни и поэмы», стр. 88.

⁴ Джамбул. Ленин и Сталин. «Песни и поэмы», стр. 21.

Типичными чертами лирического героя в **песнях** акына являются: беззаветная верность родине, народу, партии Ленина — Сталина, пламенная любовь к **великому** Сталину и глубокая ненависть к врагам.

Лирический образ Джамбула — это образ большевика в искусстве, благородного, взыскательного к себе художника. Это — образ певца-казаха, до конца **преданного** своему народу.



ГЛАВА ШЕСТАЯ

ЭПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЛЕНИНА И СТАЛИНА



I

В центре творчества Джамбула стоят величественные образы Ленина и Сталина. Полные истинно художественного совершенства, образы гениальных деятелей XX века, созданные акыном, являются наиболее волнующими в восприятии советских людей.

Лучшие поэтические краски, весомейшие слова-жемчужины привлекались Джамбулом для изображения Ленина и Сталина. Но, как и многие настоящие мастера искусства, народный поэт признавал, что еще не найдены художественные средства, достойные портретов тех, кто открыл новые пути мировой истории. Подобно Маяковскому, который в работе над поэмой «Владимир Ильич Ленин» остро ощущал, «как бедна у мира слова мастерская», и стремился найти такие поэтические средства, чтобы его голос «просто правду резал, как режешь ножом хлеб», — Джамбул говорил:

Обидно Джамбулу, что беден язык,
И слов нехватает, чтоб так прозвенеть,
Чтоб сталинский гений достойно **воспеть**.¹

¹ Джамбул. Ленин и Сталин. «Песни и поэмы», изд. «Советский писатель», стр. 12.

Невозможно одному певцу охватить величие ленинского и сталинского гениев, грандиозные масштабы их дела и любовь миллионов трудящихся к Ленину и Сталину. Таким сознанием ответственности и трудности возникающей творческой задачи исполнены все поэты нашего времени. Как и Джамбул, они субъективно познают великую муку бессилия, обращаясь к художественному созданию образов необыкновенной сложности и емкости¹.

«Надо про Сталина написать, — рекомендовал А. М. Горький Вс. Иванову. — Трудно написать о человеке, умственно изумляющем нас, но художник не имеет права говорить: «Я изумлен, — и поэтому не могу приступить к портрету». Преклонение и восхищение — само собой, а художник — само собой. Художник должен взять кисть и писать...»².

Так и поступал Джамбул. Он сознавал вместе с другими деятелями многонационального советского искусства, что то, что не под силу отдельным мастерам слова, будет сделано общими силами, что на помощь поэтам придет весь народ и даже сама природа;

Я в степь пойду, когда солнце взойдет,
Из юрт позову я колхозный народ.
И грянем мы песню, и будет нам в лад
Грметь ниспадающий с гор водопад,
Трава шелестеть, и журчать родники,
И тихо по ветру шуметь тростники,
И даже на самой далекой звезде
Слышна будет песнь о великом вожде!³

В поэме «Моя Родина» акын настаивает, что главной задачей поэтов и писателей остаются поиски наилучших художественных решений в работе над

¹ Марфа Крюкова. Слава Сталину будет вечная (русская былина). Сб. «Творчество народов СССР», изд. редакции газ. «Правда», 1937, стр. 104; Гельлы Курбан Сахат-оглы. Я песню народу пою. Сб. «От края до края», изд. «Искусство», М., 1938, стр. 26—27; Письмо чувашского народа великому Сталину. Сб. «Сталин в поэзии», Гослитиздат, М., 1939, стр. 349. Об этом же говорится и в других произведениях о Сталине. См. «Сталин в поэзии», стр. 17, 25, 35, 86, 227.

² Вс. Иванов М. Горький в Италии (из воспоминаний). Журн. «Новый мир», № 6, 1937, стр. 24.

³ Джамбул. Лепни и Сталин, «Песни и поэмы», изд. «Советский писатель», стр. 12.

образами Ленина и Сталина. После широко известных строк поэмы, где дана сильнейшая из характеристик Сталина, читаем:

С родною домброй по степям я пройду,
Сокровище слов в народе найду,
Я песни посезо в пылких сердцах,
И вырастут песни стенного певца.
В песнях этих найдут поколенье
Достойное Сталина сравненье.¹

II.

Ленин и Сталин, соответственно исторической действительности, живут в песнях Джамбула как ближайшие друзья и соратники, как народные «батыры», которые подняли и возглавили священную революционную войну против врагов счастья человеческого.

Как сила столетий, бессмертные встали
Батыры народные Ленин и Сталин.
Шли с ними джигиты на артамаках
И красное знамя, как сердце, в руках
Священное красное знамя держали.
Пари и султаны от страха дрожали,
Могучи удары батырской руки —
Змеиные головы сняли клинки.
В октябрьские грозы, в бушующий год
Встречал возрожденный, свободный народ
Весны своей утро и славы восход.²

Эти строки из песни «Клятва бойца» выдержаны в типичной для Джамбула манере. Их смысл в том, чтоб показать революционную энергию величайших «народных батыров». При этом часто привлекаются любимые у казахов героические образы Рустема, Утегена, Исатая, отважных борцов народно-освободительной борьбы в прошлом, чтобы художественно конкретизировать и вместе интегрировать характеры величайших людей, которые в нашу эпоху так неизменно и так блистательно одерживали победы.

Обращение при воссоздании образов Ленина и Сталина к героям прошлого — характерная особен-

¹ Джамбул. Моя Родина. Газ «Правда», от 7 мая 1936 года.

² Джамбул. Клятва бойца. Сб. «Суранши-батыр», стр. 59.

ность поэзии наших восточных народов. Естественность такого обращения кроется в том, что восточные певцы, пораженные всемирно-историческими масштабами деятельности вождей социалистической революции, естественно стремятся поднять всю богатую орнаментику старого Востока, чтоб отыскать хотя бы приблизительные аналогии. Их не находят, ибо не было равных тем, кто впервые претворил в жизнь идеи социализма. Азербайджанский ашуг поет:

Оглянувшись, посмотрел я в даль веков,
В глубь истории — и вывод мой таков:
Равных нет тебе, о вождь большевиков!
Пам мудрейшего история дала
Из вождей, что за столетья родила.¹

В узбекской народной песне «Воины и Ленин» образ Ленина противопоставляется хищным завоевателям Средней Азии Тамерлану, Чингис-хану, Искандеру, ибо Ленин «один в восемь лет построил, что они разрушали тысячу лет»².

Сходство представлений Джамбула с представлениями азербайджанского ашуга и других национальных певцов, тождественность их вывода в отношении несоизмеримости вождей Октября с героями прошлого — показывают, что обращение поэзии к истории — лишь простой художественный прием.

Обращение Джамбула к именам казахских героев раскрывает еще одну характерную тенденцию. Акын хочет напомнить, что борьба Исатая, Суранши-батыра, Утегена и многих других неизбежно кончалась поражением. Только теперь волею великанов Ленина и Сталина, достигнута окончательная победа. Семь веков искал сказочный степной певец Асан батыра, способного «разбить вековой замок, за которым богач берег, за которым мулла стерег, как яблоки своих глаз, все украденное у нас»³. Теперь такой батыр явился, собрав в себе слезы, горе, радость, мудрость и силу веков. Сталин, продолжая дело Ленина, оказался этим легендарным батыром-победителем.

¹ Ашуг А. Гилев. Сталин. Журн. «Знамя», №11, 1937, стр. 191.

² Сборник о Ленине. Гослитиздат, М., 1939, т. II, стр. 305.

³ Б. С. К. Оп, как утро, пад миром встает. Цитир. сборник «Сталин», стр. 135 и 136.

Обращение к историческому прошлому в форме **ли** противопоставления или очень условного поэтического сравнения при создании ленинского и сталинского образов лишь устанавливало связь классического эпоса с героическим эпосом современности. Джамбул и здесь шел по пути, типичному для всего социалистического искусства.

Изображения Ленина и Сталина не носят у Джамбула созерцательного характера. Они содержат в себе благороднейшую тенденцию: показать бессмертие ленинско-сталинского дела, необходимость воспитания и развития возможно более значительной доли качеств народных батыров в миллионах современников.

Ш

В «Песне о Ленине» Джамбул показывает Владимира Ильича как мыслителя, открывшего пути для победы рабочего класса, как вождя социалистической революции, поднявшего на решительный бой «народы закованных стран». Гений Ленина, «могучий, широкий, бушующий, как океан, велик и безбрежен», он бессмертен.

В поэтической характеристике — «батыр человечества» — Джамбул раскрывает всемирно-историческую роль Ленина. Вечно живой голос батыра человечества, по словам акына, «льется на север, на запад, на юг, на восток, он рвет все плотины — всемогущ, могуч и глубок».

Везде твое пламя: в отваге испанских бойцов,
В китайских солдатах, идущих на **смерть**.—ты не пленен—
В героизме штурмующих капитализм храбрецов,
В упорстве томящихся в тюрьмах народных бойцов.
Везде твое пламя, борьбу вдохновляющий **Ленин**¹.

Ленинский гуманизм, 'любовь к человеку труда" и непримиримая ненависть к врагу, чудесно раскрытые Горьким в воспоминаниях о В. И. Ленине и Маяковским в поэме «В. И. Ленин», подчеркиваются и в джамбуловских строках:

¹ Газ. «Казахстанская правда» от 22 апреля 1940 года»

Глаза твои видим. Как летнего солнца **лучи**,
Они согревают сердца нам во время **сражений**.
От блеска их сразу теряют покой богачи,
Бледнеют от страха дупителю и палачи...

Интересно развитие мысли о бессмертии дела и учения Ленина. В большинстве произведений, посвященных Владимиру Ильичу, утверждается идея вечности ленинских заветов и ленинской славы в мире. Как к вечно живому, обращаются к Ленину **таджикские поэты**¹. В грузинской **народной** песне «Два солнца» Ленин отождествляется с вечно сияющим солнцем, дающим «жизни цвет», и утверждается: «погасить твой бессмертный луч — сил таких во вселенной нет!»².

Джамбул независимо от аналогичных произведений выражал мысль о бессмертии Ленина в собственных оригинальных выражениях:

Бессмертен твой образ! Миллионы, шагая в рядах,
Ему подражают, горя в благороднейшем **рвении**. •
Растись ты геросв на фабриках и на полях.
Они с орденами. На их золотых **орденах**—
Твой образ, любимый, забвеньем не тронутый Ленин!
Бессмертен твой образ! Ты жив в напряженной борьбе,
В огнях электричества, в чистом сиянии стали,
И в песнях народа, и в нашей счастливой судьбе,
И в том, кто один в гениальности равен тебе,
Кого мы зовем, как отца и водителя—**Сталина**!³.

Счастливое сознание, что деятельность Ленина **по-**дожила начало возрождению народов, в том числе и казахского народа, что сталинское претворение ленинских идей в реальную действительность стало источником «второго рождения» самого певца, наполняет лирическим пафосом вступительные строфы «Песни о выполненной клятве»⁴. Свет ленинского дела, ленин-

¹ Таджикская народная песня «Исполни веков», библиотека «Огопка», № 55—56, М., 1937 г, стр. 73.

² Сб. О Ленине, том. II, стр. 308; см. даргинскую народную песню, там же, стр. 320; грузинскую песню «Памяти Ленина», стр. 340, татарскую «Стопало море», стр. 370—371, русскую сказку «Ленин не умер—он жив», том I, стр. 566—568.

³ Майская песня. Газ. «Казахстанская правда» от 22 апреля 1940 года.

* Джамбул. Песня о выполненной клятве. Сб. «Суранши-батыр», стр. 78—80.

ских идей возродил певца", призвал его к творчеству, а в годы Сталинской Конституции певец достиг наивысшего поэтического расцвета. Но Джамбул сейчас же от автобиографического плана переходит к характеристике образа Ленина в плане эпического обобщения;

Разве мы видели солнца восход?
Нет, мы не видели солнца **восход**!
Ленин родился — стало светло,
Ленин родился — солнце **взошло**.
...Разве мы жили когда без печали?
С ней мы рождались, с ней умирали.
Ленин родился — печаль умерла,
Ленин родился — и радость пришла.

Традиционными приемами народно-эпической поэзии возвышенно и точно Джамбул передает ощущение власти Ленина над нашими чувствами, ощущение обаяния Ленина-человека. Особую теплоту любви сообщают песне интонации задушевного рассказа. Как тут ни красочны и ни своеобразны поэтические средства, привлеченные к созданию образа, они так естественны, так правдивы в данной композиции, что читая невольно думаешь: именно такими же выражениями лично каждый из нас сказал бы о любимом Ленине.

Народность ленинского образа — важнейшее качество художественного мастерства Джамбула. В песне «Ленин и Сталин» рассказывается о посещении ленинского мавзолея, где он, Ленин, «лежит как живой, **спокойный** и мудрый, простой и родной». Не только общая картина посещения мавзолея встает такой, какой она запечатлелась в сознании посетивших его миллионов людей, но и психологические переживания певца предстают такими, какие типичны для миллионов:

...Шепту по-казахски сыновий привет,
И клятву шепчу ему — **ленинцем** быть,
По-ленински думать, бороться и **жить**¹ —

говорит Джамбул, и эти же слова, конечно, повторяют на разных языках и русские, и ойроты, и негры — все, в ком бьется честное сердце человека труда. В этой народности воссоздаваемых образов Ленина и

¹ Джамбул. Ленин и Сталин. «Песни и поэмы», стр. 21.

Сталина, в правдивости передачи народных представлений о них и кроется обаяние джамбуловских песен.

Образ Ленина выступает в ореоле любви и преклонения всех народов мира. Это хорошо передано в той же картине посещения ленинского мавзолея:

Стоит мавзолей в самом центре земли,
Народы, как реки, к нему потекли.
Идут и таджик, и ойрот, и казах
С любовью в сердцах и с печалью в **глазах**.
Идут и афганец, и перс, и араб,
Как дети к отцу и как воины в штаб.

В «Песне о выполненной клятве» Джамбул, **восстав** навливая стихами основные положения исторической клятвы товарища Сталина у гроба вождя, находит самые нужные для этого случая слова:

Сталин поклялся, и клятва живст,
Родина наша, как солнце, встает,
Родина наша, отчизна моя
Сталью одета, готова к боям.
Сталин орлиную клятву давал,
Сталин орлиную клятву сдержал.
Сталин весь мир за собою ведет,
В Сталине Ленин бессмертный **живет**.¹

Далее Джамбул достигает поэтического эффекта тем, что передает конкретные положения сталинской клятвы и одновременно показывает ее историческое значение.

IV

«Великий Ленин в Сталине живет», — так с предельной сжатостью, напоминающей известные слова Анри Барбюса «Сталин — это Ленин сегодня», Джамбул представил отражение в народном сознании великой дружбы и великой преемственности, сливших воедино

¹ Джамбул. Песня о выполненной клятве. Сб. «Суранши-батыр», стр. 80.

имена двух мировых вождей. Оба имени нераздельно представляются человечеству знаменем новой эры в мировой истории, символом возрождения человечества, олицетворением торжества социалистических идеалов на земле.

Дела и жизнь Сталина — ведущая тема всей советской поэзии, ибо эта тема идейно-всеобъемлюща, она отмечена чертами величайшего синтеза. Джембул так и подходит к ней. Даже в количественном отношении Джембул, сравнительно с другими певцами, создал наибольшее число произведений, посвященных вождю народов. Знакомясь с библиографическим справочником поэтических произведений о товарище Сталине, опубликованным в декабре 1939 года, в этом нетрудно убедиться.¹

Пламенный трибун большевистской партии С. М. Киров когда-то превосходно сказал о том, как практическое строительство социализма спаялось с именем великого Сталина:

«Трудно представить себе фигуру гиганта, каким является товарищ Сталин. За последние годы, с того времени, как мы работаем без Ленина, мы не знаем ни одного поворота в нашей работе, ни одного сколько-нибудь крупного начинания, лозунга, направления в нашей политике, автором которого был бы не товарищ Сталин, а кто-нибудь другой. Вся основная работа — это должна знать партия — проходит по указаниям, по инициативе и под руководством товарища Сталина. Самые большие вопросы международной политики решаются по его указанию, и не только эти большие вопросы, но и, казалось бы, третьестепенные и даже десятистепенные вопросы интересуют его, если они касаются рабочих, крестьян и всех трудящихся нашей страны.. Могучая воля, колоссальный организаторский талант этого человека обеспечили партии своевременное проведение больших,

¹ Журн. «Литературное обозрение», № 24, 1939 г., стр. 61—62. Библиография составлена библиографическим кабинетом Союза Советских писателей и охватывает только сборники и отдельные издания. Произведения Джембула зарегистрированы под №№ 52—71.

*исторических поворотов, связанных с победоносным строительством социализма"*¹

Когда Джамбул и другие советские поэты избирают образ Сталина центральным образом своих эпических и лиро-эпических произведений, они прежде всего руководствуются сознанием вдохновляющей роли сталинского гения в созидании нашего социалистического общества. Народное творчество воссоздает образ Сталина по законам построения эпического характера народного героя, в котором, как некогда в древних мифах или в легендарных титанах, воплощается все самое важное современной жизни.

Но Джамбул и его поэтические соратники не нуждаются в фантастических преувеличениях, ибо реальные дела Сталина выше и значительней самой смелой человеческой фантазии. В Сталине каждый видит, любимейшие черты: в нем — большевике, в нем — человеке обобщенно представлено все лучшее, что живет в нашем народе.

В народных песнях, по словам Анри Барбюса, всегда «звучит голос масс, в них слышится зов истории»². Всеобъемлющий образ великого Сталина, воссозданный в песнях Джамбула, получает огромное познавательное значение. Он документирует и материализует в художественных формах деятельность гения всего человечества, его титанический труд, положенный на социалистическое преобразование мира. Он запечатлевает для веков живое дыхание самого родного нам и любимого человека эпохи.

Сталин — не только гений эпохи. Он — человечнейший из всех людей. В постоянном органическом переплетении находятся два плана в показе образа Иосифа Виссарионовича Сталина. Они до краев наполняют содержанием золотую чашу поэтического вдохновения Джамбула, когда он заговаривает о первом «народном богатыре» наших дней.

В песне «Сталинские батыры» певец утверждает, что образ Сталина, «начало всех песен, всех вещей и огнен-

¹ С. М. Киров. Избранные статьи и речи. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937 г., стр. 479—480.

² Анри Барбюс. Современная Грузия и Закавказье. Газ «Известия» от 29 июля 1928 года.

ных строк, поток вдохновения и знамя поэзии», стоит в центре его художественного творчества:

Я Сталина славлю во всех моих радостных` песнях,
Бурлящий родник кристальных и светлых идей...

В «Октябрьской песне» эта же мысль высказывается в расширенной форме:

На всех языках мы поем об одном,
О Сталине мудром, великом, родном.

Программное утверждение Джамбула полностью совпадает с призывом участников слета сказителей в Москве, подписанным Марфой Крюковой, Анной Барышниковой, Федором Коношковым и другими выдающимися мастерами народного творчества: «Пойте славу премудрости наших вождей и первого из них, самолучшего из лучших — дорогого товарища Сталина. Мы, очевидцы его славы и мудрости, сложим песни, достойные его великих дел, такие песни, чтобы их от всей полноты сердца продолжали петь внуки наших внуков и правнуки наших правнуков»¹.

Сходство идейных и эмоциональных мотивов у русских сказителей, казахских и киргизских акынов, кавказских ашутов, туркменских бакши, якутских олонгохутов отражает морально-политическое единство советского народа, сплоченного вокруг своего вождя, друга и отца.

Что бы ни воспевал Джамбул, на какое бы явление действительности он ни откликался — возьмем песни о Москве, Красной Армии, Кирове, Тарасе Шевченко, Руставели, Горьком, Сулеймане Стальском, возрожденных степях Казахстана, учителях, детях, колхозах, заводах, шахтах — везде звучит лейтмотив, естественно сводимый на образ человека, нужнее которого для народов «нет на всей неоглядной планете-земле». В этой упорной работе над раскрытием величия и всеобщности сталинского духа нашло отражение только то, что глубоко заложено во всей нашей современности. Ведь справедливо сказано:

¹ Песни и сказки на службу народу. «Литературная газета» от 5 июля 1939 года.

Сталин — в каждой мысли у **нас**,¹
Сталин — в каждом сердце у **нас**,
Сталин — в каждом деле у нас,
Сталин — в каждой песне у **нас**.¹

По силе реалистической типизации, по **эпической** полноте изображения Сталин особенно ярко **о**характеризован в песне «Сталинские батыры». Яркие поэтические определения исполнены здесь афористической **лаконич**ности, исторической точности и идейной **содержатель**ности:

Бурлящий родник кристальных **и** светлых идей,
Счастливую жизнь несущий для Родины— **Сталин!**
Теплыню заботы согrevший миллионы людей,
Народы **сплотивший**, отец **человечества**— **Сталин!**
...Великой победы гремящий могучий поток,
Взрывающий скалы, **преграды не знающий**,—**Сталин!**
Кипучая **сила**—**пред** ней небеса и земля
Склонились покорно. Та сила **великая**— Сталин!
Смотрите, **народы**,—**цветут** и сады и поля,
И домбры звенят, и в звонах **серебряных**— **Сталин!**
Он—правда вселенной и гений народной душа,
Для нас без него **померкла** бы синь **небосвода**,
Он шире Арала и выше жемчужных вершин.
Дарит ежечасно он счастье свободным **народам**.²

Таково **идейно-художественное** содержание **рисуем**го Джамбулом образа великого Сталина. **Многогран**ность этого поэтического образа, рождающая **массу** ассоциаций, — серьезная победа народного акына **над** трудностями творческого решения сложнейшей **задачи**. И одновременно, как проста и отчетлива каждая фраза песни, как скульптурно ошутима каждая **художествен**ная деталь! Задушевность и теплота придает песне еще и особенное звучание.

Самые выразительные народные сравнения и **метафо**ры привлекал Джамбул, рисуя сталинский образ. Солн«це, огонь, океан, орел, памирские горные вершины, безбрежная степь, **звезды**, Аральское море, богатства **зем**ли, — все, что издавна бытует в народном **мироощущ**е-

¹ Джамбул. Песня о **Москве**. «Песни и поэмы», стр. 46.

² Джамбул. Сталинские **батыры**. «Песни и поэмы», стр. 17, издание «Советский писатель»,

нии, как понятия и представления о величественном мире, вводится в художественную ткань песен, узорную, богатую красками. В стихотворении «Ленин и Сталин» Джамбул рисует сталинский облик так:

Он разумом выше Намира и звезд
И к людям внимателен, ласков и прост,
Как солнце, он ясен, высок и могуч,
И греет народы теплом его луч.
Он, как океан, необъятно велик.¹

В финале поэмы «Утеген-батыр» говорится:

Сталин — солнце! Гори и свети!
Богатырским здоровьём цвести.²

В песне «Орлы нашей родины» образ Сталина вырисовывается на фоне легендарно-героического отождествления с могучим эпическим воином-всадником на сказочном коне-тулпаре:

У Сталина пашка, как мысль, остра.
Тулпары его обогнают ветра.
Копье у него словно искра сияет,
Гранитные горы, как воздух, пронзают.
Он крепок и юн, как чинара густая,
Он солнечно-ясен, как степь золотая,
Он крепости создал у наших границ,
Послал сторожить их всевидящих птиц.³

Сознание важности полноценного или, как говорится, адекватного построения образа Сталина настоятельно диктует Джамбулу поиски новых художественных приемов. И вот в поэме «Моя Родина» автор применяет оригинальный прием. Он сперва прибегает к наиболее традиционным сравнениям для показа главы советского народа, затем повторением фразы, несколько видоизмененной с помощью отрицания полноты использованного сравнения, дает ощущение истинного облика Сталина, величие которого требует новых форм художественного выражения. В результате:

¹ Джамбул. Песни и поэмы, стр. 21—22.

² Джамбул. Песни и поэмы, стр. 139.

³ Джамбул. Орлы нашей родины. Журн. «Литературный Казахстан», № 10, 1938 г., стр. 10.

С пророком хотел я тебя сравнить,
 С пророком не мог я тебя сравнить —
 Правду пророк не умел говорить!
 В словах твоих, Сталин, правда и свет,
 Меркнут пред ними **фарыз-сундет**¹.
 Хотел с океаном тебя сравнить,
 Не мог с океаном тебя сравнить!
 И в океане порой корабли
 С распоротым дном сидят на **мели**...
 С полярной звездой хотел сравнить,
 С полярной звездой не мог сравнить!
 Она, как приколотая **гвоздем**,
 Вечно стоит на месте своем...
 С горами хотел я тебя сравнить,
 Из гор тебе не равна ни одна —
 У каждой горы вершина видна...
 Хотел тебя с полной луной **сравнить**,
 Не мог тебя с полной луной **сравнить**!
 В небе она холодна и **бледна**,
 Свет свой струит лишь ночью луна.
 И с **солнцем** хотел я тебя сравнить,
 Не мог я тебя и с солнцем сравнить!
 Может и солнце порой изменить —
 Светит оно лишь в ясные дни.
 Сталин! Сравнений не знает старик...
 Сталин, как вечный огонь, горит.²

Рисунок сталинского образа здесь не только **эпичен**, но и лирически озвучен. Чувство личной благодарности старика-казаха, который еще недавно проклинал свою горестную судьбу, а теперь стал счастливейшим из певцов, придает сталинскому образу отсвет интимности и внутренней одухотворенности.

Сочетание эпического и лирического в изображении великого Сталина характерно для всего творчества народов СССР. Иначе и не может быть: каждый художник слова, — на каком бы языке он ни творил, — стремясь к эпической масштабности в показе сталинского **образа**, выражает вместе с тем личную радость от сознания

* **Фарыз-сундет** — **законы** мусульманской религии.

* Джамбул. Моя **Родина**. «**Песни и поэмы**», стр. 145.

отеческой заботы мудрого вождя о его народе. В народной узбекской песне о Сталине певец с восторгом говорит о счастье чувствовать «в пушинке каждой живую радость Ферганы», чувствовать «в одной коробочке пушистой» сердце всей страны. Лирическая взволнованность певца этим не ограничивается. Читаем дальше:

Когда на родину смотрю я,
Мой чистый взор исполнен счастьем;
Смотрю не в силах **насмотреться**,
Величьем жизни потрясен.
И нет предела **изобилью**,
И мало слов, чтоб выпить радость.
Тогда произношу я — Сталин
И в этом выражаю **всё!**

✓ Сочетание эпического и лирического исключает риторику, которая некогда свойственна была восточной поэзии. Абсолютно чужд холодной риторике и Джембуг. Он со всей страстью поэтической натуры поет о том, кто, по словам грузинского поэта, любит человека так, как никто в мире, кто «везде, где воля и труд, и где правда».

- - - V

Величавый лик вождя Джембуг рисует, схватывая его, так сказать, в разных поворотах к объективу. Благодаря этому из песен и поэм акына вырастает как бы вся монументальная фигура Сталина. Жизнь и деятельность первого человека нашей страны богата столь многообразным содержанием, что вне этого многообразия поэтическое воплощение Сталина и не может быть полноценным.

Посещение Гори, родины Сталина, оставило у Джембуга неизгладимое впечатление. Он выразил его в песне «На родине Сталина». Подробное описание скромного домика, или, как выражается поэт, «зимовки», где прошло детство Иосифа Виссарионовича, позволяет подчеркнуть, что и сам товарищ Сталин испытал и бедность, и тяжелый труд, и **бесправие**, — все, чем страшна была жизнь трудовой семьи в царской России. Мысль поэта идет дальше: он напоминает, что такая жизнь была повсеместно, была и в казахских степях. К скромной

Сталинской «зимовке» стекаются «мечты и надежды народов земли», потому что здесь родился на счастье трудящимся созидатель новой жизни. Певец прославляет его, ибо ему обязаны народы своим **возрождением**:

Сталин любимый, тебе мое слово,
Ты вывел народ мой из темных зимовок,
Ты с теплой заботой родного отца
Нас поселил в величавых дворцах. /
Ты реки хрустальные в степи пустил,
Ты паши пустыни в сады превратил,
Ты гордость народов, их сила и слава,
Их вечная дружба, их вечное право.
На радость, на счастье, на жизнь и на труд
Народные думы тобою **живут**.¹

В «Поэме о Ворошилове» Джамбул показывает **подпольную** дореволюционную деятельность Иосифа Виссарионовича среди бакинских рабочих, «которых сам Сталин на штурмы водил». Товарищ Сталин выступает здесь и как организатор революционного движения рабочего класса Закавказья, и как воспитатель славной кагорты большевиков, в том числе К. Е. Ворошилова:

Сквозь прошлые годы, как в проседи дыма,
Мы видим в Баку Ворошилова Клима.
И с ним человека, с лицом, как у всех,
С усами, в которых скрывается смех,
Кто дал нам, казахам, руками своими
Свободу —
И земли,
И самое имя,
Кто в Грузии вырос, как горный орел,
В Баку прилетел и к победам **повел**...²

Исторически верно в этой же поэме показан **товарищ Сталин** как руководитель борьбы за Царицын, где «решалась судьба революции всей».

¹ Джамбул. На родине Сталина. Сб. «Путешествие на Кавказ», стр. 89.

² Джамбул. Поэма о Ворошилове. «Песни и поэмы», изд. «Советский писатель», стр. 91—92.

Там, к смерти готовы, сражениям **рады**,
Встречали врагов боевые отряды,
Там ливни **хлестали**, по порох был **сух**—
Там Сталин,
Там правда,
Там сталинский дух.
В трудах обороны, в раскатах сражений
Сказался немеркнувший сталинский гений
И опыт могучий, и пыл боевой,
И сила, и знания, и воля **его**.¹

Где Сталин, там правда, где Сталин, там победа, — вот то идейное обобщение, которое дается в картине обороны Царицына.

В поэме «Вооруженный народ» Сталин показан как соратник Ленина в организации вооруженного восстания в Октябре 1917 года. По призыву Ленина и Сталина вооружается народ, чтобы сражаться «за землю, за воздух, за солнечный свет, за правду, за счастье до полных побед». Полководцами вооруженного народа стали «светлые гении — Ленин и Сталин». Сталин дальше — душа всех блистательных успехов Красной Армии на фронтах гражданской войны, «батыр всех батыров». Отвага, стойкость, воля, самообладание, помноженные на военный гений, — все это действительно сделало товарища Сталина создателем и победоносным вождем Красной Армии еще задолго до Великой Отечественной войны 1941—1945 годов.

В «Песне о братстве народов» Сталин выступает создателем Союза Советских Социалистических Республик, нерушимого великого братства народов, а в «Песне о большом караване» — испытанным водителем «каравана» братских республик, который он ведет «в джайляу веков — коммунизм». Великий ленинец — Сталин спаял братство племен и народов, и поэтому песни казахского акына о великом большевике слушают с весельем в глазах русский, грузин и казах.

«У Сталина слово равняется делу», — показывает Джамбул в «Песне о зерне», популяризируя сталинский лозунг добиться урожая в семь-восемь миллиардов пу-

¹ **Джамбул.** Поэма о **Ворошилове.** «Песни в поэмы», Изд. «Советский писатель», стр. 91—92.

дов хлеба и подчеркивая на конкретном примере важнейшую особенность сталинского стиля в работе — органическое сочетание теории и практики. В «Песне ликования» большая тема — Сталин — организатор социалистического наступления — преломляется через описание близкой певцу казахстанской действительности. Богатства колхозов, подъем социалистического животноводства, а главное — сталинские индустриальные гиганты, оживившие пустынные казахские степи, — «все это Сталин-исполин принес народам в дар»¹. Эта тема составляет содержание и таких песен, как «Советский Союз», «Алма-Ата», «Славься в песнях, СССР», «Песня о Баку», «Привет народа» и др.

Обращаясь к славной большевистской газете «Правда», Джамбул подчеркивает, что в ней «Сталина всепобеждающий ум»². Он отдает себе точный отчет в том, какова роль вождя народов в развитии самого острого и могучего орудия партии — печати.

С гневом и ненавистью бичует мудрый акын свору троцкистско-бухаринских бандитов, которые «хотели солнце земли погасить, сердце Сталина остановить». Попытки их оказались бесплодными и были разбиты, ибо

Шакалу звезды не укусить.
Солнце собаке не погасить.
Сталин — солнце наше, и с ним
Мы побеждали и победимз

Величие Сталина-мыслителя, Сталина, развивающего и обогащающего марксистско-ленинскую философию, Сталина — ученого, — прекрасно охарактеризовано в песне «Джайляу». Джамбул просит ветер, лебедей, ручей донести до Москвы привет

Тому, с кем мы, выиграв битвы, нашли
Все тайны вселенной, все счастье земли,
Всю правду, всю мудрость, все знание веков,
Тому, кто в священной борьбе закалил

¹ Джамбул. Песня ликования. «Путешествие на Кавказ», стр. 41.

² Джамбул. Большевистской «Правде». «Песни и поэмы», стр. 53.

³ Джамбул. Песня гнева, там же, стр. 63.

Армию **большеви́ков**.

О Сталин, философ, живущий в **Кре́мле**,

Мудрейший из мудрых на нашей **земле**¹.

Замечательной особенностью сталинского гения **яв**ляется умение предвидеть ход исторических событий. Сила и могущество марксизма-ленинизма в том и кроется, что это учение, развитое и обогащенное И. В. Сталиным, не только объясняет мир, но и вооружает миллионы людей ясным сознанием путей **социалистичес**кого преобразования мира. «Взор вождя — советского капитана, — писал М. И. Калинин, — устремлен далеко вперед, в предельные глубины будущего; но вместе с тем он все видит вокруг, бдительно следит за прочностью государственного корабля»². Джамбул оттеняет и этот изумительный дар вождя:

Ты видишь всю жизнь на столетья **вперед**,

Ты думы песешь на столетья вперед,

Ты слышишь всю жизнь на столетья вперед,

Ты двигаешь жизнь на столетья **вперед**.³

Сталин — творец Конституции СССР, Сталин — организатор обороны страны, Сталин — организатор и вдохновитель освобождения наших единокровных братьев — западных украинцев и западных белоруссов, Сталин — воспитатель героев социалистического отечества, Сталин — руководитель партии большевиков, Сталин — полководец Отечественной войны, — во всех этих величественных реальностях поэт усматривает все новые и новые черты сталинского образа.

Сталин в произведениях Джамбула выступает среди плеяды воспитанных им партийных и государственных деятелей, в окружении выращенных им героев социалистического труда. Так в произведениях Джамбула возникают образы С. М. Кирова, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Л. М. Кагановича, Серго Орджоникидзе, В. В. Куйбышева, А. И. Микояна, образы славных летчиков,

¹ Джамбул. Джайляу. «Песни и поэмы», стр. 101.

² М. И. Калинин. К шестидесятилетию со дня рождения товарища Сталина. Гос. изд. политич. литературы, 1939 г, стр. 78.

³ Джамбул. За орден, за светлую жизнь свою, мой Сталин, тебе эту песню пою. «Материалы для клубов и библиотек». Профиздат, М., 1938, стр. 117.

бойцов и командиров Красной Армии, учителей, народных поэтов и т. д. Созданная акыном огромная галерея портретов характеризует весь лик нашей родины, страны героев.

В лирических произведениях акына — «Обращении к детям», «Учись, малыш» и «Колыбельной песне» — Сталин представлен как «самый высокий пример», как «самый лучший отец из отцов»¹ для советской детворы. В стиле восточной метафоризации сложены строки, обращенные к советским детям:

Сталин — словно чинар всковой,
Величав его ствол золотой,
Каждый листик его бриллиант,
Хорошо вам под этой листвой.

В «Колыбельной песне» Сталин — всевидящий человек, которому видна вся страна и который «думает в Кремле, чтоб ты вырос всех счастливей, всех умнее, всех красивей, всех отважней на земле».² Джамбул требует от советских детей, чтобы каждый из них выросши стал человеком, которым мог бы юрдиться Сталин*.

В многочисленных лирических импровизациях Джамбула Сталин выступает другом и вдохновителем советского искусства. Акын почувствовал на самом себе, как поэте, всю силу сталинской заботы:

Струны Джамбула ты оживил,
Струны Джамбула ты одарил,
Душу Джамбула ты вдохновил,
Песни Джамбула ты окрылил,
Сердце Джамбула ты обновил,
Старость Джамбула остановил.⁴

Личная встреча с вождем, как об этом повествуется в «Песне о Москве», дала почувствовать певцу внимательность, ласковость и простоту «величайшего из людей, чье имя достигло звезд славы первого мудреца», кто оказался «родней родного отца»⁵. Джамбул восторженно и с гордостью рассказывал, что сам Сталин

¹ Джамбул. Обращение к детям. «Песни и поэмы», стр. 71.

² Там же, стр. 73.

³ Джамбул. Учись, малыш. Сб. «Суранши-батыр», стр. 75.

⁴ Джамбул. Я избираю Сталина. «Путешествие на Кавказ», стр. 35.

⁵ Джамбул. Песня о Москве. «Песни и поэмы», стр. 45.

рукоплескал в Большом театре талантливым мастерам казахского искусства¹.

В стихотворении «Я слышал Сталина» **показан** Сталин на трибуне, и воспета его историческая речь на VIII Чрезвычайном Всесоюзном Съезде Советов о проекте Конституции. Автор упоминает о международной обстановке того времени, о предвестниках войны за рубежом СССР: «В Испании — кровь, в Манчжурии — кровь, и в Абиссинии — кровь»². А в Советской стране — счастье. Миллионы людей в дни VIII съезда радостно слушают речь своего вождя:

Волнуется **мир**. Тишина разлилась,
Настал на земле **исторический** час,
С трибуны звучит, как могучий **набат**,
Вождя гениальный доклад.

Казахи в стенах, грузины в горах,
Зыряне в лесах, белоруссы в полях
Народы, чтоб каждое слово сберечь,
Слушают Сталина **речь** ³

Вслед за описанием речи находим отклик на самое содержание доклада (о Конституции), в котором «каждое слово — теплее луча, светлее зари, яснее звезды, свежее, чем в августе плоды».

Дальнейшим творческим подъемом отмечен в жизни Джамбула период всенародного ликования, вызванного утверждением Сталинской Конституции и проведением первой избирательной кампании по выборам в Верховный Совет СССР в 1937 году. Ряд песен «Великий Сталинский закон», «Песня ликования», «Я слышал Сталина», «Двенадцатое декабря», «Закон счастья» и другие навсегда запечатлели дни торжества советской демократии.

Тема Сталинской Конституции расценивается Джамбулом как одна из генеральных тем советского искусства:

Пойте, акыны, пусть песни **поются!**
Пойте о Сталинской **Конституции!**

¹ Джамбул. Песня народу. «Песни и поэмы», стр. 51.

² Джамбул. Я слышал Сталина, изд. «Советский писатель», стр. 15.

³ Там же, стр. 15—16; 1

С песней, акыны, идите яа **сходы,**
С песней о братстве великих **народов,**
С песней о Родине нашей **цветущей,**
С песней, к труду в победам **зовущей.**¹

Призыв «командарма акынов» встретил горячее сочувствие среди всех советских поэтов и писателей. Сотни произведений созданы были о Сталинской Конституции. Но и доныне не перестает выделяться **джамбуловская** песня «Великий Сталинский закон». Это вообще одно из лучших произведений нашего народного поэта. «Великий Сталинский закон» справедливо можно считать одним из ярких достижений всей советской литературы. Песня вошла чуть ли не во все хрестоматии и антологии.

Первая часть этой песни продиктована жгучей ненавистью к прошлому, когда господствовали над **жизнью** народа законы аллаха, хана Аблая и царя Николая, законы, от которых гнулись спины, потоком текли слезы и «глубокие складки на лбу залегли». Убийства, произвол, насилие, бесправие и голод несли эти **волчьи** законы. Родители лишались детей, девушек **продавали**, как скот, юношей делали стариками, человека труда превращали в раба, — и все это по закону, во имя закона, силой закона.

Но вот гневные интонации песни исчезают. **Торжественно** звучат простые слова о новом Сталинском законе. Певец, убыстряя темп, полузакрыв глаза и заметно раскачиваясь в такт ритмической мелодии, поет:

Слушай, Кастек, **Каскелен, Каракол,**
Я славлю Великий Советский закон.
Закон, по которому радость **приходит,**
Закон, по которому степь **плодородит,**
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому юность цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового народа,
Закон, по которому вольным джигитам
К подвигам смелым дорога **открыта,**

¹ **Джамбул.** Великий Сталинский закон. «Песни в поэмы», стр. 41.

Закон, по которому в праздник наш
Овеяла славой родная **Куляш**¹
Закон, по которому едут учиться
Дети аулытые в школы столицы.
Закон, по которому все мы равны
В созвездии братских республик страны.²

Кажется, что в песне уже все сказано о Сталинской Конституции. Однако в новых импровизациях Джамбул находит новые и новые слова, чтобы еще и еще раз спеть о Великом Сталинском законе, который представляет для человечества ключ к счастью.

Товарищ Сталин закончил известный свой доклад о проекте Конституции СССР следующей мыслью: «В результате пройденного пути борьбы и лишений приятно и радостно иметь свою Конституцию, трактующую о плодах наших побед. Приятно и радостно знать, за что бились наши люди и как они добились всемирно-исторической победы. Приятно и радостно знать, что кровь, обильно пролитая нашими людьми, не прошла даром, что она дала свои результаты. Это вооружает наш рабочий класс, наше крестьянство, нашу трудовую интеллигенцию. Это двигает вперед и поднимает чувство гордости. Это укрепляет веру в свои силы и мобилизует на новую борьбу для завоевания новых побед коммунизма»³. Отсюда и поэтическая констатация у Джамбула:

Закон моей Родины, счастья закон, —
Он сталинским пламенным сердцем рожден,
Он — раннего утра большая звезда,
Он — наши растущие ввысь города,
Он — в наших аулах колхозных и селах,
Он — в наших построенных солнечных школах,
Он — в нашей зажиточной жизни колхозной,
Он — в Армии Красной, могучей и грозной,
Он — в наших победных боях и походах,
Он — в сталинской дружбе и братстве народов.⁴

Перед нами прошли едва ли не лучшие образцы советской гражданской поэзии. Они принадлежат ка-

¹ Куляш Байситова — народная артистка СССР, награжденная орденом Ленина.

² Джамбул. Великий Сталинский закон. «Песни и поэмы», стр. 40—41.

³ И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. XI, стр. 534.

⁴ Джамбул. Закон счастья. Сб. «Суранши-батыр», стр. 47.

захскому акыну. Но даже они не исчерпывают всех заслуг Джамбула в области разработки художественного образа вождя нашей родины.

VI

Ко дню шестидесятилетия товарища Сталина Джамбул создал поэму «Сталин». Поэма эта является как бы итогом упорных и долгих усилий акына дать в своих песнях Сталина таким, каким он его знал и чувствовал.

Начало поэмы оформлено в виде вопросов, совокупность которых раскрывает всю закономерность появления в нашу эпоху великого преобразователя мира:

Если бесплодна земля и бедна,
Золотом разве заблещет она?
Если с народом герой не живет,
Разве полюбит героя народ?
Если не плещется море волной,
Если у моря виднеется дно,
Разве ты морем его назовешь,
Разве на дне его жемчуг найдешь?
Если горячее солнце умрет,
Если над миром оно не взойдет,
Разве увидит вселенная свет,
Разве найдет человечества след?

В стиле героического эпоса Джамбул рисует далее картину рождения батыра, что стал крыльями «народной мечты вековой». Вся природа пробуждается и приветствует это рождение:

Пела земля — Он родился, герой,
Крылья народной мечты вековой.
Ростом он выше заснеженных гор,
Ум его как океан простор,
Речь его пламенем ярким полна,
Слово его — как в прибое волна,
Светлой улыбкой взор озарен,
Сталин на счастье народов рожден!
Грудью орлиной в грозу и пургу
Смелый и грозный, он страшен врагу.¹

¹ Джамбул. Сталин. «Литература и искусство Казахстана», № 12, 1939 г., стр. 12.

После лирического отступления, знакомящего читателей с прошлым Казахстана, когда измученного певца не считали даже за человека, Джамбул указывает на роль товарища Сталина в боях за Октябрь и оценивает чудесную силу самого Октября:

Солнце видало с орлиных высот,
Выпрямив **спину**, поднялся народ,
Ленин и Сталин его в Октябре
В бой повели **на** владык и **царей**.
Золото хлынуло реками с гор,
Жемчугом блещут просторы озер,
Садом весенним пустыня цветет, —
Дар свой народу земля отдает...
...**Стали** мы молоды, стали сильны,
Стали, как беркут в полете, вольны.
Дышим свободно, свободно **живем**,
Песни о счастье парадном **поем**.¹

Джамбул обращается затем к родному Казахстану, возрождение которого неразрывно связано с именем лучшего друга казахского народа — Сталина, и показывает, как «город насилия и рабства», Верный, превратился в новый, радостный, как мечта, город Алма-Ата.

Поэт, растроганный разительными переменами, происшедшими в окружающих людях, стремится оттенить в облике Сталина учителя, неустанно выращивающего кадры строителей социализма.

Кто же из вечных степных батраков
Вырастил **летчиков**, профессоров,
Вольных джигитов, отважных бойцов,
Славой парадной овитых **певцов**,
Учителей, **агрономов**, **врачей**.
Знатных и смелых советских людей?
...Кто паш в столетях **отысканный** клад?
Кто всенародный родной **делутат**?
Струны и сердце отвести мне:
Сталин, которому равного **нет**.²

Образ Сталина, олицетворяющего могущество родины и дружбу народов, встает в **поэме**, как «опора а солнце людей» всего мира, как «бессмертное знамя

¹ **Джамбул** Сталин. «Литература и искусство Казахстана», № 12, 1939 г., стр. 13.

* Там же, стр. 15.

побед». С именем Сталина, поет акын, Красная Армия освободила западных украинцев и белоруссов от гнета польской панщины. С именем Сталина мы победили белофиннов, с именем Сталина мы идем от победы к победе. В поэме 1939 года, естественно, нет еще упоминания о победах Великой Отечественной войны. Но то, о чем в ней упоминается, целиком подготавливает читателя к грядущим событиям и к пониманию роли в них будущего Генералиссимуса Советского Союза.

Полон настоящего лиризма финал поэмы. Здесь поэт приглашает вождя народов приехать и погостить в ауле:

Сталин любимый, в веселые дни
Ты в Казахстан приезжай, отдохни
В солнечной радостной юрте моей,
В дружной счастливой колхозной семье.
Мы б угостили тебя кумысом,
Свежим колхозным густым кумысом
Трубку б набили твою табаком,
Свежим колхозным своим табаком.
Мы бы тебе оседлали коня,
Ветра быстрее, горячее огня
Чтоб в золотом каскеленском седле
Ты по любимой проехал земле,
Да посмотрел, как богато живет
Твой возрожденный казахский народ ¹

В приведенных строках сказано многое. Сказано, как старик-акын ощущает простоту души великого Сталина, его кровное родство с народом. Сказано, как всеми сердечно любим гениальный вождь, как наши люди мечтают выполнить по отношению к нему лучший закон народного быта — закон гостеприимства.²

Работа Джамбула над эпическими образами Ленина и Сталина огромна. Она имеет серьезное поэ-

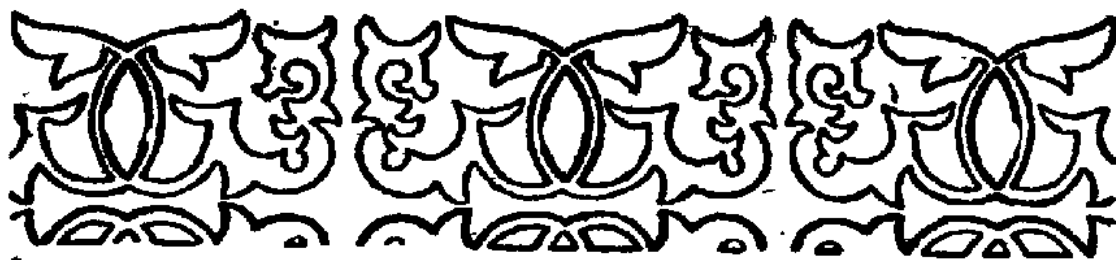
¹ Джамбул Сталин. «Литература и искусство Казахстана», № 12, 1939 г., стр. 15—16.

² Тот же мотив встречается в советской поэзии нередко. См. «Привет родному Сталину». Записано со слов колхозника Кировской области 3 И Водопьянова Сб «Сталин в поэзии», стр. 162, Письмо бакинской интеллигенции товарищу Сталину, написанное поэтами Самедом Вургун, Расулом Рзы и Сулейманом Рустам, пшхир. сборник, стр. 281; Письмо трудящихся Киргизстана великому вождю народов, отцу всех трудящихся, товарищу Сталину, там же, стр. 290, «Я песню народа пою», там же, стр. 33—34, «Колхозная казачья», «Правда» от 15 января 1937 г.

навательное значение. Пример **джамбуловских** песен подтверждает мысль А. М. Горького: «...от глубокой древности, — говорил писатель, — фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории...», «...наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа»¹.



¹ М. Горький. О литературе, стр. 375—370.



ГЛАВА

СЕДЬМАЯ

ПОЭЗИЯ СОВЕТСКОГО ПАТРИОТИЗМА



I

Великая Октябрьская революция дала жизнь нашему многонациональному социалистическому государству. Любовь к Родине стала у миллионов наших людей глубже, сознательнее, многограннее, чем была когда-либо. Она стала у нас основой гражданского бытия, принципом личного и общественного поведения, важнейшим слагаемым в психологии советского человека. Советский патриотизм наиболее разумен и наиболее эмоционален.

Советская литература разрабатывает тему патриотизма как одну из центральных тем нашей эпохи. От первых «агиток» Вл. Маяковского, периода гражданской войны, до широких полотен, созданных М. А. Шолоховым, А. Н. Толстым, Л. М. Леоновым, Н. С. Тихоновым, А. А. Фадеевым, А. С. Серафимовичем, Д. А. Фурмановым, Николаем Островским, — все произведения наших художников слова проникнуты высоким и пламенным чувством преданности социалистическому отечеству. Оно нашло себе яркое воплощение и в народном творчестве СССР.

...«Пора, наконец "понять, — говорил М. И. Калинин, — что социалистическое государство надо любить не только умозрительно, а и конкретно, т. е. с его природой, полями, лесами, фабриками, заводами, колхозами, совхозами и т. д., с его стахановцами и Стаханов-

ками, с комсомолками и комсомольцами. Надо любить **нашу** родину со всем тем новым, что существует в Советском Союзе, и показать **ее**, Родину, в красивом **ви-**де, не в таком, как я вам говорю речь, а действительно в ярком, художественно-нарядном виде. Если художник так будет любить социалистическую Родину, то перед его глазами раскроется все то живое и великое, что делается в советской стране, и его любовь наполнится глубоким, живым реальным содержанием»¹.

Патриотические песни Джембула потому и волнуют читателя, что в них Родина представлена «конкретно», дана в «художественно-нарядном виде». Они просто и ярко изображают «все то живое и великое, что делается в советской стране». СССР — общую колыбель, общий дом советских народов — Джембул воспе-
вает так:

Я говорю «СССР» — золотой встает Алтай,
И Каспий вдребезги дробит светлозеленые громады,
И льдами Арктика шуршит, **растит** леса Карельский край,
И склоны Грузии дарят народам гроздь винограда.
Я вижу груды серебра и слитки золота горой,
Фонтаны нефти и зерно, и **уголь—до** сиянья черный,
И самолеты над землей, и поезд, мчащийся стрелой,
И караваны мудрых книг, **и труд—веселый и упорный.**²

Родина для Джембула не простое географическое понятие, а страна сталинской дружбы народов, **страна-семья**, где все равны. Джембул всем сердцем понимал, что «пока эта дружба существует, народы нашей **стра-**ны будут свободны и **непобедимы**»³. Чувствуя себя душою «в Киргизии, там, где поет Алымкул, и в Грузии солнечной», Джембул песнями своими стремился **кре-**пить кровные узы народов:

¹ М. И. Калинин. Об овладении марксизмом-ленинизмом работникам искусства. «Новый мир», № 6, 1939 г., стр. 12.

² Джембул. Советский Союз. Сб. «Путешествие на Кавказ», стр. 45—46.

³ И. Сталин. Из речи на совещании передовых колхозников и колхозниц Таджикистана и Туркменистана с руководителями партии и правительства 4 декабря 1935 г. Сб. «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 258»

Кочуй, **моя** песня!
Будь гостьей желанной
В просторных ковильных стенах Казахстана,
В садах и на пастбищах Узбекистана,
В кибитках коврового Туркменистана,
В предгорьях орлиного Таджикистана,
В полях нефтепосного **Азербайджана!** 1

Полюбил Джамбул Москву. Глубокий старик-казах, сын степей, полюбил древнерусскую столицу, потому что в ней забилося сердце молодого советского государства. С известного момента Москва становится для нашего акына чуть ли не фоном всех его патриотических раздумий. «Песня о сталинской Москве», «Песня о Москве» и «Москва моя» приобретают славу как одни из лучших произведений казахской поэзии. «Здравствуй, именитая! Сердцу ты близка, золотом прошитая, красная Москва», — обращается певец к **красной столице**. Джамбула умиляет, что к славному городу, выросшему в борьбе, несутся мысли всех народов, как к **столице столиц**.

Гул столиц сливается — на тебе их взгляд.
По тебе равняется Фрунзе, Ашхабад.
Минск, огнем сияющий, Ереван в цветах,
Киев расцветающий, и Алма-Ата,
И Ташкент с чудесными шумами **алле!**,
И Тбилиси с песнями и с ковром полей,
И Баку плечистое, и **Сталинабад**,
Где арыки чистые день и ночь журчат...
Светлый город Сталина красная Москва.

Песни Джамбула о Москве приобрели глубокое идейное значение. В них получил поэтическое выражение тот факт, что наши многонациональные массы живут активной политической **жизнью, поднялись до высоты** понимания общественных и государственных интересов,

сознательно установили органическую связь с Москвой — центром Советской Страны.¹

II

Джамбул, внимая сталинским речам, с необыкновенной горячностью принимал всегда предостережения вождя относительно капиталистического окружения, требующего от Советского государства постоянной мобилизационной готовности. Поэтому в его творчестве темы обороны родины, укрепления мощи Красной Армии заняли важнейшее место.

В поэме «Вооруженный народ» тема мобилизационной готовности разработана наиболее полно. Могучий свободный народ не только создал Красную Армию, армию батыров, «сильнейшую армию мира», но и сам вооружен, не выпустит оружия из рук, «пока еще змеи во круг». Боевые традиции гражданской войны, выдвинувшей немало легендарных героев, народ свято хранит, «чтоб, светлой любовью народа овиты, по смелым Чапаям равнялись джигиты». Картина первомайского пара — да, данная в финале поэмы, является показом несокрушимого военного могущества социалистической державы.

Содержание ряда произведений акына посвящено идее связи советского народа с родной Красной Армией. Любовь самого Джамбула к Красной Армии — лишь отражение чувств народа. «А что значит любовь народа к своей армии? Это значит, что такая армия будет иметь крепчайший тыл, что такая армия является непобедимой» (Сталин).

В «Песне о Кирове», воссоздавая героический образ трибуна революции, Джамбул пел:

Красную Армию нашу не счесть
Быстрые кони у армии есть,
Птицы стальные у армии есть,
Танки стальные у армии есть,
Люди стальные у армии есть —
Красную Армию нашу не счесть,
Знают ее. И помещик то пан.

* См. И. Сталин. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Гос. изд-во политической литературы. М., 1939 г., стр. 81—82.

И самураи, что шли на **Хасан**,
 Если же слова ударит **набат**,
 Если враги на **страчу** налетят,
 Балтика встанет и гордый Кронштадт,
 И от Алтая до самых Карпат
 Грозный, могучий советский народ
 С именем Сталина в битву **пойдет**.
 Он за отизну, за землю свою
 Будет, как Киров, бесстрашен в бою.¹

В «Песне победы» раскрывается мощь Красной Армии в действии, когда враги попытались нарушить неприкосновенность советских границ на Дальнем Востоке. Племя сталинских большевиков «победило в бою врагов, грозной молнией блестя», потому что «нерушима клятва людей перед Родиной светлой своей».² Об этой клятве хорошо рассказано и в песне «Клятва бойца». Весь мир затихает, когда советские батыры приносят присягу народу «бороться во славу любимой страны», отдать свою кровь «за счастье народа, за Родину-мать»*,

Красная Армия высоко ценила боевые песни Джамбула, так как они помогали держать сухим порох в пороховницах, воодушевляли бойцов на победы. «Песня победы» Джамбула была в свое время разучена бойцами-дальневосточниками. Песня «Братьям по крови» немедленно была подхвачена нашими воинами во время событий на Западной Украине и в Западной Белоруссии, ее пели на митингах, в походах, ее блестяще исполнял ансамбль красноармейской песни и пляски Союза ССР. Это только подтверждает, как сильно Джамбул в оборонных песнях умел выражать всенародные патриотические настроения, горячую любовь к Красной Армии, решимость советских людей побеждать врагов везде и всегда.

«Песня победы» посвящена была в 1939 году доблестным бойцам и командирам Первой отдельной Краснознаменной армии. В ней говорилось о **героях**, которые, защищая **неприкосновенность** советских рубежей, совершили замечательные **подвиги** в районе озера

¹ Джамбул. Наш Киров- Сб: «Сураини-батыр», стр. 116—117.

² Джамбул. Песня победы. «Литература и искусство Казакстана», № 8—9, 1939, г., стр. 49.

* Джамбул. Клятва бойца. «Сураини-батыр», стр. 60.

Хасан. Затем советские богатыри с таким же героизмом выступили и на помощь дружественной Монгольской Народной Республике. Сердце акына было переполнено гордостью:

Мы умеем слово **держать**,
Мы умеем друзьям помогать.
Нам Монголия дорога,
Наши соколы быют врага;
У монгольских **границ** теперь
Не пройдет **низконогий зверь**¹

Певец не ограничился непосредственным **откликом** на события в Монгольской Народной Республике, но поднялся до большого обобщения, утверждая, что «народы зажгли в ней (т. е. в советской стране — М. Р.) бессмертное сердце земли». Сердце страны победившего социализма действительно есть бессмертное сердце мира. Для трудового человечества оно — могучий источник воодушевления и веры в светлое будущее.

«Грянул над Польшей войны ураган», и Джамбул берет домбру, чтобы создать песню «К **братьям по крови**». Безрадостной была до освобождения судьба угнетенных трудящихся Западной Украины и Западной Белоруссии, и казахскому акыну, проникнутому социалистическим гуманизмом, становятся близки «единокровные братья труда», борющиеся за свое счастье на далеком западе. Лаконично, подобно выстрелу, звучат финальные строки песни:

В руки я взял и домбру и наган,
Песню — товарищам, пулю врагам²

Несколько позднее Джамбул обратился с песней к **трудящимся** города Львова:

В страну, где был в цепях народ,
Где солнце знало лишь заход,
Пришли на зов мои сыны,
Как наступление весны.
< И «тал восходом **солнца** оп
Великий Сталинский **Закон**
А ты, далекая земля,

¹ **Джамбул**. Песня **победы**. «Литература и искусство* Казахстана», № 8—9, 1939 г., стр. 10.

² **Об**. «Суранши-батыр», стр. 114.

Ты стала близкой для меня
И стала ты мне **дорога**,
Как мой родной **Узун-Агач**,
Которому дала права
Моя великая Москва.
О Украина, праздник твой
О Украина, праздник **твой**¹

Песня достигла адресата, и трудящиеся **нового Советского** города отвечали телеграммой;

„Алма-Ата, акыну ДЖАМБУЛУ

*Сердечно благодарим
за **приветствие** тру-
дящимся Львовской об-
ласти. Желаем сил
в здоровья*

Редакция **„Вільна Україна“***

«...Всякая благородная личность, — писал В. Г. **Белинский**², — глубоко сознает свое кровное родство, **свои** кровные связи с отечеством... Любовь к отечеству должна выходить из любви к человечеству, как частное из общего. Любить свою родину значит — пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил споспешествовать этому... Любовь к отечеству должна быть вместе и любовью к **человечеству**»³.

Сочетание любви к родине с любовью к трудовому человечеству — то, о чем великий критик-революционер мог сто лет тому назад только мечтать, — стало в нашу эпоху неотъемлемой частью мировоззрения всех советских людей, в том числе и советских поэтов. Их патриотизм — идейно возвышенный, прославленный на весь мир, засверкал с невиданной силой во время Великой Отечественной войны **1941—1945** годов. На боевом посту, на посту пламенного певца-патриота застала эта война и старого **Джамбула**.

¹ **Джамбул. Лучезарная страна.** «Казахстанская правда» от 26 марта 1940 года.

² Газ. Казахстанская правда от 27 марта 1940 года.

³ **В. Г. Белинский.** Стихотворения М. Лермонтова. Собр. соч. изд. т-ва Вольф, стр. 624—625.

III

В годы Великой Отечественной войны с фашистской Германией связь казахского акына со всем советским народом еще более окрепла. Песни Джамбула об Отечественной войне приобрели широчайшую популярность.

Казахский народ в условиях социалистической действительности обрел родину, получил все политические и социальные права, принял активное участие в создании советской государственности, двинул вперед **свою** национальную культуру. Некогда угнетенные и бесправные казахи вошли в сталинскую семью народов, исполненные признательности к русским братьям, с честью выполнившим свою освободительную **миссию**. **Можно ли** удивляться, что казахи с энтузиазмом откликнулись на исторический призыв товарища Сталина 3 июля 1941 года. Боевой клич вождя вызвал в казахском народе поразительное единодушие: одни пошли, не зная страха драться на фронт, другие принялись превращать Казахстан в неисчерпаемый арсенал Отечественной войны. Впервые за многие века казахи, возглавленные русским народом, оказались на передовых рубежах всемирной истории и стали участниками дела, решавшего судьбу всего прогрессивного человечества.

С труднейшими военно-политическими задачами, потребовавшими огромного напряжения физических и духовных сил, казахи достойно справились. Черные силы фашизма не в состоянии были ни на миг поколебать их и свернуть с нового, социалистического **пути**:

Никогда ни один народ
Не признает в немцах господ!
...Разве смолкнет перед собой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силен, I
Тот не будет поработен ¹

Вот **отсюда-то**, из горячих патриотических настроений своего **народа**, Джамбул и почерпнул новые творческие силы, новые образы, идеи, темы, когда они понадобились для военных песен. Он пережил в дни военной страды такой же Необычайный подъем поэтического вдохновения, как в тот незабываемый час и день,

¹ Джамбул. Песни войны. Гослитиздат. М., 1944 г., стр. 34-35.

когда до его слуха впервые донеслись слова: Ленин, Сталин, Революция, Советы.

За четыре военных года народный акын создал десятки новых произведений, и среди них такие, как знаменитая песня «Ленинградцы, дети мои».

Военные песни Джамбула группируются по нескольким основным циклам, составляющим в совокупности яркие страницы поэтической летописи важнейших событий Отечественной войны.

Первый цикл — песни о Родине, о большевистской партии, о гениальном вожде и полководце товарище Сталине: «В час, когда зовет Сталин», «Песня о парке обороны», «Богатырям, ломающим преграды», «Выстоит племя богатырей», «Приказ родины», «Дружба народов», «Сказание о большевистской правде».

Второй цикл — поэтические гимны героическим защитникам Москвы, Ленинграда и Сталинграда, сталинским гвардейцам, всей Красной Армии. Сюда относим песни «Москве», «Ленинградцы, дети мои», «Городу ленинских зорь», «Ленинград победит», «Тебе, комсомолец Ленинграда», «Советским гвардейцам», «Несокрушимая крепость», «Новогоднее письмо сталинградцам», «Советскому воину», «Поэма любви и гнева», «Ответ сыну», «Воинам моей родины», «В новогодний торжественный час», «Светлый праздник наш недалек».

Третий цикл — песни о героике тыла, о Казахстане — арсенале Отечественной войны. Назовем тут: «Работницам наших полей», «Посвящение акынам», «Привет тебе, комсомол», «Моим сынам», «Клятва под знаменем». Этот цикл, сравнительно с предыдущими, представлен меньшим количеством произведений, потому что тема единства фронта и тыла проходит почти через все песни.

Вся наша циклизация условна. Образы Родины, Сталина, вооруженного народа, идея справедливости Отечественной войны советского народа проходят через все творчество акына последних лет. Однако такая циклизация дает некоторое представление о тематическом размахе военных песен Джамбула, о неизменной актуальности его поэтических интересов в разгар борьбы двух миров.

Из содержания песен явствует, что мудрый старик умел подмечать самые существенные стороны истории

ческой действительности, сложившейся в 1941 — 1945 годах.

Прежде всего, его поражали самые масштабы **завязавшейся смертельной борьбы**. Наследник героического казахского эпоса, где батальные картины занимали **немаловажное место**, подходил тем не менее к **изображению современной войны не с меркой прошлого**. Для него величайшая война XX века была не столкновением двух армий — тем более не столкновением двух «родов», не «племенной» распрей, не единоборством двух **«батыров»**. Уже в первой военной песне акына **говорилось:**

Вышли в последний решительный бой —
Мир мракобесов и мир молодой,
Злое отродье фашистской змеи
И молодые орлята **мои**.¹

Джамбул сразу понял, какую опасность представляет фашистское нападение. В песне, пропетой накануне 24-й годовщины Социалистической революции, сопоставляется радость последней предвоенной маевки, когда «люди стремились к иной мечте», иначе светило солнце, иные песни пели птицы, иначе шумели реки **и «сердце Джамбула билось не так»**, — с военной страдой. Такое сопоставление ведет к более острому **ощущению военной грозы:**

Многое ныне стало иным;
Мрачно клубится **пушечный дым**,
Враг беспощадно чинит грабеж,
Враг угрожает нивам родным,
Рвется на север и в теплый Крым,
В тело Отчизны вонзает нож*.

Фашистская угроза, имевшая целью «у нас солнце Сталинское украсть», подняла все народы, как один. Особенного драматизма была полна борьба за Москву. Она воспринималась Джамбулом, как борьба, близкая и понятная каждому советскому сердцу. Акын бил тревогу: «в опасности наша Москва», нужно «помочь ей, немедля помочь, врагов **изломать, истоптать, откинуть их скопища прочь**», для **чего:**

¹ **Джамбул**. В час, когда **зовет** Сталин, там же, стр. 8.

* **Джамбул**. **Выстоят** племя богатырей, там же, стр. **26—27**.

Пожертвовать всем для **Москвы**,
Народы, обязаны вы!
В Сибири, в Крыму, на Неве
Страна помогает Москве.
Паш Риддер, Чимкент и Балхаш,
Арал и его **острова**,
Бурильщик и угольщик паш
Тебе помогают, Москва.
Полки казахстанских сынов
Участвуют в смертном бок»
За тысячи светлых домов,
За душу, столица, **твою**.¹

Враг опустошает родную землю. Певец зовет к истребительной войне против фашистских людоедов. В обращении к «Воинам моей родины», соответственно духу сталинского приказа от 23 февраля 1942 года (там горьковскими словами — «если враг не сдается, — его уничтожают» иллюстрировался неотвратимый закон возмездия фашистским поработителям), воспевались первые крупные успехи советского оружия:

Вот он корчится, раненый змей,
Задержать нас хочет в пути...
Нет, себя ему не спасти!
Кто сумел удар нанести,
Тот **и** дальше разить сумеет!
Бей врагов мой **доблестный** внук,
В мертвецов превращай их **навек**!²

Финал песни выдвигает на первый план величественный образ народа-богатыря, разработанный в **стиле** эпической традиции:

Развернулись такие **войска**,
Для которых туча **близка**,
Хлябь морская неглубока
И граница недалеко!
Разъярился такой кулак,
Пред которым **только бег**...³

¹ Джамбул. Москва. Газ. «Правда» от 3 ноября 1941 г.

² Джамбул. Воинам моей **родины**. Газ. «Казахстанская правда» от 23 февраля 1943 г. — ... г. * . .

³ Там же.

Военные песни Джамбула выделяются из ряда других песен тем, что в них эпическая традиция новаторски переосмыслена, подчинена новому содержанию. В них нет избыточной декоративности, нет поэтически-преувеличенной условности, нет подражания издавна установившейся схеме повествования. Зато в значительной доле присутствует лирическая тональность.

Акын проявляет немало художественного такта, совершенно избегая батальных картин. По природе своего реалистического творчества он не может петь о том, чего не видел воочию. Возможность использования традиционной поэтики для воспевания Сталинградской битвы или сражения под Ленинградом его не влечет. Но так как петь о войне и не дать хотя бы приблизительного представления о ее новых формах нельзя, то Джамбул ограничивается по этой части скупыми штрихами в той мере, в какой это необходимо для понимания размаха и напряженности происходивших военных действий:

Врагу не видать **торжества!**
Набьешь ты свищовым опием
Живот ему тощий, Москва!

(„Москве“)

Все мы **воюем** — и стар и млад,
Бомбой и пулей разим влопад.

(„Сказание о большевистской правде“)

И хищник в кольце бронебойных **дул**
Мощь юности нашей с дрожью познал.

(„Привет тебе, комсомол“)

Войну прежних времен с его устарелой военной техникой («мечом и копьем отечество он защищал») **противопоставляется** советский боец, выступающий во всеоружии современной техники:

Он в **синий** небесный пустырь-
Уводит стальной самолет.
Он **грозные** танки ведет,
Он танками **давит** врагов!

Джамбул. Работницам наших полей. «Песни войны»,
«тр. 42.

Даже и в тех случаях, когда Джамбул обращался к традиционным образам, он подчинял их новому идейному замыслу, придавал им новые функции¹. Так, тот же «тулпар», «крылатый аргамак», символизирует теперь самолет; стальное, боевое седло — синоним танка. Это можно встретить и у других акынов, но, несомненно, что новатором здесь выступал Джамбул.

Джамбул понимал, что ни яркие образы, ни сравнения, ни торжественные слова, обычные в эпосе прошлого, не могут передать величия дел сталинской гвардии. Привычный прием воспевания воинских доблестей отвергается. В песне «Сталинским гвардейцам» читаем;

Сколько прекрасных воинских слов
Ни озаряло джамбулов кров,
Сколько он сам их ни находил —
Громче, чем «гвардия», не слышал,
Ярче, чем «гвардия», не встречал,
Слаще, чем «гвардия», не твердил,
Тверже, чем «гвардия», не чертил.
Чише, чем «гвардия», не вдыхал².

Вслед за этим подчеркивается значение факта присвоения «победного дедовского чина» целым полкам и дивизиям Красной Армии. Это знаменует собой, что «врагов постигнет скорей кара земель, небес и морей»...

Обобщая сказанное, приходим к выводу: в военные годы у Джамбула еще явственнее, чем раньше, живое чувство жизни брало верх над инертным стремлением следовать по проторенному поэтическому пути или отдаваться во власть легковесной модернизации эпоса.

V

Военные песни казахского певца являлись почти всегда поэтическими иллюстрациями к историческим выступлениям товарища Сталина в 1941-1945 годах.

«Нынешняя война, — учил вождь в докладе о 26-й годовщине Октября, — со всей силой подтвердила известное указание Ленина, о том, что война есть всестороннее испытание всех материальных и духовных сил каждого народа. История войн учит, что лишь те государства выдерживали это испытание, которые оказыва-

¹ См. рецензию И. Эвентова на сборник «Песни войны», Журн. «Звезда», № 4, 1945, стр. 98.

с Джамбул. Советским гвардейцам. «Песни войны», стр. 24»

лись сильнее своего противника по развитию и **органи-**зации, по опыту, мастерству и боевому духу своих войск, по выдержке и единству народа на всем протяжении войны. Именно таким государством является **на-**ше государство.

Советское государство никогда не было столь **проч-**ным и незыблемым, как теперь, на третьем году Отече-ственной войны. Уроки войны говорят, что советский строй оказался не только лучшей формой организации экономического и культурного подъема страны в годы мирного строительства, но и лучшей формой мобилиза-ции всех сил народа на отпор врагу в военное время. Созданная 26 лет назад Советская власть в короткий исторический срок превратила нашу страну в несокру-шимую крепость»¹.

Родина — «несокрушимая крепость» оживала и в песнях Джамбула. И в песнях акына пелось: она несо-крушима, ибо располагает всем необходимым для упорной и длительной войны, ее внутренние резервы неисчерпаемы, ее материальные и духовные силы посто-яннo в ходе войны растут:

Есть земля и на пей живет
Славных воинов **горды́й род**,
По зеленым **ее полям**
Бродит тучный и **сытый скот**.

...Есть земля, что в себе хранит
Медь, железо, свинец и гранит,
И об этой земле **твоя**
Молодая домбра **звенит**.

Есть **страна**, что из года в год
Побеждает, гремит, растет,
И такие в ней люди есть,
Что ведут за собой **народ**².

... **Ста́линские** мысли и лозунги с течением **военных лет** все больше и **больше** срастаются с поэтическим сознанием Джамбула. Тесное сотрудничество фронта и

¹И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, Госполитиздат, М., 1944, стр. 110—111.

²Джамбул. Посвящение акынам, Газ. «Казахстанская прав-да» от 7 декабря, 1943 г.

тыла — боевое **испытание** единства советской страны, величие русского народа, героика Красной Армии, партизанское движение, повышение **общественно-производственной** роли женщин, единение всего Советского Союза с героическими защитниками Москвы, Ленинграда, Сталинграда; справедливый характер войны, участие в войне всех, от пионеров до стариков, — все это становится в последние годы основным **содержанием** джамбуловских импровизаций.

Страна — единый военный лагерь: «ведь нынче — повсюду борьба, ведь с трактором дружит ружье». Работа в тылу — основа фронтовых успехов. Не **только** моральное сочувствие, но и материальная поддержка! — таков лозунг известных песен акына, посвященных Ленинграду и Москве.

Выразитель дум и чувств казахского народа еще громче, чем прежде, прославляет сталинское содружество наций. Великая дружба «выдержала все трудно-сти и испытания войны и еще более закалилась в **общей** борьбе всех советских людей против фашистских захватчиков» (Сталин). Песня Джамбула о дружбе народов провозглашает: «сталинской дружбой со всей страной спаян мой доблестный Казахстан». Так спаян был Казахстан и до войны, о чем в свое время пел Джамбул, но теперь спайка скреплена кровью, ратными подвигами воинов-казахов, серьезными испытаниями войны. Об этом главном и рассказывает песня акына.

Был момент, когда Джамбула достигли вести о том, как казахи **воевали** под водительством прославленного героя генерала И. В. Панфилова, как били они немцев на далекой, но родной украинской земле. Певец слагает хвалу доблестным казахским сынам, оправдавшим надежды братских народов и маршала Сталина:

Горд я и **счастлив—скрыть** не могу!

Тем, что казах на русском снегу

Знамя **гвардейцев**, дар боевой,

Поднял, среди первых, над **головой**.

Горд я и счастлив тем, что **казах**,

Берег заветный вернув стране,

Пал на **колени**, целуя прах,

«Степь Украины», **как** пишут **мне...**

Во время войны **товарищ** Сталин говорил о ведущей роли могучего русского народа в великой войне. Джамбул в военных **песнях** многократно возвращается к исторически сложившейся дружбе русских и казахов. Большевистская правда, в кристальной чистоте **донесенная коммунистами**, до казахского аула **еще за** четверть века до Отечественной войны, зажгла душу Джамбула, возродила его творческие силы («стала из высохшего ручья бурным потоком **песня моя**»), и с тех пор «ленинско-сталинский светлый путь стал неизменным путем моим». Русский Кремль, Москва, Ленинград стали близкими, как знакомые с детства горы Ала-Тау, как **родные** степи. Оттуда, из городов русского народа, шло все, **чем** богата новая, счастливая жизнь.

Песня «Тебе, комсомолец Ленинграда» **конкретизировала** высокое признание исторических заслуг **брата** русского ссылкой на великих деятелей России:

Вот по Невскому я иду
С пьедестала, с гранитных плит,
На меня Кутузов глядит.
Вот на Выборгской, там, вдалеке,
Ленин, стоя на броневике,
Простирает руку свою.
Вот за Парвской **заставой** я,—
Здесь, увенчанный славой, зовет
Ленинградец Киров вперед!
Ты у этих богатырей,
У великих **России сынов**,
Жить учись! Как они, сумей
Быть в опасности тверже камней
И незыблемей горных **хребтов**¹.

«Сказание о **большевистской** правде» опять **касается** дружбы с русскими, но одновременно служит **вос- торженным гимном коммунистической партии** больше- виков, выступавшей в **Отечественной войне** **вдохнови- телем** и организатором всенародной **борьбы** против фа- шистских захватчиков.

¹ Джамбул. Тебе, комсомолец Ленинграда. «Песни войны», стр. 68.

Джамбул, обладая колоссальным жизненным опытом, — ведь он пережил четырех царей, три революции, две мировые войны, прошел путь от режима рабства до эпохи Сталинской Конституции, — не мог не созидать, какую святую правду разносят в народе его военные песни, и по праву гордился этим.

VI

Джамбул теперь не ищет новых красок, метафор, сравнений, изобразительных приемов, а стремится к углубленному раскрытию тех черт облика Сталина, которые особенно рельефно выступили в ходе четырехлетней борьбы с коварным врагом. Все, что акын пел о Сталине прежде, нашло изумительное подтверждение в грозовой обстановке войны. Не повторяясь, Джамбул запечатлевает невиданно возросшую всенародную любовь к вождю, всенародную преданность ему и всенародную непоколебимую веру в него. Полная огня хвала вождю точно отражает объективную роль его личности в судьбе советского народа и всего человечества:

Всех решительней, всех смелей,
Всех заботливей и мудрей —
Вождь отважных наших полков,
Вождь, как солнце, рассеявший тьму,
Совесть мира, светоч веков,
Сталин, Сталин, слава ему!¹

Народный поэт стремится во всех случаях подчеркнуть, какую невероятную, нечеловеческую работу вынес на своих плечах глава армии и правительства и какой невиданный в истории пример энергии и активности явил Сталин своему народу в суровые дни войны.

Знаю, о Сталин, не я один:
К светлому облику твоему
Эта лютейшая из годин,
Этот кровавый смертный понос
Много прибавят седых волос,
Много прибавят новых морщин...
Да! По победа — в твоих глазах!
Ты у судьбы стоишь на часах,

¹ Джамбул. Богатырям, ломающим преграды. «Песни войны», стр. 70—71.

Светлый твой облик и голос твой
Нас вдохновляют на смертный бой.¹

Образ Сталина встает как живое олицетворение Родины в грозный момент военных потрясений, воплощение ее мощи, ее творческого разума, ее непобедимости. Сталин — патриот патриотов! Сталин — знамя победы, воля народа! Сталин — человек самоотверженного подвига во имя народного счастья! Такие мысли оформляют песни Джамбула. Самое важное в том новом, что привносил Джамбул вместе со всеми советскими поэтами в изображение Сталина, можно выразить словами: Сталин — величайший полководец.

Сталин! Нашей страны хребет,
Полководец больших побед.
Пусти поет для него акын,
Пусть слагает СИХИ поэт*

«Полководца больших побед» все человечество видит во главе народа, осуществляющего всемирно-историческую освободительную миссию. Нет на земле места, куда не достигал бы взор «Стального наркома-/: «зорким оком весь мир объемлет орел». Его боевой клич срывает завесу будущего, указывая путь к победе. В поэтических выражениях «Песни о наркове обороны» хорошо очерчен полководец нового исторического типа, постигший законы мирового общественного развития, чтобы в результате всестороннего учета соотношения действующих сил добиться поставленных целей. Сталин — «солнце нашей победы», и так же, как мрак ночи рассеивается с солнечным восходом, «перед Сталиным дрогнет презренный фашист».

В тяжкие дни временных неудач Красной Армии Сталин своим стратегическим искусством сводил на-нет авантюристические успехи захватчиков, обусловленные внезапностью военного нападения. По его указаниям страна перестраивалась на военный лад, отмобилизовывалась Красная Армия, учитывался опыт военных операций для соответственной перестройки наших вооруженных сил. Попутно крепла народная надежда на

¹ Джамбул. Выстоит племя богатырей. «Песни войны», стр. 26.

² Джамбул. Посвящение акынам. Газ. «Казахстанская правда» от 7 декабря 1943 г.

победу, возрастала воля народа к героическому сопротивлению. Джембул верно отражал умонастроения народа, когда говорил, что никогда и у него лично, и у миллионов охваченных гневом соотечественников не было сомнения «в том, что наши силы растут, в том, **что** скоро немцу ответ все народы наши дадут».

Знали мы, что расплата близка,
Что захватчик будет **разбит**,
Что великий Сталин крепит
И по-новому строит **войска**. ¹

Непосредственным результатом деятельности Сталина-полководца по перестройке Красной Армии явилось рождение Сталинской гвардии, воспетое в ноябрьской песне 1941 года «Советским гвардейцам». Знаменательно, что Джембул воспел сталинскую гвардию еще до наступательных боев под Москвой. **Еще** до того он слышал «поступь победы». Через две недели произошел разгром немцев под Москвой.

Обращаясь к героям осажденного Ленинграда, Джембул призывал не сгибаться под тяжестью лишений и трудностей осады. Наступит момент, — и он действительно наступил, — «скажет Сталин — в путь», и тогда «все пойдут на выручку к вам, полководческим вняв словам».

Призывая беспощадно бить врага, Джембул напоминал красному **воину**: «это Сталин тебе велит».

Призывая неустанно работать в тылу, Джембул напоминал гвардейцу тыла: «Это Сталин тебе велит». И «выполняя приказ вождя, Казахстан отдался труду», чтобы «уничтожить вражью орду».

При сопоставлении содержания **джембуловских** песен о Сталине-полководце с аналогичными произведениями русской и других национальных литератур СССР можно, конечно, обнаружить сходство мотивов, но казахский певец совершенно независим, самобытен. **Он—старый** признанный мастер в работе над образами Ленина и Сталина. Во время войны он **только**, продолжает заветное дело своей творческой жизни, начатое задолго до войны.

¹ **Д ж е м б у л. Воинам** моей **родины. Газ.** «Казахстанская правда» от 23 февраля 1943 г.

VII

Джамбул — неутомимый певец Красной Армии в 41 — 45 годах. Но теперь это уже — действующая Красная Армия. Откликаясь во время войны на 25-летие Красной Армии, Джамбул стремится оттенить величие ее, как неотъемлемой части народа:

Судьбы нашей великой страны
Красной Армии вручены.
Все, что лучшего в мире есть
Дружный труд, свободу и честь
Все, что создало на века
Человеческим светлым умом,
Все, что враг обрекал на слом,
Защищают наши войска...¹

Красная Армия борется за возвышенные, справедливые цели, и это возбуждает по отношению к ней чувства уважения со стороны свободолюбивых стран всего мира. «Миру видно, — заявлял Джамбул, — наша армия занята грозным делом чести своей».

Джамбул, зная героизм Красной Армии и наблюдая сказочный рост ее воинского мастерства, опровергает бред немцев о «сезонной стратегии», возникшей на почве зимних поражений Гитлера в 1941—42 году. Еще до ожесточенных летних сражений на Курско-Белгородском направлении акын утверждает: «Наша армия к цели идет, бьет врага и погоды не ждет».

В облике Красной Армии певец подчеркивал такую типичную черту, как нарастание наступательной мощи в результате того, что она черпала силы из народных глубин. Цитированная песня «Воинам моей родины» проникнута страстным патриотическим стремлением привить сознание этого каждому бойцу, чтобы он верил в неиссякаемые резервы своей могучей страны. В то время, как гитлеровцы истошно кричали о полном уничтожении советского войска, акын не сомневался, что первоначальные успехи немцев носят преходящий характер и в стране зреет несокрушимая сила для разгрома их. В то время, как «враг оттеснял нашу армию на восток», «в малодушных робость вселял», Джамбул

¹ Джамбул. Воинам моей Родины. Газ. «Казахстанская правда» от 23 февраля 1943 г.

неизменно утверждал, «что скоро немцу ответ все народы наши дадут».

Красная Армия призвана наступать на врага, который «нам дыханье хочет пресечь, все с землею сравнять и сжечь, осквернить святыни отцов». Она не может допустить этого и не допустила, потому что «каждый город, каждый дом создавались нашим трудом», потому что нет ничего важнее для воинов-патриотов, «чем народа и Родины честь». («Приказ Родины»).

«Соколиное войско», «дивное войско» — такими лирическими эпитетами Джамбул высказывал личную любовь к Красной Армии, а это придавало образу ее в песнях акына особенное обаяние. По песням этим создается отчетливое представление о типичном характере советского воина, каким он проявил себя в Отечественной войну. В смертельное единоборство с фашистскими ублюдками вступили люди нового мира, и то, что раньше они проявляли в изумительных подвигах социалистической стройки, теперь переключается на военные подвиги. Люди труда стали воинами и зарекомендовали себя отличными мастерами во всех родах войск, выявили на полях великих битв великие сокровища духа. Джамбул, не раз воспевавший человека сталинской эпохи, поет в дни войны о его способности преодолеть самые тяжкие испытания и выйти победителями из любой схватки с врагом.

О великое племя! Вы
Паши юноши, наши львы,
Никогда еще о себе
Не слыхали дурной молвы,
Не терпели еще обид,
Вас не жег унижения стыд!
Гордой матери молоком
Вскормлен родины сын-джигит!¹

Люди, воспитанные в духе советского патриотизма, не могут равнодушно взирать, как «прекрасные города топчет вражеская орда», не могут бесстрастно взирать на муки женщин, матерей, обездоленных тружеников, истребляемых детей. Они запоминали чудовищные злодеяния фашистских извергов, чтоб приблизить час возмездия:

¹ Джамбул. Приказ родины, «Песни войны», стр. 47.

Жгучей жалости боль в **груди**
Разве можно **стерпеть?**—**Иди!**
Счастье мшения впереди!..

Голос разгневанного певца звучит иногда на подобие трубного воинственного клича:

О, послушайте старца призыв!
Если дышишь еще, если **жив**,
Если двигаться в силах рука,
Не подрублены ноги пока —
Бей врага, милый сын, бей **врага!**
Чтобы **выстоять**, чтобы не сдать,
Можно, сын мой, каменным стать!
В сталь, в железо себя обратить,—
Чтоб от Родины смерть **отвратить**.¹

Воин сознает себя наследником и достойным продолжателем героической истории своей родины. В «Поэме любви и гнева», созданной Джамбулом в первые дни войны, горячим словом поминаются такие казахские герои, как Махамбет, Суранши, Амангельды. В жестоких битвах с гитлеровской гадиной автор звал равняться по ним в отваге и бесстрашии, упорстве и стойкости, в ненависти и презрении к врагу, в стремлении всегда быть впереди «в сече смелой». Эта поэма единственная из последних произведений акына, где отдана заметная дань поэтическим приемам героического эпоса. Символика (фашист — змея, единоборствующий с ним воин — дышащий огнем и вооруженный «мечом летучим»), гиперболизация («в землю ты его забивай, чтоб дошла голова до **ног**»), традиционные зарисовки борьбы древнего батыра, для которого характерны предметы старинного вооружения (меч, копье, аркан), и привычка к единоборству («кулаком покруче круши, пятерней могучей души»), — все это дано в стиле эпической традиции. Джамбул, однако, оговаривается, что героические дела предков не могут служить исчерпывающей меркой для воинов Отечественной войны:

Наших предков я славил в песне моей,
Мне казалось—не может их быть храбрей,

По таких, как сыны балтийской волны,
В первый раз я встречаю **богатырей**.¹

Джамбул останавливается часто на противопоставлениях советского воина фашистскому людоеду. Идеи-ное и моральное превосходство красноармейца над оболваненным гитлеровским воякой в том, что первый одухотворен возвышенными идеями патриотизма, передовым мировоззрением и сознательным стремлением исполнить свою освободительную миссию:

Никогда ни один народ
Не **признает** в немцах господ!
Разве реки **иной** страны
Для Дуная мслеть должны?
Разве ходят лила и клеп
К можжсвслыику па поклон?
Разве смолкнет перед совой
Сокол горный и луговой?
Кто отважен и кто силен,
Тот не будет лорабощен.²

Если гитлеровец шел в чужие страны как **захватчик**, чтоб проливать кровь беззащитных женщин, детей и стариков, то наш воин выступал справедливым мстителем «за кровь детей, за нас скорбящих, как никогда, за наши села и города». В этом принципиальном различии источник воли советского человека к победе, его наступательного духа, его презрения к смерти, его воинской доблести — тех качеств, о которых поется в «Советских гвардейцах» и в заключительных строках «Советскому воину».

«Дорогой ценой завоевывалось счастье советского человека. «Я **знаю**,—с подкупающим лиризмом говорится в обращении мудрого старца к молодежи, — ты дорогой платишь ценой за право дышать, за право расти и в косы любимой розу вплести». Но тем прекраснее и дороже завоеванное в борьбе личное счастье. Вслед за Джамбулом в фронтовом письме молодой казах-воин Баубек Булкишев высказывал то же понимание личного счастья, что мы находим в цитированных строчках акына.

¹ Джамбул. Ленинград победит. «Песни войны», стр. 45.

² Ответ Джамбула. «Песни войны», стр. 34—35.

«Вот она, моя золотая дорожка, — писал в ночь перед боем Булкишев, — идущая через вершину двадцатого века — вперед и выше. Она проходит по просторам моей родины... Вот мой город, вот мой университет, вот моя любимая девушка. Я иду к ним через огонь войны. Я спешу, я тороплюсь. Мне надо добраться к ним быстрее, но поперек моего пути стоит с автоматом немец. Он хочет меня убить, он хочет помешать мне идти вперед. И он убьет меня, если я сплываю, он убьет тогда и моих родных, убьет мою невесту, разрушит мой город и мой университет.

Мои родные вручили мне свою судьбу. Я отвечаю за нее. И я сумею ответить... Я уйду, чтобы убить немца»¹.

VIII

В стальных колоннах Красной Армии шагали к победе сыны всех народов СССР, и среди них—казахи. Джамбул, кровно связанный с родной национальной средой, воссоздал правдивый образ воина-казаха. Герой-джигит показан у него в типичных условиях военной страды. Так он выступает, например, в исторической битве за Сталинград:

В Сталинграде—пламя и дым,
Но стоит он прочей, чем утес.
Там сражается и казах.
Мой сородич неустрашим,
Знаю — выстоит он в боях,
Будет Сталин доволен им.²

Как орлы, казахи-воины покинули родной Казахстан, «колыбель бесстрашных людей», чтоб защищать свободу, честь и независимость советской родины. Они оправдали надежды казахского народа, отеческое благословение певца («вас я на битвы благославлял»), и он счастлив сделать вывод: «под Ленинградом и под Москвой стали вы сказкой вечно живой».

Чувство национальной гордости казахов неизмеримо возросло и окрепло в период войны против гитлеров-

¹ Баубек Булкишев. Я хочу жить. Газ. «Комсомольская правда» от 5 ноября 1942 г.

² Джамбул. Несокрушимая крепость. «Песни войны», стр. 51.

ской Германии. Казах-патриот горд был тем, что он с оружием в руках приобщался к ходу мировой истории. Национальная гордость стала источником героического воодушевления воинов и трудящихся Казахстана, понимавших, что борьба с фашизмом — борьба за то, быть или не быть освобожденному казахскому народу.

Великая гордость звучала законно и в Голосе казахского поэта. Узнав о присвоении гвардейского знамени Панфиловской дивизии («Восьмой гвардейской»), сформированной в Казахстане, акын тут же взял домбру и пропел:

Праздник сегодня удвоен мой: i
Почести край удостоен мой! \
В части гвардейцев частью восьмой
Входит и собственный воин мой,
Входит мой родич, входит мой внук,
Входит, на племе своем храня
Прикосновение старческих рук.
Им унесенное от меня¹

Одинаково наполняли гордостью горячее сердце акына в героические дела казахов-фронтовиков, и героические усилия казахов-тыловиков:

«Бессонный труд в плавильных печей, шахтерский порыв в глубинах пластов, тугие колосья сжатых хлебов, стада, сохраненные на пастьбе», — все это повседневные дела казахстанцев. Ими нельзя было не гордиться. Ими гордился не только Джамбул, но и вся страна: «тебя восхваляет, мой сын, страна», — пел акын, — «воздал тебе Дон великий хвалу, тебе благодарны струи Днепра»

Провожая своих учеников-поэтов на фронт, Джамбул наказывал:

Ты во имя родной страны
Про свои забудь табуны,
Про аульные казаны,
Про расшитые чапаны.
Ни любимой своей жены,
Ни веселых своих детей,
Ни себя, мой сын, не жалеи!

¹ Джамбул. Советским гвардейцам. «Песни войны», стр. 25.

Ты и юрту свою забудь,
Под грозой расправляя грудь
Вражьей кровью залей ты путь,
Настоящим воином будь!¹

Отталкиваясь от воинственных традиций своего народа, Джамбул воспевал в казахах-воинах презрение к смерти («спину ты перед ней не гни, ты узду назад не тяни», ибо «смерть бесстрашного не берет»), учил ненавидеть врага («проноси ты аулов гнев в пепелящем врага огне»), развивал сознание патриотической и воинской чести («и важней разве что-нибудь есть, чем народа и Родины честь»), наказывал быть стойкими и в боевом содружестве с сынами братских народов:

Кто не знает усталости, тот
По врагам победным пройдет!
Помни трус не останется цел,
Себялюбив себя не спасет—
Будет прятаться, будет слабей
Дикой курицы в травах степей!
О мой сын, только трусом не будь—
Этой чаши горчайшей не пей!²

И казахи, — да и не только казахи, — поступали так, как наставлял певец. В ноябре 1942 года произошел такой случай. Ранним утром бойцы, расположенные на переднем крае обороны, услышали фашистскую радио-передачу на русском языке. Человек у микрофона говорил неуверенно, словно кто-то силой принуждал его произносить слова фашистской лжи. Неожиданно русский язык сменился казахской речью, торопливой, но **полной горячности** и гнева.

— Товарищи, казахи! Не верьте немецкой лжи, которую я сейчас передавал на русском языке. Я попал в плен в июне, и с тех пор начались для меня муки и пытки. Я выступаю перед вами, связанный веревками по рукам и ногам. Под угрозой расстрела немецкие офицеры заставляют меня говорить вам неправду. Уже три дня я ничего не ел. Товарищи казахи и узбеки, передайте мои слова русским товарищам...

¹ Джамбул. Поэма любви и гнева. «Песни войны», стр. 21.

— Джамбул. «Песни войны», стр. 48.

Бойцы-казахи крикнули в **ответ**: «Мы слышали тебя, мы передадим твои слова, мы отомстим за тебя». Ураганный огонь по немецким позициям был салютом верному сыну Казахстана, погибшему, но не изменившему родине. Безызвестный герой поступил, находясь в лапах гитлеровских палачей, так, как наставлял действовать в безвыходном положении Джамбул. «Если врагу удастся пленить тебя, — учил он, то:

Ты ни слова врагу в ответ
И на пытке не говори.
Илошь в глаза ему и **умри**.
И тебя полюбит народ,
И воздаст он тебе почет,
И бессмертье к тебе **придет**¹

IX

Обличительной характеристике врага в песнях Джамбула отводится внимание в той мере, в какой это необходимо для разоблачения звериной природы фашистских захватчиков, для возбуждения ненависти к ним и развития в советском человеке сознания своего неизмеримого превосходства над гитлеровцем. Если для решения задачи художественного показа героев сталинской эпохи использовались приемы реалистического изображения, лирика и даже патетика, то для показа «фашистского тупорылья» (Маяковский) пускается в ход беспощадная сатира.

В обличительных песнях нисколько не преуменьшалась опасность фашистского нашествия. Злобная орда захватчиков «хочет лучшее взять у нас, хочет пить Кубань, Волгу, Дон», покушается на кровное достояние советских народов, на то, что составляет для них «кровь и плоть веков, радость глаз». Враг беспощаден и неумолим: «Разве помилует людоед, разве насытится кровью он?» Потому «нам без победы спасения нет».

Однако, в тех же песнях и не преувеличивались действительные размеры вражеских сил. «Не превратят **нас** немцы в рабов», — таков лейтмотив у Джамбула. Не удастся врагу покорить советский народ, потому что

¹ Джамбул. Поэма любви и гнева. «Песни войны», стр. 22.

«каждый, каждый земли вершок, это тело твое, кровь и пот».

Джамбул кладет в основу своего патриотического оптимизма веру в мощь советского оружия и веру в мощь рабочей руки. Это они единым усилием воздадут по заслугам фашистскому зверю. Уже в песнях первых месяцев войны, как и в последующих, акын восклицает:

Лейся, горячий чимкентский свинец,
Смертью для черных фашистских свиней!

Надо их до конца **истребить**,
До единого всех перебить!

Множься и крепи, гордая месть,
Нечисть фашистскую сокрушай!..

Враг, меченный дьявольской свастикой, опаснее и ужаснее всех темных сил, с которыми доводилось бороться когда-либо батырам и которые олицетворены в таких казахских мифологических чудовищах, как «айдахар» — огромный огнедышащий дракон, распространяющий дыханием смердящий запах гнили, «тажал» — людоед, пожирающий все живое, «диу» — дьявол, «жезтырнаки» — чудовище с медными когтями, выступающее в образе женщины. В то же время стремление к более доходчивой конкретизации образов и эмоционально-действенной оценке врага становится у певца источником более простых сравнений. Так появляются многоглавый удав, омерзительный дракон. Далее: «словно вечность проголодав, обезумевший от потерь, многоглавый жадный удав» («Ленинградцы, дети мои»); злодей-людоед, «растопыривший крючья своих когтей» («Ленинград победит»); «гад, глумящийся над детьми» и под ударами сталинских батыров в предсмертном изнеможении разжимающий змеиные кольца («Городу ленинских зорь»); «живоглот-душегуб», «все пожрать возмечтавший впрок» и теперь, нодавившийся добычей, блюющий черной драконьей кровью («Новогоднее письмо сталинградцам»). Так рисовался казахскому певцу чудовищный облик **немецко-фашистского** «завоевателя».

Любопытно, что аналогичные представления о фашистском чудовище возникали в народе независимо от

литературных ассоциаций. Е. **Кононенко** описала одну из таких инцидентов:

«В селе Арташат, Камарлинского района, мы шли по полям и виноградникам... В этом районе водятся ядовитые змеи. И гора здесь какая-то особенная, огненно-рыжая, она называется «Шамхор», что значит «Змеиная королева». Мы шли с палками. Поглядывая с некоторой опаской под ноги, я спросила Гургена Бабаджаняна, председателя колхоза:

— Как называется эта змея?

— Фашист! — вдруг с горячим и злым блеском в глазах воскликнул Гурген. — Она называется — «фашист!».

Он обрадовался сравнению, которое только что пришло ему в голову»... ¹

Иногда Джамбул сравнивал презренных гитлеровцев с кровожадным вороном, который «свой клюв к нам .. сует»... Но ему противостоят орлы и соколы сталинского орлиного гнезда. Исход столкновения между ними предрешен. Человек великой советской страны победит фашиста-зверя. И Джамбул еще в ноябрьской песне 1941 года, еще до разгрома немцев под Москвой, так высказывает уверенность в победоносном исходе Отечественной войны:

Помню я много мудрых примет,
Помню я старый порядок лет.
... С живностью связан был каждый год,—
Звался как зверь, как домашний скот,
Звался, как ползающая тварь.
Ставь для фашистов, пылещий год,
Годом улиток и годом змей!
Ставь для страны, где правит народ,
Годом орлов и годом коней.²

Джамбул, как видим, нашел оригинальную, привычную для него форму показа обреченности фашистских злых замыслов. Нельзя здесь не признать удачным обращение к особенностям казахского быта.

¹ Е. **Кононенко**. Армянки. Газ. «Правда» от 4 декабря 1943 г.

² **Джамбул**. Выстоит племя большевиков. «Песни войны», стр. 27

Приметы древнего казахского летоисчисления, обозначавшего годы названиями представителей животного царства, многое говорили национальному сознанию соотечественников Джамбула. Год вероломного нападения авантюриста Гитлера на миролюбивый Советский Союз в самом деле обернулся для арийских бестий «годом улиток и годом змей». Для нас же 1941 год — год испытаний и жертв — оказался «годом орлов и годом коней». Он вошел в историю годом, заложившим основы нашей победы.

Х

В годы войны Джамбул немало сделал для увековечивания образов городов-героев. Соответствующий цикл его военных песен представляет высокий интерес и по идейному содержанию, и по эпическому размаху песнопений, и по художественному исполнению.

Беспримерная стойкость защитников Москвы, Ленинграда и Сталинграда, отразившая героический дух народа и его Красной Армии, отозвалась в чутком сердце акына, как кровное личное дело. Боль за славные советские города, к которым протянулась черная фашистская лапа, горячее желание видеть в них неприступные крепости (какими они и оказались в действительности!), любовь к этим старым русским городам, стремление вдохновить воинов на правое дело их защиты, — все это отразилось в целом ряде песен нашего акына.

Цикл, о котором идет речь, является подтверждением положения, высказанного в «Письме казахского народа фронтовикам-казахам»: «Нерушимая дружба народов стала у нас основой любви к своей родине. Теперь казах, глядя на дворцы Ленинграда, на полноводную Неву, на дремучие северные леса, на блеск Черного моря, на сопки Дальнего Востока, с полным правом может сказать: «Это моя земля, это моя родина. И все мое — ваше, соседи и братья, и все ваше — мое».¹

Казахи сражались на позициях в Подмосковных

¹ Письмо казахского народа фронтовикам-казахам. КазОГИЗ, Алма-Ата, 1943, стр. 20—21.

районах, у стен Ленинграда и Сталинграда с такой яростью, с какой люди защищают родной кров. Они совершили там немало подвигов. Джембул в те дни пел:

Чуть свет, я сажусь на коня,
Поводья, как юноша, рву,
И мчусь, стремянами звеня,
И всех, узнающих меня,
Москве на подмогу зову. ¹

Москва, Ленинград, Сталинград воспеваются, как города, символизирующие гордость советского народа. Перед взором поэта, как живые, возникали города, связанные с именами Ленина и Сталина. Он мысленно переносился «в город сказочный, в город-сад» и видел:

Мне в струе степного ручья
Виден отблеск невской струи.
Если вдоль снеговых хребтов
Взором старческим скользну,
Вижу своды ваших мостов,
Зорь балтийских голубизну,
Фонарей вечерних рой,
Золоченных крыш острия. ²

«Ленинград взор Джембула приворожил» тем, что в нем, как и в Сталинграде, Москве, воплощается наиболее полно все новое, созданное трудом свободных людей. В песне «Ленинградцы, дети мои» Ленинград противопоставляется «Петербуржской крепости — четырех царей». Правда, здесь же подчеркивается, что Петербург был городом революционных традиций («Ваших дедов помнит Джембул, ваших прадедов помнит он: их ссылали в его аул, и кандалный он слышал звон»). Продолжателями этих традиций оказываются современные ленинградцы.

Песни о городах-героях становятся у Джембула гимнами в честь преображенной родины, народа-победителя, но гимнами, наполненными в то же время гневом против тех, кто разрушал чудесные советские города.

¹ Д ж а м б у л. Москве. «Песни войны», стр. 19.

² Д ж а м б у л. Ленинградцы, дети мои. «Песни войны», стр. 10.

Поэт в обращении к Ленинграду с уважением и восхищением заявляет. «Перед тобой согбен и сутул низко кланяется Джамбул». Города-герои в изображении Джамбула эпически величавы. История их обороны — величавый эпос Отечественной войны, не имеющий себе сравнения в истории всех времен и народов.

Сам старей акын проводил на Сталинградский фронт любимого сына Алгадая. Через него он установил живую связь с прославленной волжской твердыней. На прощание старик напутствовал сына словами, дающими ключ к пониманию души поэта-патриота:

Я сказал ему: «Алгадай!
Будь подобен живому письму —
Мой привет бойцам передай!»
Сталинградцы! Песни мои
Алгадай мой вам пропоет.
Пусть в бурление волжской струи
И Джамбул свой голос волеет.¹

Лучшей среди песен Джамбула является в рассматриваемом цикле песня «Ленинградцы, дети мои». Она по праву заняла одно из первых мест в советском миро-эпосе последних лет. Казахский акын в этом произведении блестяще продемонстрировал неоскудевающую мощь своего поэтического таланта. Песня невелика по объему, но предельно содержательна, насыщена реалистическими обобщениями, отличается мастерством художественной отделки и стройностью композиции.

Город Ленина грудью встал против врага. На его защиту поднялись вместе с русскими все народы Советского Союза. Раздается зов народного певца Казахстана. Он гремит по всей стране, проникает в сердце и сознание казахского народа. Песня в самый тяжелый момент шлет осажденному городу выражение любви, уверения в общей готовности к борьбе за его избавление и уверенность в конечной победе. Джамбул тут же рассказывает, как исторически сложилась прочная дружба Ленинграда и Казахстана, почему «мы родня вам с давних пор, ближе брата, ближе сестры Ленинграду Алма-Ата»². Оттуда, из Ленинграда,

¹ Джамбул. Несокрушимая крепость. «Песни войны», стр. 51.

² Джамбул. Ленинградцы, дети мои. Газ. «Правда» от 5 сентября 1941 г.

«проблеск ленинских слов-лучей загорелся впервые впотьмах». Ленинград постоянно помогал социалистическому преобразованию Казахской республики «Ваших лучших станков дары Киров к нам привез неспроста». В Ленинград стремились лучшие сыны Казахстана, чтобы приникнуть к источникам его культуры и науки. Здесь в свое время жил первый казахский ученый Чокан Валиханов, учился сын великого Абая, учились многие казахи — научные работники и общественные деятели:

И недаром своих сынов
С юных лет на выучку мы
Шлем к Неве, к основе основ,
Где, мужая, зреют умы.

Живые связи с Ленинградом постоянно поддерживались многолетним шефством Казахстана над Краснознаменным линкором «Киров»; не ослабли они и в дни войны:

Неслучайно Балтийский флот,
Славный мужеством двух веков,
Делегации моряков
В Казахстан ежегодно шлет.

И эта любовь к городу Ленина рождает у певца жгучие строки ненависти к врагу. Коварный и жестокий удар гитлеровцев отозвался горькой болью в сердцах всех трудящихся Казахстана. Они послали на выручку Ленинграда лучших сынов, материальную помощь, все, чем богата казахстанская земля:

К Ленинграду со всех концов
Направляются поезда.
Провожают своих бойцов
Наши села и города.
... Из глубин казахской земли
Реки нефти к вам потекли,
Черный уголь, красная медь,
И свинец, что в срок и впопад
Песню смерти готов пропеть

Бандам, рвущимся в Ленинград.
Хлеб в тяжелом, как дробь, зерне
Со свинцом идет наравне.
Наших лучших коней приплод,
Груды яблок, сладких как мед,—
Это все должно вам помочь
Душегубов откинуть прочь.

В страшные дни блокады города-героя могучая песня Джамбула поступила на вооружение ленинградцев и сыграла выдающуюся роль. Ленинградцы приняли песню, как выражение мыслей и чувств всего советского народа. О том, как Джамбул стал, благодаря своей песне, «воином-ленинградцем», упоминалось потом в письме казахского народа фронтовикам-казахам.¹

Финал песни полон оптимизма и говорит о близком будущем, когда по сталинскому слову будет сломлена блокада, и войска Ленинградского фронта перейдут в сокрушительное наступление. Каждое слово финала рассчитано на то, чтоб укрепить веру в окончательное торжество правого дела:

Беспечален будь, Ленинград!
Скажет Сталин—в путь! Ленинград!
Все пойдут на выручку к вам,
Полководческим вняв словам.
Предстоят большие бои,
Но не будет врагам житья!
Спать не в силах сегодня я...
Пусть подмогой будут, друзья,
Песни вам на рассвете мои.
Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!

Эти слова песни, как известно, оправдались.

Тема Ленинграда так захватила Джамбула, что он снова возвращается к ней: в мае 1942 года создана песня «Городу ленинских зорь», в ноябре — «Ленинград победит», а в феврале 1943 года — «Тебе, комсомолец Ленинграда». Автор восхищен, что «город ленинских зорь» мужеством своим **вписал лучшие** страницы в

¹ Письмо казахского народа фронтовикам-казахам. КазОГИЗ, Алма-Ата, 1943, стр. 20.

историю Отечественной войны, оправдал надежды старого певца, и «много подвигов... совершил, много извергов искрошил, город-зареву, город-лев».

Через все названные песни, как ведущий лейтмотив, проходит ленинская тема: «Ленин, — вечно живой, скорбит над Невой»; «Ленин зовет к борьбе и победе»; «Ленин, стоя на броневику, простирает руку свою», осененный ленинским духом, «город -ленинских **зорь**» «устоял в смертельном бою», «врага задержал» и «славу стяжал».

Джамбул до последних дней своих гордился тем, что сумел сложить песни в честь героических городов — Москвы, Ленинграда и Сталинграда, что «за приказом ступая в след ради ваших, джигиты, побед, голос мой выходил на дозор». Он этим справедливо гордился и по-праву **мог** петь о самом себе:

Не прошел ли я с вами сам
По дорогам и по лесам?
Помнит каждая кося,
Помнят старых стволов слои
Зов Джамбула — «дети мои!»
И признаье «гордость моя!»
Устояли вы в смертной борьбе,
Я горжусь моими детьми!¹

Песни Джамбула прочно вошли в быт фронтовиков. Каждая новая песня акына немедленно получала распространение среди бойцов, ее заучивали, ею гордились, по ней равнялись.

«Песня Джамбула, — сообщалось в одной корреспонденции из Действующей Армии, — была встречена в части с большой радостью. Ее читали вслух, заучивали наизусть в землянках и траншеях, она явилась большим подарком для фронтовиков. Бойцы и командиры ответили народному певцу теплым, дружеским письмом.

— В майские теплые дни, — пишут фронтовики Джамбулу, — ваша песня **влила** в нас новые силы, еще более усилила нашу ненависть к врагам родины, еще более повысила наш наступательный порыв. **Спа-**

¹ Джамбул. Богатырям, ломающим преграды. «Песни войны», стр. 72.

сибо, дорогой акын, боевое красноармейское спасибо за радость, которую вы нам доставили! Вашу песню мы теперь все знаем. В схватках с врагом мы пронесем ее сквозь пороховой дым и грохот орудийных залпов, как символ победы».

Бойцы дают Джамбулу крепкое солдатское слово использовать силы и опыт, накопленные в боях, для выполнения исторического сталинского приказа: «Дорогой Джамбул, в ответ на ваши боевые слова: «Есть, песню дать! Есть, вам помочь, народов доблестные сыны!» — мы отвечаем по-красноармейски: — «Есть, громить врага».

«Каждый народ хвалит и возвышает своих героев, — писал Герой Советского Союза Малик Габдуллин в одном из своих фронтовых писем. — Мы уважаем Кобланды, Таргына, Срыма, Исатая, Махамбета, Абая, Амангельды, Джамбула. Мы берем с них пример. Мы знакомим бойцов с их делами и призываем учиться у них делу служения народу».

Другой Герой Советского Союза Тулеген Тохтаров никогда на фронте не расставался с песнями Джамбула. Однажды непрерывно трое суток Тулеген пробыл в засаде, ожидая немцев, которые, по донесениям разведки, находились в офицерском блиндаже, за песчаной косой. От напряжения туман застилал глаза, отяжелевшие веки невольно смыкались, но притаившегося врага нельзя упустить, и тут на помощь пришла песня Джамбула. Чтобы преодолеть усталость, Тулеген мысленно пел его песню о Казахстане, или, как он выражался, начинал «петь умом»:

Посмотри —
Озарен, сиян
Встал одетый в лучи Казхстан
От Тянь-Шаня его простор
До Уральских яшмовых гор...

К исходу третьих суток у немецкого блиндажа выросла фигура офицера. Он упал, сраженный снайперским выстрелом Тулегена. Так же были подстрелены и двое солдат, бросившихся спасти раненого фашиста. Тулеген, выполнив задание, вернулся в часть...

¹ С. Полянов. Переписка с Джамбулом, Газ. «Правда» от 1 июня 1942 г.

Правы бывали фронтовики, когда утверждали, обращаясь к Джамбулу: «В жарких кровопролитных боях мы чувствуем тебя рядом, как локоть товарища, как полковое, зовущее вперед, алое знамя, как дыхание любимой родины».

Джамбул стал таким образом активным участником великих исторических сражений, что кипели в Подмосковье, на древней русской земле Смоленщины и Орловщины, у стен Сталинграда и Ленинграда, на берегах Днепра, в лесах Белоруссии, на Балтийском и Черном морях.

Сотни писем, задушевных обращений, приветов непрерывно поступали во время войны в домик поэта.

«В грозные дни Отечественной войны, — гласит «История Казахской ССР», — слова песен Джамбула в окопах и блиндажах незримыми узами связывали бойцов с великим акыном, посылавшим отцовский наказ. С передовых позиций акын получал ответные стихи и письма, наполненные священной клятвой — стоять на страже Родины до конца, до полного истребления врага.

С боевым кличем песен Джамбула шли наши воины в бой — и побеждали» ¹.



¹ История Казахской ССР с древнейших времен до наших дней. Под редакцией М. Абдыкалыкова и А. Панкратовой. «КазОГИЗ», Алма-Ата, 1943, стр. 630, см. также стр. 633—634.



ГЛАВА ВОСЬМАЯ

МАСТЕРСТВО АКЫНА

Правильно отметили однажды белорусские поэты, что в творчестве Джамбула в высшем синтезе органически сливаются: огромная сила чувств и высокий полет мысли, теплый лиризм и глубокая мудрость, подлинный пафос и величественность образов, смелость фантазии и эпическая монументальность.¹ Диапазон поэтического мастерства акына действительно необычайно широк. От гневных сатирических строк песни «Собака бая Кадырбая» до эпически торжественного строя песен о социалистической родине, о Ленине и Сталине; от мягких лирических интонаций в стихах о детях до страстного повествования в поэме «Моя родина»; от эпического изображения батыров прошлого до лиро-эпической разработки тем современности — таков размах поэтических приемов казахского певца.

Широкий круг идей обусловил эффективное использование различных жанров: стихотворного сказа («Утеген-батыр», «Суранши-батыр», «Бег времени», «О Саурынке»); эпопеи («Сталин», «Поэма о Ворошилове»); своеобразной революционной оды (цикл песен о **вождях**

¹ Янка Купала, Якуб Колас и др. Великому певцу казахского народа Джамбулу Джабаеву. «Литературный Казахстан», №4. 1938, стр. 34.

социалистической революции); реалистической поэмы («Моя Родина», «Моя жизнь» и др.); айтыса; лирического послания, обращения, портрета; прозаической сказки; политического памфлета (произведения, разоблачающие баев, ханов и проч.); агитационной и бытовой песни; эпиграммы.

Особое искусство проявлял Джамбул до революции в оригинальном жанре казахского народного творчества — айтысе, т. е. состязательных песнях. ...«Айтыс, — отмечает Мухтар Ауэзов, — являлся для него самой излюбленной формой изобличительной поэзии. Джамбул вырос по-преимуществу на этом жанре... Быстрое и острое отпаривание ударов противника в этом творческом поединке, словесно-поэтическом турнире, являлось исполнительски творческим актом... Тренировка и экзамен на поэтическую зрелость в этом поединке формирует особенным образом навыки и дарования поэта-акына. Он по-преимуществу импровизатор, создатель экспромтов, логически отточенных мыслей, **изошренно-тонких** полемических выпадов и неожиданных острот. А так как исход борьбы решает все же не одно изобилие и красота спетых песен, а, как во всякой ораторской речи и полемике, изворотливость ума, сила логических связей сказанного, то жанр «айтыс» требовал от поэтов огромных знаний, осведомленности во всем и готовых зрелых ответов на все явления окружающей действительности»¹.

В искусстве айтыса отчетливо выделяются две взаимно связанные художественно-изобразительные тенденции: обличительно-сатирическая и панегирическая. **Джамбул** в состязании с противником, с одной стороны, обличал, высмеивал то, что последний защищал. С другой стороны, логика поэтического спорта требовала утверждения положительных образов, открыто противопоставляемых тем, которые воспевались **акыном-противником**. И Джамбул поэтизировал народных батыров, восхвалял трудовой народ, а иногда, по традиции, и свой род. Таким образом, в процессе айтыса оттачивались разнообразные приемы: обличения, критики, сатиры,¹ а с другой стороны, показа положительных характеров.

Если в дореволюционный период **айтыс**, как **жанр**,

¹ М. Ауэзов. Джамбул и народные акыпы. Журн. «Литературный Казахстан», № 6, 1938, стр. 87.

вполне удовлетворял требованиям обличения и **восхваления**, то, разумеется, он стал недостаточен в дальнейшем. Сталинская эпоха, достойная «широких полотен, широких обобщений в образах» (Горький) вызвала к жизни новые жанры, новые формы художественного творчества. Ведь и Горький искал возможности объединить реализм и романтизм «в нечто третье, способное изображать героическую современность более яркими красками, говорить о ней более высоким и достойным ее тоном»¹.

Джамбул нашел — вернее **восстановил** — одну из возможностей полнокровного изображения героической действительности, обратившись к эпике. Со смелостью большого художника он возрождал эпос, и в эпических формах создавал величественные образы, отражающие наш век. Традиции эпоса оказались отвечающими героике социалистической перделки мира. Эпические жанры, творчески обновленные и обогащенные пафосом большевистской правды, приобрели небывалую силу и **торжественность**.

II

Излюбленная поэтическая форма у Джамбула — «жир». Жир — это пространное по объему **стихотворение**, песня. Она давно привилась в народном казахском стихосложении. Героические поэмы казахского эпоса написаны в форме «жира», тогда как для лирических произведений характерна форма четверостиший с **одиннадцатисложной** строкою. Сжатую характеристику «жира», как типичной стихотворной формы казахского героического эпоса, дают Мухтар Ауэзов и Л. С. Соболев:

«Поэма о Кобланды и в формальном отношении является наиболее характерной для казахских поэм-былин. Как все подобные былины, она сложена размером **«жир» — семи-восьмисложным** стихом с объединением строк не в строфы, по обычному формальному признаку, а в «тирады», где количество строк колеблется от четырех до четырнадцати в зависимости от логического смысла тирады. Рифма же внутри тирады не имеет постоянного места, зато отчетливо выделяется звуковая инструментовка, построенная на повторах, одинаковых

¹ М. Горький. О литературе и прочем, сб. «О литературе», стр. 71.

зачинах, аллитерациях и ассонансах. В казахском эпосе стиховой строй эпических поэм отличается высокой техникой. конечная рифма, одинаковые зачины строк, аллитерации, эпитеты и метафоры, подбираемые по созвучию, создают порой насквозь звучащую строку звонкого былинного стиха.

Кроме того «жир» в местах, особенно нагруженных событиями, в описании столкновений, острых переживаний переходит в стихотворный ритм «жельдирме». Жельдирме — беглый, напевно-декламационный ритм, определяющийся самим наименованием («жельдирме — рысистый бег»), который противопоставляется «жиру», ведущему повествование как бы медленным шагом»¹.

Высоким совершенством отличается «жир» и в поэтике Джамбула, причем эту традиционную форму поэт новаторски обогащает, выражая ею новое содержание.

Произведения, созданные в форме «жира», представляют по существу развернутый поэтический монолог. Монологическое начало оформилось и выработалось в результате того, что произведения создавались устно, импровизировались. Поэтическая форма точно отражает здесь особенности творческого процесса импровизации. Акын, как бы непринужденно, произносит речь в форме песни, речитатива, обязательно сопровождаемую аккомпаниментом домбры.

Композитор Е. Брусиловский, обстоятельно изучавший песенное творчество казахов, указывает на речитативность, как характерную особенность жира:

«Казахская народная песня может быть разделена, в основном, на два раздела: песенный и речитативный. В песне основной упор делается на мелодию песни, текст сходит на второй план... В речитативных формах, как например, в терме и жире, наоборот, текст играет первенствующую роль. Мелодия в этом случае состоит из несложного мелодического рисунка, главным образом, на повторяющейся одной и той же ноте... Великан народной поэзии орденоносец Джамбул даже в быту простую беседу может вести в этой речитативной форме»².

¹ Мухтар Ауэзов и Л. Соболев. Эпос и фольклор казахского народа. Журн. «Литературный критик» № 1. 1940, стр. 172—173.

² Е. Брусиловский. Заметки о казахской народной музыке. Журн. «Литературный Казахстан» Яг 1, 1938, стр. 116.

Ритм стиха, которому уделяется в жире исключительное место, всегда совпадает с ритмом сопровождающей его музыкальной мелодии, но текст играет здесь ведущую роль.

В жире нет строфического деления, и русские переводы песен Джамбула двустихиями не соответствуют оригиналу. Но отсутствие разработанной строфики не может служить показателем примитивности формы жира. Строфика, столь многообразная в письменной поэзии, просто невозможна при импровизации. Правда, и в жире намечается выделение строфичности, связанное с **логическим** делением повествования. Так, **мысль**, развернуто выраженная в нескольких десятках строк, часто создает как бы законченную и отграниченную часть жира. Но это скорее композиционное деление, чем строфа в точном **-смысле этого понятия.**

Жир является одной из разновидностей силлабического казахского стихосложения, соответствующего особенностям казахского языка. Насчитывается пять основных форм в казахском стихосложении: **одиннадцатислоговая**, **семислоговая**, **шестислоговая** и **смешанная**, в которой чередуются строки с разным количеством слогов. Джамбул разрабатывает, главным образом, семисложный размер, т. е. тот размер, который, как и **одиннадцатисложный** размер, является у казахов издревле традиционным размером народной поэзии. Вот типичный у нашего акына **семисложный** размер:

Кесем **берген** алтын зад
Жыл **ішінде** ержетті,
Масатыдай гүрленіп
Отанымды **гүлденгі.**
Бесіктегі баламды
Ана **болып** тербетті.
Токсанданы **шалымды**
Шарықтатып көңілін,
Көкке **кулаш** серметті.
Қанат берді **халқыма**
Әуелетті, өрлетті.
Ағытылған өзендей
Сарқыратты еқбекті. **1**

1 Джамбул. Первый год. «Песни и поэмы», стр. **137.**

Реже в поэтике Джамбула встречаются восьмисложный размер и смешанная форма силлабического стихосложения, причем, в последнем случае, в **основном**, дается семисложный размер и лишь отдельные строки восьмисложны. Восьмисложные строки обычно замыкают развиваемую мысль и всегда интонационно выделяются. В синтаксической структуре песни восьмисложные строки до известной степени обособляются или, **вернее**, подчеркиваются. Поэтому и отсутствует правильность чередования семисложных и восьмисложных строк¹.

Однако, в поэзии Джамбула весьма часты и строфически организованные четверостишия с правильной канонической рифмовкой **первой**, второй и четвертой строк. Такими четверостишиями, например, сложена песня «Я избираю Сталина»². В русском переводе **четверостишия** отсутствуют и песня передана в форме двустиший³. Если трудно передать в формах русского стихосложения свободную рифмовку жира, то четверостишия естественно переводить в соответствии с оригиналом.

Джамбуловские четверостишия отличаются от так называемых «кара-олен», т. е. четверостиший, распространенных в массовом творчестве. Кара-олень представляет четверостишие, в котором первые две строки выражают различные мысли, не имеющие отношения к основной мысли **произведения**. Так, очень часто рядовые импровизаторы, начиная песню, говорят вначале о посторонних фактах и только в двух последних строчках высказывают основные **мысли**. Кара-олень — отголосок неразвитости импровизационного мастерства. У Джамбула, владеющего высоким мастерством импровизации, четверостишия более разработаны и цельны в смысле логически развернутого выражения определенной идеи. Насколько мастерски владел Джамбул строфически организованным стихом, можно судить по тому, что многие поэмы сложены полностью четверостишиями.

В «жире» нет установившегося способа рифмовки. Строки рифмуются свободно. Рифма в жире не играет ведущей роли. Все это является следствием того этапа в развитии народной поэзии, когда ритмическая орга-

¹ Песни: «Союз» и «Май», там же, стр. 44 а 103.

² Там же, стр. 103.

* **Джамбул**. Путешествие на Кавказ, стр. 35—39.

низация стиха уже установилась, а процесс оформления и выделения рифмовки еще не закончился. При первом восприятии кажется, что рифма — дело случая, но в этой свободной рифмовке есть трудно уловимая **внутренняя** закономерность. Часто встречаются целые **группы** строк, лишенные рифмовки. «Пропуски рифмы в казахском фольклоре, — отмечает Л. Пеньковский, поэт-переводчик, — не случайное явление, оно рассчитано на отдых слуха от рифмы»¹. Условия импровизации и восприятия слушателями больших произведений на слух сказываются здесь со всей очевидностью. Рифмы в поэтике Джамбула, как и вообще в казахском стихосложении, всегда мужские, с ударением на последнем слоге. Нередко в песнях Джамбула встречается сплошная рифма, охватывающая пятнадцать—двадцать строк. Примером такого случая рифмовки, требующей большого мастерства, могут служить следующие строки **жира**:

Сол батырдың бәрінің,
Халықтың, жастың, кәрінің,
Тілсізін халық ерінің,
Тілегін халық жерінің,
Тілегін тау, қузының,
Тілегін улы, қызының,
Тілегін ауа, даланың,
Тілсізін мейрімді ананың,
Тілегін әке, ағаның,
Тілсізін акын, дананың
Жыйын, түйін бір жерге,
Біліп, көріп біздерге
Құрып мықты штабын;²

В отдельных переводах Павла Кузнецова точно уловлена и передана эта характерная особенность жира. Знаток и мастер перевода К. Чуковский правильно констатировал: «Советские переводчики преисполнены такого уважения к национальной культуре каждого из братских народов, что проявляют особую **щепетильность** при передаче на русский язык того или иного на-

¹ Л. Пеньковский. Моя работа над переводом «Ер-Саяна», Журн. «Литературный Казахстан» № 9, 1938, стр. 84—85.

² Джамбул. Родина Сталина. «Песни и поэмы» стр. 201.

ционального стиля. ...Наши переводчики только к тому и стремятся, чтобы соблюсти в полной мере, как некую великую ценность, ту национальную форму, которая свойственна подлиннику.

Когда, например, они переводят Джамбула, самый склад их стиха приобретает характер казахской национальной поэзии.

Если вся переводимая песня зиждется с начала до конца на одной единственной рифме, советский переводчик считает себя обязанным воспроизвести и эту труднейшую форму:

Любовью и радостью озарена
Обильная наша страна,
Как слава джигита, красива она,
Бескрайняя наша страна.
Как беркут она **белоплечий вольна—**
Свободная наша страна.
Как волны Арапа в прибое сильна
Могучая наша страна.
Бурлива, как гордая кровь скакуна,
Чудесная наша страна.
Сталинским сердцем согрета она,
Любимая наша **страна»**.¹

Кстати отметим, что гораздо ближе других **переводов** стоит к форме жира перевод П. Кузнецова поэмы Джамбула «Моя Родина». Правда, здесь использована парная рифмовка, не типичная для Джамбула, но очень удачно переданы особенности жира, как **монологического** стихотворения.

Сплошная рифма, охватывающая подчас десятки строк, создает особенную интонационную выразительность, эмоциональную напряженность: поэт как бы одним дыханием спешит высказать волнующие его мысли, отлить их в поэтические образы. Сплошная рифмовка придает жиру музыкальность. Песня приобретает легкость, напевность, мысль выражается свободно и плавно.

¹ К. Чуковский. Советский стиль художественного перевода. Газ. «Правда» от 15 марта 1940 г. Приведенные **строки** Джамбула взяты из «Песни съезду» в переводе Павла Кузнецова, «Песня и поэмы», стр. 60. См. так же **песню** «Я избираю Сталина» в сб. «Путешествие на Кавказ», стр. 39.

Характерной особенностью «жира» является также начальная и внутренняя рифма. В этом случае рифмуются слова и в пределах одной строки, и смежных строк. Внутренняя рифма, широко представленная в казахской народной поэзии, создает дополнительную напевность, интонационную выразительность в джамбуловском стихе. К сожалению, в переводах, как правило, внутренние рифмы не передаются, что, конечно, обесцвечивает песни.

Аллитерации и ассонансы, организованные звуковые повторы, если и не канонизированы в стихе Джамбула, то во всяком случае играют не последнюю роль. Они встречаются очень часто. Во многих песнях встречается настоящий аллитерационный стих, в котором, как, скажем, в древнегерманском стихе, звуковые повторы, основанные на повторении согласных, выполняют важную функцию в ритмической организации стиха и в значительной мере восполняют недостаточно развитую рифмовку¹.

Анафора, единоначатие, также используется Джамбулом. Обычно, слово, которым начинается ряд строк и, таким образом, интонационно выделяется, имеет особенное смысловое значение так же, как и слова, которые рифмуются:

Сталин — в каждой мысли у нас,
Сталин — в каждом сердце у нас,
Сталин в каждом деле у нас,
Сталин — в каждой песне у нас.²

» * *

Слушай **Кастек**, Каскелен, Каракол,
Я славлю **Великий Созетский** Закон.
Закон, по которому радость приходит,
Закон, по которому степь плодородит,
Закон, по которому сердце поет,
Закон, по которому **юность** цветет,
Закон, по которому служит природа
Во славу и честь трудового **народа**.³

¹ Песни: «Свет солнца», «Пушкин», «Поэма о Ворошилове», «Песни и поэмы» на казахском языке, стр. 117, 113, 206.

² Джамбул. Песня о Москве, «Песни и поэмы», стр. 46.

³ Джамбул. Великий Сталинский закон, там же, стр. 40.

Выделение слов «Сталин», «закон» тем, что они **ста-**вятся в начале ряда строк, дает значительный художественно-эмоциональный эффект. Внимание фиксируется на понятиях, в которых и раскрывается основная мысль автора. Анафора облегчает процесс импровизации. Повторяемое в начале строк слово, концентрирующее в себе наибольшую смысловую нагрузку, оказывается как бы стержнем импровизации.

Особенную роль в жире играет зачин, вступление. В большинстве произведений и Джамбула и других акынов стало традиционным посвящение вступительных строк обращению к домбре или к любимому **акыну**—учителю. Такие готовые вступительные формулы помогают импровизатору сосредоточиться, самомобилизоваться, чтобы затем перейти к развертыванию **избран-**ной темы.

Мастерство Джамбула, блестяще владевшего формой жира, особенно выявляется в использовании **прие-**мов, содействующих созданию напевного, музыкального стиха. Жир не декламируется, его обязательно поют. Поэтому музыкально-вокальная сторона имеет здесь серьезное значение. Аллитерация, ассонанс, анафора, начальная, внутренняя и сплошная рифма, — все служит цели создания произведений, динамических по ритмике, темпераментных по интонациям, музыкальных по звучанию. Напевность и музыкальность жира ближайшим образом облегчают восприятие песни слушателями, помогают максимально воздействовать на них. Вот образец мастерски организованной звукописи, красочного звукового образа:

Булдыр — булдыр, булдыр ку'н
Булдырап кеткен кургыр ку'н,
Бурынга ку'ним ку'н бе еди.
Ку'н емес кара ту'н еди.¹

Виртуозное искусство звукописи у Джамбула далеко от формалистических упражнений. При музыкальном звучании приведенных строк, в них выражается в **кра-**сивом художественном образе большая мысль: поэт сравнивает проклятое прошлое с пасмурным, пасмурным днем, напоминающим мрачную ночь. К сожалению, **да-**

¹ Большой караван. «Стихи и поэмы», стр. 27.

же отдаленного намека на этот поэтический образ **нет**, в русском переводе¹.

Аналогичные по музыкальной выразительности строки и образы встречаются в эпической поэме о Ер-Таргыне, но у Джамбула они приобрели новое качество, выражают иную социальную идею.

III

Поэтика Джамбула носит все следы импровизации. От этого поэтика его нисколько не снижается в художественных достоинствах, так как акын выступал **всегда** как виртуозный мастер в своем жанре. Когда-то Гегель, подчеркивая связь определенного характера произведений искусства с национальными особенностями их авторов, утверждал, что «импровизаторы встречаются преимущественно в Италии, и притом итальянские импровизаторы удивительно талантливый»². Он приводил пример итальянского импровизатора, создававшего устно пятиактные пьесы. Образ талантливого итальянского импровизатора дан также Пушкиным в «Египетских ночах».

Теперь, когда революция призвала к свободной творческой жизни ряд отсталых в былое время, угнетенных народов — оказалось, что они обладают исключительными художественными ценностями. Творчество Джамбула, в частности, показывает, что итальянским импровизаторам могут не уступать и казахские мастера поэтической импровизации.

Если вообще процесс поэтического творчества **не** мыслим без вдохновения и упорного труда, то, пожалуй, вдвойне эти качества проявляются в импровизации, классическим представителем которой выступал Джамбул. Импровизируя свои песни, наш акын **творил** в лучшем смысле этого слова. Песня лилась у него легко и свободно, без перебоев, срывов, и для слушателей оставалось незаметным внутреннее напряжение певца.

Импровизации Джамбула ошибочно уподоблять беззаботному журчанию родника или пению соловья.

¹ Джамбул. Песня о большом караване. Сборник «Путешествие на Кавказ», стр. 25.

² Гегель. Лекции по эстетике. Гос. соц. эконом. изд-во, М., 1938, соч., том XII, стр. 293.

Труд акына огромен, как бы ни облегчала импровизацию длительная тренировка. Правильно отмечает проф. Ю. М. Соколов: «Систематические наблюдения над жизнью и творчеством сказителей былин, сказочников, составительниц причетов, свадебных дружек и других, так называемых носителей фольклора, показали какую огромную роль играют в устной поэзии личное художественное мастерство, выучка, талант, память и другие моменты индивидуальной психики»¹.

Это характеризует и Джембула. Очень часто при создании больших по объему импровизаций, Джембул прибегал к повторению значительной части только что созданной песни. В этой второй редакции песня приобретала новые художественные достоинства: мысль проступала ярче, художественнее и отделаннее получались основные образы.

Нередко акын прибегал к использованию готовых образцов из ранее созданных произведений, чтобы за время их исполнения найти необходимые поэтические краски для построения следующих частей импровизации. Так, например, Джембул после возвращения из поездки в Гори начал импровизировать песню о родине Сталина и в процессе импровизации обратился сперва к привычной теме рождения и воспитания эпического батыра, чтобы за время ее повторения найти образы для главного содержания песни.

Верную зарисовку Джембула в момент творческой импровизации дал писатель Лев Кассиль, слышавший акына на Русгавелиевском пленуме Союза Советских писателей в Тбилиси:

«Зал грохотал приветственными овациями. Но Джембул как бы не слышал шума и словно не видел слепящих лучей электроламп. Он смотрел поверх голов, и казалось, что он видит какие-то далекие горизонты, скрытые от нас стенами зала.

Было что-то вещее и очень древнее и в то же время воинственно молодое в этом взгляде. И зал затих.

А Джембул вскинул небольшую домбру, как бы припал к ней ухом Узловатые, ловкие пальцы его начали четкий, ритмический танец по струнам. Горловым,

¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, Учпедгиз. М., 1938 стр. 9.

подчиненным сложному, будоражащему ритму, голосом акын начал петь...

Джамбул пел о Кавказе, среди вершин которого поднялась вершина гения Руставели, пел о дружбе народов Советской страны. И голос девяностолетнего степного певца то торжественно гортанный, то яростный (когда он говорил о враге), то по-молодому игристый, виртуозно галопирующий, все время изменяющийся в тембре, заворожил зал.

Песня Джамбула, сочетающая в себе опромный темперамент освобожденного народа, с неприкосновенным своеобразием вольных степных напевов старины, врежется в память каждого, кто слышал легендарного акына хоть один раз. Она живет в памяти, как образец чудесного искусства народа, получившего возможность полногласно и свободно использовать свои лучшие, веками под спудом накапливавшиеся, традиции для выражения величественной радости сегодняшнего дня»¹.

Поэт Абдильда Тажибаев стихами описывает психологическую сосредоточенность акына в момент импровизации:

Джамбул глубокие глаза открыл,
Положил пальцы на лады домбры,
И голосу его стал домик тесен..
И сердцу тесно пылкому в груди..
Селой Джамбул торжественно вошел
В таинственный дворец чудесных песен!
Держал он обновленную домбру,
И гимну нежному ее звучащих струн
Аулы казахстанские, внимали,
С далеких пастбищ и со всех стен
На зов домбры, как стая голубей,
К Джамбулу песни и стихи слетались.²

Обычно рождению песни предшествовала музыкальная мелодия: она как бы настраивала певца, помогала ему сосредоточиться, мобилизовать силы для творческого акта. И вот «на зов домбры, как стая голубей», слетались поэтические образы. Музыкальная мелодия сливалась с **ритмичкой** песенного стиха.

¹ Лев Кассиль. Пение Джамбула напоминает мудрое пророчество. Журн. «30 дней» № 5, 1938, стр. 11.

² А. Тажибаев. Домбра Джамбула: Журн. «Литература и искусство Казахстана» № 10, 1939, стр. 46.

Можно с полным правом говорить о джамбуловской культуре стиха. Стих Джамбула, традиционный жир, выразителен по ритмическим интонациям, музыкальной звучности, красив и совершенен, поэтически отшлифован и предельно ясен. Культура джамбуловского стиха, выросшая на почве вековых отложений народного творчества, представляет явление подлинного искусства. Поэт Илья Сельвинский с восторгом писал (так его поразила многогранная культура стиха в песнях Джамбула, которую действительно нельзя не чувствовать, даже не зная казахского языка):

«Я слышал пение Джамбула — это пела степь. Мне казалось, что я нахожусь у самых истоков человеческого творчества. И в то же время, когда певец, беря на одно дыхание широкие стиховые периоды, в горячем темпе, с изумительным чувством ритма **подводил их** к новым музыкальным фразам, каждому становилось ясным, что за этим кряжистым старцем — седая тысячелетняя культура стиха, развившегося, не подозревая о книгопечатании, и создавшего свой особый мир — мир казахской песни»¹.

Если в русском народном стихе, взятом вне **живого** песенного исполнения, ритмические начала выражены настолько слабо,² что трудно провести грань между прозой и стихом², то у Джамбула резко воспринимается строгая ритмическая организация речи. Основной ритмико-смысловой единицей является строка, в которой чаще всего, как и в русском народном стихе, **выражается законченная мысль**; поэтому переносы, как правило, отсутствуют, поэтому строка так ритмически организована, что ее невозможно смешать с **прозаическим повествованием**, она воспринимается, как часть именно стихотворной речи. Высокая культура **джамбуловского стиха** и характеризуется не только **ритмической организованностью**, но и такими чертами, как эмоциональная напряженность поэтической речи, выразительность и образность языка, полновесное **выражение** идейного замысла.

¹ И. Сельвинский. Образ Джамбула — это образ одаренного народа, освобожденного напеей революцией. **Журн.** «30 дней» № 5, 1938, стр. 11.

² Л. Тимофеев. Стих и проза, Изд. «Советский писатель», М., 1938, стр. 242—243.

Мастер стиха, Джамбул гибко применял в процессе импровизации различные ритмические вариации. Ритмический контраст, ритмическое нарастание, ритмическая монотония, ритмически неожиданные, но подчеркивающие ту или иную мысль перебои, — все эти ритмические возможности стиха он применял очень умело, достигая неотразимого эффекта.

Но ритмическая организованность речи в целом не есть основное условие поэтичности песен Джамбула: огромную роль играет в его работе над стихом постоянное стремление к повышенной эмоциональной нагрузке каждого слова, каждой строки, что и составляет секрет огромного успеха импровизаций Джамбула. Формальные элементы стиха подчинены выражаемой мысли, организованы чувствами, думами, которые певец передает в высоком настроении эмоциональной речи.

Эмоциональность, играющая исключительную роль в поэтике Джамбула, улавливается и в записях, и в подстрочниках, и в переводах. Действительно, эмоциональная речь — органический элемент и формы, и содержания, а потому вместе с передачей идейного замысла песен на неказахском языке естественно передается и эмоция, их проникающая.

Высокая культура джамбуловского стиха раскрывается также в том, что сумма изобразительных средств акына, его работа над отдельными элементами формы, эмоционально приподнятая, патетически насыщенная речь служат созданию героических характеров. Вне этого объекта творческого вдохновения невозможно по достоинству оценить и разобраться в составных элементах поэтики Джамбула.

Работа над героическими характерами Ленина, Сталина и их соратников, зарисовки возрожденного Казахстана, — все это определяло структуру поэтической речи, ритмические вариации стиха и вообще все, что составляет художественность джамбуловских созданий. «С народом и родиной счастлив акын, захваченный радостью старый Джамбул», — это мироощущение определяло и выбор изображаемых характеров, и целесообразное использование всего арсенала приемов импровизаторской работы над стихом.

Между идейно-художественной законченностью созданных характеров и поэтической культурой их

творца существует такое же соотношение, как между содержанием и формой произведения искусства. К примеру, джамбуловская культура стиха в процессе работы над характерами Ленина и Сталина получила новые качественные черты. Да и вообще у Джамбула культура стиха впервые проявилась во всей мощи только в наше время, когда для нее нашлась соответствующая по размаху идейная основа.

IV

- Поэтическое мастерство Джамбула выступило особенно ярко в таких больших лиро-эпических полотнах, как поэмы «Сталин», «Я избираю Сталина», «Поэма о Ворошилове», «Моя Родина», «Моя жизнь», «Утеген-батыр», «Суранши-батыр». Уже тот факт, что за четыре-пять лет создано было до десяти поэм, одновременно с созданием около двухсот песен, вскрывает изумительную плодовитость народного певца. А художественные достоинства поэм свидетельствуют, как отлично он владел своим искусством.

Поэмы Джамбула отличаются сюжетностью, построенной на основе исторических событий. Так, в сюжете «Поэмы о Ворошилове» передается история жизни К. Е. Ворошилова, начиная от первых выступлений слесаря-большевика в Луганске и кончая его ролью в укреплении обороны отечества на высоких государственных постах. Огромный материал автор умело облекает в стройное сюжетное повествование, хотя каждая из частей поэмы легко могла бы превратиться в самостоятельное произведение. Эта сюжетная концентрированность позволяет Джамбулу дать историю жизни Ворошилова, как историю жизни и борьбы народа.

Поэмы Джамбула отличаются широким охватом прошлого и настоящего. В сравнительно небольших по объему поэмах «Моя Родина» и «Моя жизнь», по существу, дана двухвековая история казахского народа. Биография поэта в данном случае достигла той степени художественной типизации, когда она опять-таки воспринимается как биография целого народа. Такой же обобщенностью характеризуются «Поэма о Ворошилове», поэма «Утеген-батыр» и др.

Многосторонний, эпический размах повествования

даже в поэмах всегда сочетается с лирическими размышлениями. В поэмах значительное место занимают прямые лирические отступления. Рисуя детство и юность Ворошилова, протекавшие в обстановке тюрмы народов — царской России, Джамбул восклицает:

Как **Клима**, дожди нас печально **секли**,
Как Клима, нас ветры горячие **жгли**,
Как Клим, мы под небом в степях ночевали
И, как Ворошилов, отрады не знали...
... Судьба Ворошилова—наша судьба.
Борьба Ворошилова **наша борьба**.¹

Аналогичные отступления встречаются на протяжении всей поэмы и очень разнообразны по темам. Тяжелое положение казахского народа в дореволюционное время, национально-освободительная борьба, историческая роль Ленина и Сталина, творчество акынов, социальная роль песни, дружба народов в СССР, — важнейшие темы лирических отступлений в «Поэме о Ворошилове».

Широко известен лирический финал поэмы «Утеген-батыр», полный приподнятого выражения патриотической настроенности акына². Насквозь пронизана сердечным лиризмом поэма «Сталин». Лиризм здесь достигает апогея в строках, в которых Джамбул приглашает товарища Сталина приехать погостить в казахский аул. Благодаря лирической окрашенности, усиливается социальное звучание и эмоциональное воздействие поэмы «Я избираю Сталина».

Если даже в песнях Джамбул умел давать большие и яркие образы, то тем более полновесны такие образы в поэмах. Сталин, Ворошилов, казахские батыры, — эти образы разработаны в поэмах акына всесторонне. Героизация, историчность, народность, индивидуализация каждого лица, — вот что прежде всего отличает работу акына над основными образами поэм. При этом автор поэмы сосредотачивает обычно внимание на главном герое, и это позволяет ему рельефно представить характер главного героя.

¹ Джамбул. Поэма о Ворошилове. «Песни и поэмы», стр. 149, 150.

² Там же, стр. 135—139.

Специфичность устного творчества предопределила в поэтике Джамбула значительную роль традиции, известную зависимость от издавна бытующих изобразительных приемов. Но это не выражалось у нашего акына в приверженности к стандартным поэтическим схемам и формулам, к повторению штампованных образов или трафаретных приемов и композиций. В творчестве Джамбула фольклорная казахская традиция, несомненно, играла роль, но отнюдь не решающую. Остановимся на одном, двух примерах.

В старой казахской поэзии широко применялся прием сопоставления основного героя с другими героями, причем оно делалось обычно в конце произведения в форме вывода — характеристики. Наиболее ярко этот прием выступает в поэме «Кыз-Жибек». Тулеген отправляется на поиски невесты. В пути он встречает ряд красавиц, характеризуемых красочными сравнениями и эпитетами. Каждая из вновь встреченных девушек прекраснее предшествующей. И только тогда, когда достигнут предел нанизывания лиц, выступает обаятельный образ Кыз-Жибек. Она оказывается красивее всех красавиц.

Аналогичный прием использовал Джамбул в поэмах «Клим-батыр» и «Моя Родина». В последней поэме автор характеризует образ Сталина, сопоставляя великого вождя с «пророком», «горными вершинами», «океаном», «луной», «солнцем» и «полярной звездой». Но Джамбул, в отличие от традиционного приема, не относит окончательного вывода характеристики к концу произведения, а в самом процессе сопоставления делает заключение о том, что ни один из названных символов не раскрывает величия сталинского характера. Затем, сравнивая сталинский характер с мощными явлениями природы, Джамбул опять не находит исчерпывающего сравнения, так как впервые он воспекает человека, превосходящего своими достоинствами все, что принадлежит окружающему миру. **Перед** нами попытка переосмыслить традиционную поэтику, попытка, которую можно проследить и на использовании афоризмов.

Афористический способ выражения мысли Джамбул унаследовал от казахского народного творчества. Но поэтика Джамбула и отдаленно не напоминает христо-

матийного собрания народных афоризмов. Певец самостоятельно создавал полные глубокого смысла афористические выражения и делал их необходимым составным элементом своих песенных текстов. Показательно в этом смысле произведение «Основа жизни». Автор берет несколько мудрых народных выражений: «Солнце — основа жизни», «Дружба — основа жизни», «Сила — основа жизни», «Смелость — основа жизни», и заключает, что «так говорит народ» о дружбе народов СССР, о смелости советских летчиков и т. д. С логической последовательностью певец и дальше развивает идею песни: «Сталин принес нам солнце, дружбу, кипение сил». И наконец, следует заключительный аккорд, показывающий, что народный афоризм полностью переосмыслен применительно к новым явлениям эпохи:

Счастливы в нашей отчизне
Каждый кишлак и аул.
«Сталин — основа жизни!» —
Так говорит Джембул.¹

Творческое обогащение поэтической традиции здесь настолько значительно, что налицо законченный поэтический образ, в котором отражены представления о великом вожде, одинаково близкие и народу и его певцу.

VI

Когда говорят о традиции, интересуются ее источниками. Возникает вопрос о степени влияния Востока на поэтику акына. Впрочем, влияние Востока на всю казахскую поэзию тоже еще остается проблемой. В большинстве критических статей о Джембуле авторы ограничиваются лишь общим замечанием по поводу отношения его поэтики к поэтике восточных литератур. Так, Н. Плиско, например, пишет: «В его песнях сверкает всеми цветами радуги многовековая поэтическая культура Востока»². Замечания такого характера повторяются и другими критиками. Обстоятельнее критические

¹ Д ж е м б у л. Основа жизни. Журн. «30 дней» № 5, 1938, стр. 12.

² Г. П л и с к о. Великий - поэт советских народов. Журн. «30 дней» № 5, 1938, стр. 23; В. Гоффеншефер. Джембул. Журн. «Литературное обозрение» № 5, 1938, стр. 3.

суждения академика Ю. М. Соколова: «Собственное творчество Джамбула, как и многих других казахских акынов, тесно связано с поэтическими, стилевыми традициями восточной поэзии. Стоит только повнимательнее вслушаться в ритмы и мотивы песен Джамбула, всмотреться в наиболее характерные для него композиционные приемы, в выбор и сцепление поэтических образов, сразу станет ясной тесная связь поэзии Джамбула с многовековыми традициями поэзии других народов Средней Азии, Закавказья, Ирана, да и всего Ближнего Востока»¹.

Ю. М. Соколов подтверждает высказанное положение анализом отдельных произведений Джамбула. Традиционный образ соловья-поэта («Песня о Пушкине», «Сулейману Стальскому», «Джамбул—Гасему Лахути»), образ легендарного Гюлистана, роскошного сада, в применении к характеристике Родины, использование названий драгоценных камней, самоцветов, золота, серебра, жемчуга («для изображения картин природы или при выражении своего восторга перед духовной красотой человека»), шелка, атласа, бархата, парчи, дорогих тканей, — все это, по мнению Ю. М. Соколова, сближает поэтику Джамбула с поэтикой восточных литератур.

Однако, в наблюдениях Ю. М. Соколова звучит слишком категорически утверждение о зависимости Джамбула от восточной поэзии. Во-первых, поэтика казахского акына имеет специфические черты, обусловленные особенностями национальной казахской поэзии, а во-вторых, традиционные элементы старой поэтики Джамбулом вообще используются весьма умеренно. У Джамбула, особенно в советский период, нет элементов типичного восточного орнаментализма, тенденции увлечения восточной пышностью и риторичностью. Певец сталинской эпохи во всяком случае не только деформировал традиционные элементы восточной поэтики под воздействием нового творческого опыта, что от них осталось немного. К тому же отдельные переводчики непомерно приукрашивали тексты Джамбула несвойственными его поэтической манере пышными метафорами.

 ¹ Ю. М. Соколов. Русский фольклор, стр. 541.

В поэтике восточной поэзии фигурируют многообразные, хорошо разработанные ритмические стиховые размеры. В азербайджанской, татарской и узбекской литературах используются такие формы, как месневи — двухстишие, рубайи — четверостишие с разнообразными способами рифмовки. Основной формой народной песни в Азербайджане являются баяти, самостоятельные четверостишия. В азербайджанской же поэзии встречаются пятистишия. В иранском фольклоре наиболее распространенными формами оказывается четверостишия («тэранэ») и народный романс («тэсниф»), не имеющий определенного размера и часто близкий к рифмованной прозе.

Этих размеров, идущих от арабо-иранской литературы, у Джамбула нет. Следовательно, зависимость в ритмической организации стиха от восточной литературы в творчестве Джамбула просто отсутствует. Он, как мы знаем, разрабатывал своеобразную форму казахской народной поэзии — жир.

Не страдал Джамбул и чрезмерной метафорической витиеватостью, свойственной многим восточным поэтам прошлого и вызвавшей в свое время иронию у Ф. Энгельса (письмо Марксу от 6 июня 1853 года). В чрезмерной метафоризации восточной поэзии, в частности иранской, больше холодной риторики, формалистических изощрений, нежели глубокого смысла и чувства.

VII

Язык песен и поэм Джамбула — это язык народной поэзии, язык народа, доведенный в песнях до высокого художественного совершенства.

В языке Джамбула встречаются варваризмы, идущие часто от арабского и персидского языков. Варваризмы эти отнюдь не засоряют поэтического языка акына, так как они вводятся не искусственно, а представляют собой слова, органически связанные с казахской разговорной лексикой. Характернее, что Джамбул, певец, сталинской эпохи, вводит в свои песни слова, непосредственно связанные с нашей советской современностью, оперирует понятиями, отвечающими новым формам общественной жизни после Октября. В его лексикон входят и прочно ассимилируются такие, например, слова как: винтовка, пулемет, самолет, завод, фабрика, радио, трактор, метро, техника, маршал, комиссар, партия, про-

летарий, пионер, комсомол, социализм, коммунизм, совет, закон, союз, колхоз, Кремль, марксизм, орден и т. д.

Точность, выразительность, лаконичность — основные языковые установки Джембула, всегда ярко выражавшего идейное содержание задуманных песен. Художественным мышлением народный поэт владел с таким совершенством, что плавное и вместе с тем разнообразное по интонациям течение его песенной речи никогда и ничем не затруднялось. Вместе с тем язык его никогда не превращался в формалистическую игру слов, язык этот всегда состоял на службе у мыслей, идей, живых образов.

Пользование афористическим стилем типично почти для всех произведений певца. Приведем несколько примеров, в которых отчетливо выступает умение его достигать большой «экономии слова, речевой сжатости и образности» (Горький).

И красное знамя, как сердце в руках,
Священное красное знамя держали...

(„Клятва бойца“) ¹

С именем Ленина бились сердца!
С именем Сталина радость пришла!
С именем Сталина степь зацвела!

(„Моя Родина“) ²

Маленький след—дорогу рождает,
Море из ропшика вырастает...

(„Великий Сталинский закон“) ³

Служи же народу. Все в мире пройдет,
По вечен народ, никогда не умрет.

(„Я народу служу“)

Афоризмы Джембула обладают иногда большой силой. Это объясняется тем, что за ними всегда угадываются мудрость, огромный жизненный опыт и ясность сознания поэта. Афоризмы Джембула не просто удачные острые формулировки: они организуют наши цели и

¹ Газ. «Известия» от 23 февраля 1939 года.

² Д ж а м б у л. Песни и поэмы, стр. 144.

³ Там же, стр. 40.

чувства в определенном идейном направлении. В отдельных произведениях акына встречаются целые россыпи афоризмов. Так, например, в речи на Втором Съезде коммунистической партии большевиков Казахстана в июле 1938 года Джамбул с ненавистью бичевал изменников Родины, врагов народа из троцкистско-бухаринской своры; он отстаивал несокрушимую мощь советского народа, партии Ленина—Сталина в таких фразах:

Врагам Ала-Тау не сокрушить,
Врагам океан не иссушить,
Врагам наши зори не затемнить,
Врагам наше солнце не потушить,
Врагам наши песни не заглушить,
Врагам нашу юность не задушить,
Рабами не сделать родных сыновей,
И радость у наших не взять дочерей.¹

Или вот в песне «Собака бая Кадырбая» тоже привлекает афористический строй речи:

Кто вольностью дышит—богатым не будет.
Кто лижет подметки—сапог не добудет.
Кто стонет да плачет над байским порогом,
Слез у того наберется немного.
Кто песен не знает, тот жить не умеет,
Кто бедеи умом, тот овечкою блеет,
Кто шею не гнул перед баем богатым,
Тот до могилы не будет горбатым.
Кто песню свою продает за бараба,
Тот мухи ничтожней, трусливей кояна.²

Лаконичность и сила в поэтической фразеологии отличаются — например и следующие строки:

Ни грозы, ни бури для нас не опасны,
И море, и суша, и высь нам подвластны.
Недаром же нас зарубежный народ
Ударной бригадой вселенной зовет.
Наш век громыхал кононадой походов,

¹ Джамбул. Песня победы. Газ. «Известия» от 12 июня 1938 г.

² Джамбул. Собака бая Кадырбая. Журн. «Литературный Казахстан», № 4, 1938, стр. 23; **коян—заяц.**

Наш век стал вепою счастливых народов,
И песня, как солнце, как кровь, горяча,
И жизнь, словно степи, сияет в лучах.

(*„Песня о весне народов“*)¹

Джамбул — поистине виртуоз живописи слова. Как чудесными красками, пользовался акын словом. Оно одинаково верно служило у Джамбула раскрытию характера, портрету, пейзажу. Сравнения и метафоры блещут тут на каждом шагу, подобно золотой россыпи.

«Героическое дело требует героического слова», — любил повторять А. М. Горький. Джамбул тем и знаменит, что умел найти наисоответственнейшие слова для изображения людей и событий сталинской эпохи. Советский Союз, например, поэт представлял живым существом, невиданным великаном — «В нем слышно дыханье и сердца биенье, горение чувства и мысли кипенье». Родился СССР в грозных боях, вырос, окреп и теперь

В румянце знамен он могуч и здоров,
Пульсирует в нем большевистская кровь.
Он дышит свободой. В нем кости из стали,
А мозг его — мудрый и солнечный Сталин.

В другом случае Советский Союз представлен в виде большого каравана, шествующего во главе с мудрым водителем «в джайлау веков — коммунизм». Такое оригинальное олицетворение повлекло за собой ряд последующих олицетворений: на пути «большого каравана» сказочно «восходы встают и закаты цветут, в горах водопады гортанно поют, созвездия в небе ведут хоровод».

Прием олицетворения — один из излюбленных у Джамбула. Антропоморфизм — ведь характерная черта народного творчества. Он у нашего певца мастерски применен для конкретного показа явлений социального порядка. А о том, что этот прием законен в художественном познании мира, хорошо писал еще Горький в автобиографических заметках «О том, как я учился писать»².

¹ Джамбул. Песни и поэмы, стр. 43.

² Цитир. сборник «О литературе», стр. 171 — 172.

Художественный эпитет, меткое сравнение, полновесная метафора, уместная гипербола — составные элементы поэтики "Джамбула. Они не 'столько украшают, расцвечивают его песни, сколько всегда служат всестороннему, исчерпывающему выявлению их идейного содержания.

Джамбул—мастер эпитета, причем поэтические определения у него очень многообразны. От народного творчества Джамбул унаследовал традиционные постоянные эпитеты, но использовал их в композиции новых образов. Многие из постоянных эпитетов получили как бы новое звучание. Так, по новому воспринимается постоянный эпитет в контексте: «Байтак жазик дала»¹, т. е. «широкая просторная степь». Теперь это традиционное художественное определение выражает гордое сознание обретенной свободы и перекликается с чувством советского патриотизма. Любопытно, что отдельные джамбуловские эпитеты на наших глазах становятся в казахской поэзии (особенно в творчестве акынов) постоянными. Так, постоянным стало выражение: «Алтын занды Сталин», т. е. «Золотой Сталинский закон».

Народный акын зачастую находит для отдельных образов помногу эпитетов, причем они не повторяют друг друга, а открывают дополнительные оттенки явлений. В «Песне о кумысе», для описания любимого у казахов напитка, привлечены эпитеты: хмельной, золотистый, согревавший, привычный, степной, не имеющий крепости водки, бодрящий, несладкий, душистый, пахнущий солнечной степью, густой, ароматный, крепкий, напиток батыра, холодный, чистый, веселый, звонкий.² До двадцати эпитетов для определения одного кумыса!

Джамбул любил красочные эпитеты, но умело владел и самыми простыми эпитетами. В песне «Ленин и Сталин» сказано о Владимире Ильиче: «и вижу — в гробу он лежит, как живой, спокойный и мудрый, простой и родной». Это хорошо и просто.

Содержательны и метки у Джамбула сравнения. Поэт-импровизатор превосходно различал разнородные явления, предметы, лица, но всегда находил между ними и сходство по тем или иным признакам. Большое

¹ Джамбул. Песни и поэмы, стр. 6.

² Джамбул. Песни о кумысе. «Песни и поэмы», стр. 83—84.

место в его поэтике занимают сравнения и метафоры, в которых отражается трудовой быт казахского народа. Явления природы, круг явлений, связанных со скотоводством, охотой, былым кочевым образом жизни, часто выступают основой джамбуловских сравнений. В советский период, когда необычайно обогатился кругозор поэта, у него, естественно начали формироваться сравнения и метафоры на широкой основе новых общественнополитических представлений.

. Вот ряд сравнений, построенных на связи явлений, типичных для степной жизни:

Стоит мавзолеей посреди земли
Народы, как реки, к тебе потекли.

(„Ленин и Сталин“)

И песня, как солнце, как кровь, горяча,
И жизнь, словно стени, сияет в лучах.

(„Песни о весне народов“)

Как солнце, оп ясен, высок и могуч
И грест народы теплом его луч.

(„Ленин и Сталин“)

И реки звезят, как разлив серебра,
И степь расстилается шкуркой бобра,
Цветы, как джигитов отважных сердца,
Украсили степь от конца до конца.
Как беркуты, в небо взлетят самолеты..

(„Призывная песня“)¹

Мы росли, малыш, в неволе,
Пас, как перекачи-поле,
По степям пужда тнала,

(„Учись, малыш“)¹

В поэтике Джамбула налицо сравнения и другого типа.

Никогда эмсе в облаках не бывать.
Никогда верблюду орлом не летать.
По морской воде паровоз не пойдет,
По сухой земле не пойдет пароход.

(„Песня гнева“)²

¹ Газ. «Казахстанская правда» от 28 августа 1938 г.

² Журн. «Литературный Казахстан», № 9, 1938, стр. 13—14.

³ Джамбул. Песни и поэмы, стр. 63.

Сравнение, развернутое с привлечением таких понятий, как паровоз и пароход, новы для казахской устной поэзии. Или:

На черную зависть и злобу врага
Священная дружба народов крепка.
Как клятва над лепишским гробом крепка.
Как в Арктике льды и сугробы крепка.
Как Сталина слава — крепка.
Как скалы вершин Ала-Тау — крепка.
Как паши Кремлевские стены—крепка.
Как новая сталь из мартена — крепка.
Как сила прибоя Арала —крепка.
Как сплав тутоплавких металлов — крепка.

(„Песня о братстве народов“)¹

В сравнениях сказывается острая наблюдательность поэта, колоссальный запас его живых впечатлений. В построении художественных сравнений Джамбул твердо придерживается реалистического принципа. В этом его отличие, например, от мастеров древнего эпоса. У тех солидное место отводилось религиозным, мифологическим элементам, и поэтому сравнение эпического героя, если он сам не являлся божеством, с созданиями религиозной фантазии считалось вполне естественным и необходимым. Джамбул находил нужные, свежие краски в окружающем мире, что только лишний раз подтверждает, как он кровно сросся с нашей эпохой.

Отлично работает у Джамбула и метафора. Она у нашего акына часто развертывается в поэтическую основу целого произведения. Впрочем он никогда не жонглирует вычурными иносказаниями: метафора в его импровизациях лишь гибкое средство для наиболее легкой передачи мысли слушателю, для наиболее сильного эмоционального воздействия на него.

Девяносто лет я солнца искал,
И солнце предстало передо мной...
... Сталин, солнце весеннее — это ты!

— („Песня о Сталине“)²

¹ Джамбул. Путешествие на Кавказ, стр. 22—23.

² Джамбул. Песни и поэмы, стр. 23.

Реалистична также джамбуловская гипербола, всегда полная смысла и конкретного значения.

Как беркуты, в небо взлетят самолеты,
Их крылья победные солнце затмят.

(„Призывная песня“)¹

Если бы мне снарядить караван
И на верблюжьем горбу
Ехать в Москву сквозь росу и туман,
Я проклянул бы судьбу.
Сдохли бы все мои верблюды,
Дождь бы смыл следы,
Я бы покинул аул молодым,
Прибыл в Москву седым.

(„Песня о друге Сталина“)²

Примечательна в поэтике Джамбула локальность образов. Локальность, как поэтический фон, встречается в творчестве почти каждого художника. У Джамбула песни носят отпечаток природы, быта, культуры Казахстана. Для джамбуловского текста обычны локальные фразеологические конструкции вроде: «будто кровь, как кумыс, забурлила звеня»; «вы похожи, внучата мои, на степных сосунков-верблюжат»; «земля моя в снежном и пышном халате». В таких случаях сразу ясно ощущаешь и видишь этнографическое окружение певца, и это по-своему ценно.

Конкретным выражением локальности в отборе и использовании акыном изобразительных средств является постоянное обращение его к некоторым неизменным атрибутам казахского степного быта.

Особенно любовно рисовал Джамбул в песнях образ коня, потому что «казах без степного коня, как осенний костер без огня»³. Конь в условиях кочевого хозяйства играл исключительную роль. Конь фигурирует в казахском эпосе, как верный соратник батыра. Имена коней (например: Тайбурыл у Кобланды, Тарлан у Таргына) пользуются устойчивой популярностью среди народа. Джамбул, встретивший «в седле своей жизни рассвет»,

¹ Журн. «Литературный Казахстан», № 8, 1938, стр. 5.

² Джамбул. Песни и поэмы, стр. 32.

³ Джамбул. Утеген-батыр. «Песни и поэмы», стр. 135.

такими красками рисует образ коня, подаренного ему
Сталиным:

— Так вот он — сверкающий конь моих снов,
Скакун темнорыжий, краса табунов,
Он жарко хралит и в просторы зовет,
И звонко копытами бьет.
Его благородная поступь звонка,
Его лебединая шея тонка,
Алмазные брызги сорит он из глаз,
А шерсть его, словно атлас,
Уздечка на нем в дорогом серебре,
Узоры седла, как ковер на заре,
И радостно, как золотая струна.
Звенят на нем стремяна.
Как в снах моей юности, стал я крылат,
Во мне возрожденные чувства бурлят.¹

Любовь к коню — верному помощнику человека, уважение к силе «арстана», восхищение зоркостью беркута, мужеством орла, ловкостью барса, статностью и красотой архара, прекрасное знание всех представителей богатого животного мира Казахстана, — все это закономерно отложилось в арсенале изобразительных средств Джамбула.

Несколько слов о композиции песен Джамбула. Она у нашего певца всегда отличается выдержанностью, стройностью. Характерные моменты композиции: зачин, вступление, сопоставление настоящего с прошлым, характеристика основного образа, заключение. В разных песнях, в зависимости от избранной темы, отмеченные моменты варьируются в различных сочетаниях. Песенные композиции у акына отличаются простотой и обдуманностью. Создается впечатление большой непринужденности песенного повествования. Требовалось, конечно, очень большое искусство, чтобы в процессе беспаузной импровизации сохранить строго логическое соотношение между отдельными частями песни. Но таким искусством Джамбул обладал в полной мере.

¹ Джамбул. Кляча и конь. «Песни и поэмы», стр. 96.

VIII

Казахский народный поэт — выдающийся мастер пейзажа. Природа со всеми ее явлениями — источник частых вдохновений Джамбула. Из природы черпал он немало ярких образов. Акын страстно любил природу и сам, всей своей поэтической натурой, как бы принадлежал ее вечной красоте. Природа живет в песнях акына настолько, что часто чудится в них свой запах степи, шум ветра, игра солнечных лучей, суровое безмолвие горных хребтов, журчание арыков, холодное дыхание зимы, голоса кочующих стад. Джамбуловский пейзаж поражает акварельной прозрачностью и эмоциональной живостью красок:

Коня мне седлайте! Я в степи поеду.
С ветрами в степях поведу я беседу.
Пусть зимняя стужа лицо опалит
И кровь мою старую расшевелит.
Пусть буду я снова от встречи с морозом
Взволнован и свеж, и, как в юности, розов.
Пусть снова, как в детстве, махит меня в даль
Студеный, серебряный, снежный февраль.
Э-ге-й! Широки вы, степные просторы!
Э-гей! Высоки вы, Тянь-Шаньские горы!
И снег лебединого пуха белей —
На всей широте несоглядных степей.
Засыпаны наглухо, плотно снегами
Дороги, покрытые густо следами
Отрядов, воинственных орд и полков,
Что шли сквозь туман величавых веков.
Земля моя в снежном и пыльном халате!¹

Поэт страстно влюблен в природу казахских степей, эта лоне которых прошла вся его вековая жизнь. Как часто в дореволюционном прошлом, одиноко скитаясь по кочующим аулам, он делился с неизменным другом —

¹ Джамбул. Песни и поэмы. Изд. «Советский писатель». стр. 108.

природою — сокровенными думами, тяжким горем и скупой в те годы радостью.

Я знаю на тысячи верст этот край
Пырей и полынь, саксаул и курай...
Закрывши глаза, я джайляу¹ найду,
По тропам стада проведу.
Смотрите,—сказал я на горной тропе,—
Вон сочные пастбища Суык-Тобе,
На травах его от пачала веков
Пасутся стада облаков.
Черта снеговая там глазу видна,
Вода ледниковая там холодна,
Весна там кочует, кругом разостлав
Ковры зацветающих трав.
А вот зеленеют, прохладу струя,
Кочевья Актасты и Кара-Кия,
Там росы сияют девичьей слезой,
Озера горят бирюзой.
В. Там воздух пьянящ, как весенний кумыс.
А ветер, как песенка кыз.²

Поэтическая картина летнего пастбища в горах дана так сочно, что ощущаешь чуть ли не всю прелесть альпийских лугов. А главное — в пейзаже этом все точно. Видны и ясно воспринимаются и широкие пространственные перспективы, и мельчайшие детали.

Когда-то молодой Энгельс в статье «Ландшафты»^{*} писал: «Степь бранили немало. Вся литература полна проклятиями ей, сделав ее, как в «Эдипе» Платена, предметом сатиры, но почему-то забыли вскрыть ее редкую прелесть и затаенное поэтическое очарование³. Редкую прелесть и затаенное поэтическое очарование казахских степей хорошо сумел раскрыть Джамбул. Выше мы привели картину горно-лугового пейзажа, а вот не менее красочная и эмоционально насыщенная картина подлинной степи весной:

¹ Джайляу — летнее пастбище.

² Джамбул. Джайляу. «Песни и поэмы», стр. 99.

Кыз-девушка.

³ Ф. Энгельс. Ландшафты. Собр. соч. К. Маркса и Ф. Энгельса, том II, стр. 55—56.

Коня мне седлайте! Мне юрта тесна!
 Над степью плывет голубая весна,
 Запели у юрт черноглазые кыз,
 Запенился нежный душистый кумыс.
 Над пиздами выются веселые птицы,
 И ржаньем зовут жеребят кобылицы.
 И белые лебеди в небе плывут
 Над степью зеленою, как изумруд.
 Цветущая степь! Ты волшебней мечты.
 Огнем самоцветов сверкают цветы.
 Пурпурные маки пылают, как пламя,
 Степные тюльпаны блестят лепестками.¹

Нарядная казахская степь живет в песнях акына всей полнотой жизни. Кажется, что она живет в них своей второй жизнью.

Джамбул никогда не остается бесстрастным созерцателем красоты окружающей природы. Пейзаж у него весьма часто овеян сосредоточенным размышлением. В пейзаже выражаются иногда глубокие мысли, яркие гражданские настроения. Описание покрытых травами степей, например, вызывает в акыне воспоминание о пролитой здесь человеческой крови («ведь политы кровью степные цветы, холодные камни, пески и кусты»), пролитой в результате грабительских вооруженных налетов Тимура, Чингис-хана и прочих хищных ханов. Картина пурги, сравнявшей овраги со степью, ассоциируется с грозным революционным шквалом 1917 года, уничтожившим старый мир на шестой части земного шара. Джамбул подчеркивает:

Другую мстель и другую пургу
 Я в сердце ношу и забыть не могу.²

Пейзаж Джамбула подсказан часто и философско-историческими раздумьями. В поэме «Суранши-батыр», например, образ природы выражает поэтически обобщенное представление о безрадостной, как пасмурный день, дореволюционной жизни казахского народа. Поэт дает здесь сопоставление, полное познавательного значения:

¹ Джамбул. Песня о весне народов. «Стихи и поэмы», стр. 42.

² Джамбул. Песни и поэмы. Изд. «Советский писатель», стр. 115.

Если тучи соберутся,—
У подножий реки льются,
На вершинах снег холодный,
А в долинах травы вьются,
На вершинах льдина виснет,
Молоко в долинах киснет..
Разве это не прообраз
Многолетней нашей жизни?¹

Наоборот, в песнях советского периода пейзаж солнечно радостный, переливающий всеми цветами радуги, отражает в себе идею счастливой народной жизни.

Природа в песнях Джамбула сопутствует переживаниям и героев и самого автора. Как с живым существом, беседует Джамбул с волшебным кудесником-ветром, что «несет над степями гортанные песни». Ветер рассказывает поэту «про грозный шестнадцатый год»².

Джамбул, сроднившийся с казахской степью, мгновенно замечает в ней, как в родной юрте, малейшие изменения. А эти изменения в век Советов, в век социализма оказались грандиозны. Через степи пролегла сталинская магистраль — Турксиб, в степях, выросли новые города и селения, засияли огни заводов и фабрик, убогие кочевья сменились богатыми колхозами с оседлым населением.

Как сад Гюлистана, степь зацвела,
Богатую юрту мне жизнь дала.
Чудесный она постелила ковер
Мне от Син-Цзы до Уральских гор,
Она мне разгладила складки на лбу.³

Джамбул с энтузиазмом зарисовывал пейзаж социалистического Казахстана. Стоит только вспомнить такие песни, как «Ленин и Сталин», «Песня ликования», «Песня о большом караване», финал поэмы «Утеген-батыр», чтобы убедиться, как много жара и поэтической силы вкладывал старик-певец в увековечение красоты нового мира.

¹ Джамбул. Сурашши-батыр. Журн. «Литература и искусство Казахстана», № 10, 1939, стр. 7.

² Джамбул. Песни и поэмы. Изд. «Советский писатель», стр. 112 — 113 и 114.

³ Джамбул. Привет народа. «Песни и поэмы», стр. 26.

Песни Джамбула — образец искусства, сохранившего все элементы синкретизма: в них сочетается мастерство слова с мастерством музыкального исполнения, с вокальным мастерством, с мастерством мимики и жеста.

Синкретизм — одна из характерных особенностей фольклора. Синкретические черты искусства Джамбула особенно полно проявлялись в айтысах.

Домбра — неразлучный спутник Джамбула с юношеских лет. «Когда домбра попала мне в руки, — говорил певец, — звуки ее перевернули мне душу. Мне казалось, что звенит не домбра, а мое сердце. И когда я убежал в степь и громко пел, мне чудилось, что вся степь заполнялась моим голосом». Слово и музыка сливаются в едином процессе импровизации, и в этом гармоническом сочетании слова и музыки Джамбул — мастер исключительной силы.

Джамбул не создавал собственных музыкальных мелодий, а пользовался богатствами народного музыкального творчества. Эти богатства исключительно велики и художественно ценны. Доказательство тому: записи казахских песен и кюев, сделанные народным артистом КазССР А. Затаевичем, казахские оперы «Кыз-Жибек», «Ер-Таргын», «Жалбыр», «Айман-Шолпан», «Бекет», творчество народных казахских композиторов Биржана, Акан-Серэ, Имам-Жусупа, Жаяу-Мусы, Мухита, Сейтека, Курмангазы, творческие достижения современных композиторов — А. Жубанова, Хамиди, Е. Брусиловского и др.

В искусстве Джамбула, естественно, сочетались и высокая культура слова, и не менее высокая культура народной казахской музыки. Певец имел возможность выбирать из разнообразного репертуара мелодию, соответствующую импровизируемой песне не только по ритму, но и по художественному звуковому рисунку. Такие качества казахской народной музыки, как удивительная звуковая изобразительность, внутренний драматизм, выразительность и простота образа, мелодичность, разнообразие ритмов, элементы настоящего симфонизма, в

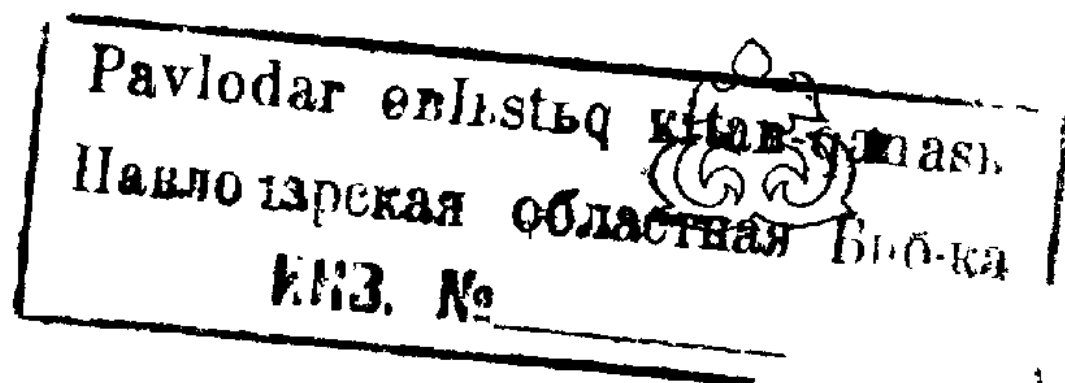
¹ А. Затаевич. 1000 песен казахского народа. Оренбург, 1925, и 500 казахских песен и кюев Аласовских, Семипалатинских и Уральских. Алма-Ата, 1931.

• сочетании с высокими художественными достоинствами поэтической импровизации обеспечивали не механическое, а органическое слияние музыки и слова в песнях Джамбула.

Широкая популярность использованных мелодий немало содействовала массовому распространению песен акына, повышенному эмоциональному воздействию их на слушателей. Тем не менее в импровизациях Джамбула, сопровождавшихся аккомпаниментом домбры, ведущую роль играли слово, текст, содержание песен.

«Все истинно мудрое — просто и понятно», — утверждал классик социалистического реализма А. М. Горький. Это утверждение полностью можно отнести к творениям мудреца, чародея песни, трижды орденоносного казахского народного поэта Джамбула Джабаева. В сокровищнице советского искусства произведения Джамбула бережно сохраняются для грядущих поколений. Великий памятник воздвиг он себе прекрасными художественными созданиями, и о нем с неоспоримым правом можно сказать словами его же прощальной песни Сулейману Стальскому.

Нас тронуть не смеют забвенье и тленье...
И скажут, па смелу придя, поколенья—
Бессмертны в народе лезгин и казах,
Что цели стране о бессмертных делах.¹



¹ Джамбул. Прощальная песня. Сб. «Путешествие на Каз-каз», стр. 76.



СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Глава I. Народный певец Сталинской эпохи	5
Глава II. Жизненный путь акына	18
Глава III. В мире поэтической традиции	60
Глава IV. Дореволюционное творчество	72
Глава V. После Октября	117
Глава VI. Эпические образы Ленина и Сталина	142
Глава VII. Поэзия советского патриотизма	169
Глава VIII. Мастерство акына	208

*

Редактор Д. ПИКОЛИЧ.
Технический редактор Х. ДАВЛЕТОВ.

Подписано к печати 8/VI 1946 г. УГ01619. Издательский, № 66.

Объем 15 п/л. Уч.-авт. листов 12,45 л. Тираж 15000 .

Цена 8 р. Переплет 2 р. -

Литография № 3 Управления полиграфии и издательств при
Совете Министров КазССР гор. Алма-Ата, пр. Ленина, 2. Зак. №455